

Юлия Гехт

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

на велосипеде

Юлия Игоревна Гехт

Против течения на велосипеде

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68627653

SelfPub; 2022

Аннотация

Книга о дружбе, о туристических походах, о взрослении и испытаниях, которые предлагает жизнь, о ценности семьи. В произведении переплетены воспоминания о детстве, выпавшем на непростое время после распада СССР, чувствуется смятение и хаос девяностых, показана роль семьи в формировании жизненных ориентиров и становлении человека. Несмотря на то, что речь идёт о наших днях, автор обращается к истории страны, нашедшей отражение в истории одной конкретно взятой семьи. Действие происходит в удивительно красивых местах российской земли: утёсы Среднего Урала на берегу реки Чусовой, озёра и горные вершины Западных Саян, таёжные тропинки у Данилова озера рядом с затерянной деревушкой в Омской области. Повествование пропитано атмосферой любви: к ближнему, к стране, к жизни как таковой. «С улыбкой о важном» – вот, пожалуй, девиз этой книги.

Содержание

Предисловие	5
Глава	6
Глава 2. Родительский дом	63
Глава 3. Ергаки: только своими ногами	94
Глава 4. Родные места: озеро Данилово	162

Юлия Гехт

Против течения на велосипеде

Посвящается моему сердечному другу,
сестрёнке Женечке

*И если ты станешь взрослой
И даже совсем не тоненькой,
Я буду любить тебя так же,
Как в наше первое лето.*

*Группа «Ночные снайперы»,
«Антипесня»*

Предисловие

Изложенное в этой книге соткано из разных событий, как лоскутное одеяло из кусочков пёстрой материи. События эти произошли в разное время с разными людьми. Объединяет их то, что все они по воле судьбы, или по распоряжению Вселенной, или ещё почему-то появились в моей жизни, и без них я была бы уже не я, а может, и не было бы меня вовсе.

Я не историк и далека от объективности: здесь нет точных фактов, детали перепутаны, некоторые имена, названия и даты изменены нарочно, а какие-то и вовсе забыты по моей рассеянности.

Искренность – вот что обещаю тебе, мой Читатель.

Глава

I

. На Чусовой

Ляжем на вёсла,

Кто не мечтал в этой жизни хоть раз

Всё отправить к чертям,

В одиночку пройти океан,

Посвящая сверкающим звёздам

Строчку за строчкой, целый роман?

Находя только в этом усладу,

Ничего не боясь, кораблём управляя шутя,

Ничего не теряя уже,

Предпочтя дворцовому аду рай в шалаше.

Группа «Сплин», песня «Рай в шалаше»

Девять лет пошло с того дня, как колесо моего старенького «Салюта» предательски вильнуло, наскочив на корень сосны, и меня выбросило с велосипеда в траву. Я лежала на боку, голова, казалось, норовила укатиться вниз, попрощавшись со мной навсегда, и потому я крепко держала её руками, стараясь посильнее прижимать к земле. Открыв глаза, я увидела свою грязную тельняшку. В лесу недавно прошёл дождь, и колеи, накатанные шинами внедорожников, налились глубокими лужами, а в них отражались трава, и

небо, и высокие сосны, обступившие меня тёмными шершавыми стволами. Голова моя стала огромным чугунным котлом, подвешенным над костром в пещере людоеда. В котле этом закипал суп из лягушек и скорпионов, щедро приправленный носками горе-путешественников. Всё это вариво бурлило, трещало и угрожающе выплёвывало кипящую жидкость наружу. Рядом лежал велосипед, руль которого я не смогла удержать на спуске. Как это случилось?

Куда я ехала? Как оказалась здесь? Мне нужно сдавать экзамены, ведь идёт летняя сессия, что я делаю в этом лесу?.. Не помню. Ничего не помню.

После этого падения нейрохирург скрупулёзно цеплял к моей голове множество проводов-электродов, потом долго изучал результаты моей энцефалограммы и развёл руками:

– Странно. Потеря памяти может произойти после крупных автокатастроф, когда человек едва остаётся жив... А вы просто упали с велосипеда. Сотрясение мозга небольшое было, конечно, но вот амнезия – нет, это невозможно.

Доказывать обратное, выяснять, куда девался кусок памяти, как я оказалась в том лесу на велосипеде, я не стала, чего доброго отправят в психбольницу и начнут лечить, пока совсем не «вылечат»... Проживу как-нибудь без ответов на эти вопросы. На следующий день я всё же села за руль моего «Салюта», по-прежнему могла держать равновесие, объезжать деревья и прохожих, страха нет, но что-то не так. Я пе-

рестала радоваться шуму резиновых шин и металлическому тиканью цепи, улыбаться встречному ветру и ощущать неведомость, спускаясь под горку. Теперь я просто передвигалась на двухколёсном устройстве из точки «А» в точку «Б», так же, как ехала бы в метро или на трамвае. Искры, которые каждый раз зажигались во мне, когда я раскручивала педали, будто выпали из моей души в ту самую лужу, куда я угодила в лесу, и там погасли.

Прошло так много времени... За эти годы судьба подкидывала меня вверх, к облакам, на крыле парaplана, мягко окутывая тишиной, спускала в тоннели, гулко присыпая камнями, несла на всех парусах, надутых солёным ветром, волочила на санках, бороздя полозьями по асфальту, – так, из интереса. Близился мой тридцатый день рождения. Ещё совсем недавно я была студенткой, и едва наступала весна, как я натягивала капроновые колготки и белые сапоги на шпильках. Вот иду, балансируя по гололёду, без шапки, в лучшем случае надеваю берет, едва закрывающий макушку. Нос и ухо, которому не хватило берета, красные, ведь на улице ещё крутой минус, а мой троллейбус никак не приходит. Стою на остановке, расправив плечи, будто не холодно вовсе, ведь весна, моя двадцатая весна, зимняя сессия закрыта, а до летней ещё далеко... Хоть бы не опоздать на лекцию, хоть бы пришёл троллейбус с местом у печки!..

И вот в один ничем не примечательный апрельский четверг вдруг посыпались звонки с поздравлениями: мол, с

днём рождения, с юбилеем!!! При слове «юбилей» становилось как-то неловко... У кого юбилей? У меня, что ли?.. Да уж, не хватает только атласной ленты «Юбиляр» через плечо...

Муж спросил, что мне подарить.

– Велосипед.

– Что? Ты же больше не катаешься? – удивился он.

– Я попробую снова. Велосипед, – повторила я.

И в день моего рождения меня ждал велосипед: чёрный с лакированным отливом, широкие шины с мощным протектором, изогнутая рама и зелёный звончок на руле. Чего ещё было желать? Муж – человек удивительный. Он не умеет говорить комплиментов и вообще редко говорит. Когда пошёл дождь и задул порывистый ветер, тушь предательски потекла чёрными ручейками по моему лицу, а причёска, над которой я колдовала полчаса, укладывая непослушные короткие волосы, в один миг превратилась в мокрую подбитую ворону. Он протянул мне свою куртку и разжёл костёр. С тех пор я с ним. Наверное, это любовь.

Итак, я заново села на велосипед. Сначала крутить педали было тяжело: вот что значит забросить бег и халтурить в тренажёрном зале. Своего нового друга я назвала Чижиком за небольшие размеры как раз на мой средненький рост – и за российское происхождение, так как родом он из Перми.

Наступил май, такой солнечный, душистый, доверчивый и надеющийся... Мы с Чижиком возвращались домой через

парк. Шёл первый в этом году дождь. Асфальт аллея намок, стал особенно тёмным, желающих прогуляться практически не было, и в парке остались только спортсмены, которые никогда не сдавались ни дождю, ни снегу. Эти спортсмены и любители бега гвоздями вонзались в мою совесть: когда-то и я была в их рядах. А теперь вот лень. Пахло то цветущей черёмухой, то хвоей: в парке так много сосен, их посадили, думаю ещё задолго до моего рождения, и теперь они величаво стоят вдоль аллея, испаря свой густой смолистый аромат. Запах... Какой же это приятный запах дождя и хвои! Так пахло по берегам реки Чусовой на Урале, куда меня однажды забросила судьба. Две недели на протяжении этого путешествия шли дожди: и грибные тёплые ливни, и ржавые колкие дождики, которыми обычно сыплет октябрь, и серые унылые, тягучие, как кисель, дожди... Я ехала, вспоминая тот поход, холодные ночи в сырой палатке на берегу Чусовой, всё быстрее и быстрее раскручивая педали, создавая своим движением ветер.

Лавочки вдоль аллея мелькали мимо меня всё чаще, а отдельно стоящего дерева было уже не различить: парк стал размазанным пятном, как если бы смотреть на картину маслом с близкого расстояния. Я перестала чувствовать сцепление шин с поверхностью земли, горячая искра загорелась внутри меня, отразившись на мокром асфальте, и зажгла другие искры. Это было больше, чем скорость, больше, чем ветер и сила притяжения. Этому новому чувству не находи-

лось названия в моём лексиконе, оно было таким глубоким, как необъяснимое счастье, росло, и с каждым оборотом педалей делало новый виток, и уже не вмещалось в меня, вырываясь наружу... А потом – оп! Я не успела поймать тот момент, когда переднее колесо Чижика врезалось во что-то твёрдое, как бетонная стена, я едва удержала руль, резко нажав задний тормоз, и через полсекунды передний – до упора. И как я только не упала! Не знаю, что стало бы с моей головой на этот раз. Наступила бы полная амнезия или открылась способность ясновидения?

«Чижик, мы с тобой молодцы!» – я перевела дыхание и улыбнулась, довольная тем, как здорово удержала руль. Я выдохнула, огляделась, и новое «землетрясение» случилось во мне: ни парка, ни лавочек больше нет! Я стояла у самой кромки реки. Стало темно и неясно: наступил поздний вечер или уже раннее-раннее утро, а может, здесь всегда так? В сумерках едва виднелось каменистое дно речки. Я придерживала за руль велосипед, который передним колесом стоял в реке. В мои кеды набиралась вода, ногам уже стало холодно и неудобно. Узенькую полоску реки плотно обступили лес и горы, но разглядеть, какой высоты, мешал туман, поднимающийся белой марлей над водой. Пахло сыростью, хвоей и дымом догоравших с ночи углей в костре. Мне стало страшно, я не понимала, что произошло. Как мне выбираться отсюда и кто здесь обитает? Неужели я опять ударилась головой? Может, я сошла с ума или мне все это снится? Тогда

я позвонила в зелёный звоночек на руле, чтобы проснуться, если всё-таки я сплю. Раньше не замечала, что он так противно звонит: звонок бросил свою ехидную усмешку, разрезав тишину, которая тотчас же срослась в единое тугое полотно и снова стала сдавливать виски. Несмотря на холодную воду реки, жар разливался по всему телу, что-то горело во мне, и я снова увидела искры, которые отражались на тёмной глади воды, постепенно угасая от сырости. Но голова не болела как в тот раз после падения. Я проверила колёса: прежде чем оказаться здесь, я явно въехала со всей скорости во что-то твёрдое, но ни «восьмёрки», ни других повреждений на колесе не было.

Ситуация всё сильнее обретала форму лабиринта без начала и конца, в который я попала непонятным образом. Я решила во что бы то ни стало взять себя в руки и осмотреть местность получше. Раз костровище ещё пахнет дымом, значит, недавно здесь был кто-то, кто разжигал костёр. Скорее всего, это рыбак или охотник, и он, несомненно, выведет меня отсюда! А вдруг этот кто-то сейчас сидит в укрытии и наблюдает за мной или уже метит стрелу мне в спину? Я обернулась. Сзади меня раскинулся лес, он тянул ко мне свои лохматые лапы и звал меня, словно хотел проглотить... «Ой, начиталась про индейцев историй всяких, а теперь дрейфишь», – я улыбнулась. И пошла вдоль реки, ведя Чижика рядом, стараясь наступать так осторожно, чтобы камни, громко поворачивающиеся под моими ступнями, не

выдавали моего присутствия здесь. Но в этой тишине даже писк комара казался разлаженной игрой целого симфонического оркестра, чего уж про стук камней говорить. Мой путь прервался, когда я увидела туристические палатки. Сначала я остановилась как вкопанная, а потом спряталась за большой камень, когда-то бывший частью горы, и стала наблюдать. Как позволял увидеть туман, палаток было не одна и не две, а больше десятка. Пёстрые, мокрые от дождя, они раскинулись на каменистом берегу. Людей по-прежнему видно не было, я решила, что все спят. Хотя нет, не все. Из-за синей палатки с оранжевым навесом вышел мужчина, в резиновых сапогах и тёплой фланелевой рубашке в клетку, в руках он держал несколько поленьев. Рядом, прямо на камне, стояла кружка, от неё шел пар. Мужчина поджёг шалашик из хвороста и дров, устроился на гладком бревне, когда-то выкинутом речкой на берег, и закурил, глубоко затянувшись. Вся эта картина показалась мне довольно чудной, но совершенно безобидной, я была даже рада, что всё так сложилось: ну вот, обычные туристы, все спят в палатках как убитые, а этот романтик вышел рассвет встречать и мёрзнет тут теперь. Я совсем осмелела и решила выйти из своего укрытия вместе с Чижиком, расспросить, как выбраться отсюда. Только как объяснить ему, что я здесь делаю одна с велосипедом в мокрых кедах? Придётся сочинять какую-нибудь легенду, правду ведь не расскажешь.

– Доброе утро, – я старалась говорить как можно уверен-

нее, будто и не переживаю вовсе.

– Доброе, – мужчина лет тридцати-тридцати пяти посмотрел на меня открытым взглядом, и, казалось, не удивился моему внезапному появлению, а даже, напротив, был мне рад, словно ждал меня. На его загоревшем лице светлыми чёрточками разбегались морщинки от ясно-голубых глаз. Нет, это точно не бандит. С такими глазами бандитов не бывает. Однозначно: романтик.

– Держи вот, – он протянул большую металлическую кружку, обвязанную льняным шпагатом. Пахло крепким кофе. – С молоком, как ты любишь.

Я действительно люблю кофе с молоком. А горячий кофе с молоком на рассвете у реки – это вообще одна из зарисовок счастья для меня. Моё приключение уже стало мне нравиться, и в голове пронеслась едва заметная, почти прозрачная, как пар от этой кружки, мысль: «А почему бы не задержаться здесь до обеда?». Но стоп. Откуда он знает про то, что я люблю? Хотя он, наверняка, ещё тот ловелас, и сказал про кофе наобум, чтобы завязать разговор со мной. Думаю, не одна я на свете барышня, которая любит кофе с молоком, шоколад и цветы. Я застенчиво опустила глаза, но кружку взяла.

– Доверяешь первому встречному. А если я бандит?

Человек в резиновых сапогах мягко улыбнулся и посмотрел на меня снисходительно.

– Мы знакомы? – я совсем растерялась. Я точно знала, что мы нигде не встречались раньше, в словах этого «банди-

та-романтика» кроется подвох, но где?

– Люди часто преувеличивают свою значимость, – незнакомец улыбнулся, будто и не слышал моего вопроса, продолжил:

– Одни уйдут, другие придут, а это всё, – он показал вокруг, – останется. А есть ли такой человек, который может приказать солнцу светить или звезде упасть? Людям сбрасывают звёзды с неба, а они или не замечают, или не успевают загадать желание, или просят о всякой чепухе. Настоящие и чистые желания у детей – одна радость их исполнять...

Я внимательно слушала эти туманные рассуждения моего таинственного собеседника, и толком ничего не понимала. Может, он сумасшедший? Или упал сюда, но только не с велосипеда, а откуда-нибудь повыше?

– Пожалуй, мне пора представиться: Андерсен.

Эту фамилию я знала только в связке с детскими сказками, никаких знакомых «андерсенов» у меня не было.

– Твой Ангел-Хранитель.

– Кто? ...

– Тебе сложно в это поверить. Но придётся.

Я крещёная, и знаю, что Кто-то Добрый помогал мне забраться на гору, сдать сессию, выздороветь и много чего ещё сложного ложилось на его плечи... но я никак не могла допустить, что встречу с ним. Этот человек, с двухдневной щетиной на щеках, в резиновых сапогах и с сигаретой во рту, и есть тот самый Ангел-Хранитель? Нет, не может быть.

– Эх, ты! Судишь по внешности. Но подумай сама, в каком виде мне нужно было явиться перед тобой здесь? Люди представляют ангелов голыми и с белыми крыльями, не могу же я таким прийти! А туриста-романтика ты точно не испугаешься.

Он здесь живёт, что ли? Я думала: все ангелы на небесах...

– Андерсен, а... – начала, было, я.

– Для первой встречи слишком много информации, – прервал меня Андерсен. – Это противоречит Закону Равновесия. Всё в мире подчинено ему. День уравнивается ночью, горы – морями, а разлука – радостью встречи, это и есть гармония Вселенной, когда одно существует только вместе с другим, понимаешь?.. И твой велосипед, – он провёл рукой по изгибу руля, – напоминание тебе об этом законе. Храни равновесие. А теперь тебе нужно хорошенько выспаться. Вон твоя палатка с оранжевым навесом. Встретимся позже. Мне пора вернуться на свой пост.

– Андерсен, пожалуйста, – я хотела что-то спросить, но мысль ускользнула из моей головы, как юркая рыба сквозь дырявую сеть. Я посмотрела туда, куда показывал Андерсен, увидела палатку, которую заметила ещё из-за камня. Палатка показалась мне уютной, так захотелось нырнуть в мягкий спальник и уснуть. Может, это всё сон, и завтра он закончится. Всё будет завтра.

– Велосипед тебе тут точно не пригодится, – улыбнув-

шись, проговорил Андерсен, подмигнул и исчез за густым рассветным туманом, уводя моего Чижика за руль. Мне ничего не оставалась делать, как пойти к синей палатке с оранжевым козырьком и ждать новых указаний Вселенной.

Я открыла молнию тамбура палатки: здесь расположились чёрные кирзовые сапоги, моток верёвки, сбоку прислонена «хоба» или в иных районах «пендюрка» – литературного варианта этого слова, скорее всего, нет, разве что подойдёт сухое объяснение: «отрез каремата для сидения туриста». Я принялась расшнуровывать сырые кеды.

– Юль, ты чего не спишь, рань такая! – знакомый и родной голос из палатки. Это Женька! Моя хорошая, моя родная Женька! Она-то здесь как оказалась? Теперь мы вместе, теперь-то мы разберёмся что к чему.

– Женечка, ты здесь! Я так соскучилась! Как хорошо, что ты здесь! – я обняла Женьку, которая лежала в спальном мешке, закрытом практически наглухо, только с отверстием для головы, и походила на большую личинку бабочки, спрятанную в коконе. Она открыла сонные глаза, поправила наехавшую на брови шапку и недоумённо уставилась на меня.

– Приснилось чего? Юльк, спи, сегодня ещё грести весь день. И шапку надень, холод такой. – Она чмокнула меня в щёку, перевернулась на другой бок и засопела, как ребёнок.

Я нырнула в спальник, лежавший рядом с Женькой, – стало быть, мой спальник. И начала изучать комаров на «потолке», которые залетели между тентом и палаткой и тщетно

искали выход из этой ловушки. Я сейчас тоже вроде этих комаров: застряла в неизвестном времени, то ли реальном, то ли в вымышленном пространстве, и непонятно, суждено ли мне выбраться. Хорошо, что рядом Женька – мой верный и надёжный друг, который всегда остаётся рядом, что бы я ни творила, кем бы я ни была, в какие капканы ни попадала бы. Мысли подхватили меня и понесли от этой платки далеко за речку и горы.

Думаю, пришло время поподробнее рассказать о Женьке. Была бы я более усердной, могла бы написать о ней отдельный роман или сборник новелл. Но раз до сих пор этого не случилось, будем довольствоваться малым.

Мы познакомились двадцать семь лет назад глубокой осенью. Это был промозглый октябрьский вечер, такой же, как и все остальные, моя жизнь текла медленно, и, казалось, не собиралась менять своего русла. Однако! Встреча была для меня настолько неожиданной, как если бы меня окатили водой из-за угла. Тогда я ещё и представить не могла, насколько поменяется моя судьба с появлением этого человека. Не могла я предположить, какими новыми смыслами наполнится моя жизнь, потому что никогда ещё не задумывалась о смыслах, ведь было мне всего три с половиной года. Родители задолго до появления Женьки обещали мне сестру или брата, маленького, похожего на куклу. Кукол, с румяными щёчками и разодетыми в платица, я не особенно жаловала, предпочитая им мягкого старенького мишку, конструктор из алюми-

ниевых деталей и оранжевую дудку. Конструктор нравился, потому что всякий раз из него можно было собрать что-нибудь новенькое, с папиной помощью даже выходил грузовичок. Про дудку и говорить нечего – с дудкой всегда веселей, и клавиши у неё разноцветные. А мишка – это и огромная любовь, которая только могла уместиться в детском сердце, и глубокая щемящая тоска, ведь был он изрядно потрепан, и надежда, ведь знал он все мои сокровенные желания...

И вот из роддома привезли Женьку.

– Она совсем некрасивая. И не наряженная даже. Может, обратно отдадим? – говорила я. Что скрывать, появление в доме малыша не стало для меня радостной новостью. Взрослые хлопотали вокруг нового ребёнка, и, казалось, я уже никому не была нужна, кроме своего мишки.

– Вот увидишь, она вырастет, и вы будете играть. Будете дружить, – убеждала меня мама.

И каждое утро я подходила к кроватке сестры, затаив надежду: «Может быть, она уже выросла?..». Но новый день повторял предыдущий: в лучшем случае Женька молчала и смотрела на меня из пелёнок своими большими удивлёнными глазами. Нет веры взрослым. Всё врут. Постепенно я с этим смирилась. Стала участвовать в купаниях малыша: подавала маме градусник, полотенца, трясла над маленькой пластмассовой ванной погремушкой. Женька обычно не плакала, да и вообще она не из тех, кто расстраивается по пустякам. Но когда у неё заболел живот, несколько ночей под-

ряд она отчаянно кричала, слёзы так и катились по раскрасневшемуся лицу, и нельзя ничего было с этим поделать. Тогда мне стало её жаль, впервые я почувствовала боль и беззащитность другого человека. Мама ходила кругами по комнате, укачивая Женьку, и я разглядела её маленькие розовые пятки, которые как раз были на уровне моих глаз. Я и сама не заметила, как полюбила эти пятки.

Потом мы вместе пошли в детский сад: Женька в ясли, я в старшую группу, обе разом переболели ветрянкой, пожалуй, самой весёлой болезнью на свете. Мама раздевала нас догола, рисуя зелёные крапинки, а мы хохотали: я – пискляво и звонко, а Женька – раскатисто своим грудным фирменным смехом. Все родственники и знакомые любили её смех, услышав который невозможно было сохранять сдержанность. Для Женьки было верхом удовольствия заявиться в кухню, где сидели взрослые, встать, подбоченясь, широко расставив ноги, с пухлыми, в ссадинах, коленками, хитро обвести всех взглядом и спросить:

– А хотите, я вам посмеюсь? Ахххахххаааа!

Разговор взрослых прерван, все смеются, а Женька продолжает, запрокидывая голову:

– Ахххахххаааа!

И так смеётся, пока мама не скажет:

– Женечка, ну хватит, хватит.

Родители не наказывали меня за Женькины проделки: каждый нёс ответственность за свои поступки. А вот во дво-

ре мы всегда были вместе: уходили гулять на болото у стройки, нянчили бродячих щенков, вертелись на каруселях, отбивались от неприятелей и возвращались с поля боя тоже вместе. Когда я окончила первый класс, папа отвёл нас в парикмахерскую за соседним домом, где нам остригли косы. Только когда мне стукнуло двадцать три, я отрастила волосы, которые рассыпались по плечам, и, когда я расчёсывала длинные русые локоны, видя себя в зеркале, всё не верила, что это действительно я.

Когда мне было лет двенадцать, а сестрёнке около восьми, кончалось лето, дни стояли холодные. В соседней многоэтажке оценилась собака, и её хозяева выкинули щенков в мусоропровод... Дети услышали писк у двери, ведущей к мусоропроводу и позвали дворника. Дворник открыл дверь и вытащил выброшенных с третьего этажа слепых щенков. Дети разобрали нескольких выживших щенков по домам на ночь. Мы взяли двоих. Мама не могла сдерживать слёз, когда вечером мы явились домой с новыми друзьями, и помогла нам организовать для них ночлег в коробке на нашем письменном столе под согревающим жёлтым светом настольной лампы. Мы застелили коробку детским зелёным одеялом в белую клеточку. Всю ночь в нашей комнате горела эта лампа, мы поили щенков молоком из пипетки, а те с трудом ползали по коробке и пищали, их маленькие лапы сводило судорогами. Глубокой ночью мы всё-таки сдались и уснули. А рано-рано утром нас разбудила мама, тихо сказав: «Девчон-

ки, щеночки умерли».

Мы с Женькой хоронили щенков сами, вдвоём, прямо в том одеяле под деревьями за пятиэтажкой в нашем дворе. До сих пор в моих глазах стоит то мягкое зелёное одеяльце в белую клеточку...

Я благодарна маме, что она не стала жалеть нас и обманывать тогда, мол, щенки выздоровели и убежали, что дала нам возможность испытать, прожить эту боль, рвущую наши детские души... Ведь так мы узнали о жестокости и милосердии, о том, что жизнь конечна, а смерть бывает непобедима, даже если ты очень-очень стараешься её побороть, о том, что собаки, порою, лучше людей. В то утро мы стали старше...

Никогда мы не слышали от родителей укоров, вроде: «Подтяни гольфы, ты же девочка». Слезам, капризам и слабости не было места в нашем пацанском детстве. Родители учили нас никогда не сдаваться и быть вместе, что бы ни преподносила жизнь...

Я проснулась от шума за тряпичными стенками нашей палатки: удары топора, который эхом отзывался в горах, плеск воды, перестук камней под чьими-то уверенными шагами, монотонное бряканье ложки о металлическую кружку – кто-то уже размешивал сахар в чае, детские вопли, мужской раскатистый хохот. Словом, ночь отступила и жизнь в лагере снова закрутила своё колесо. Женька ещё спала, свернувшись калачиком и тихо посапывая. Ночной холод всё-таки пробрался ко мне в отсыревший спальник, и я принялась ис-

кать в своём рюкзаке сухие носки. Какой же здесь бардак, ничего не разобрать: верёвка, прищепки, полотенце, майка, упаковка сухарей, фонарик, спрей от комаров, складной нож и даже новенький тюбик крема для рук – есть всё, только не то, что нужно. Собираясь в этот поход, мы ещё дома разложили одежду в целлофановые мешки для защиты от влаги. И теперь, чтобы найти какую-нибудь вещь, приходилось открывать каждый пакет. Ну куда же могли запропасться мои носки?

– Юльк, да когда ж ты уже шуршать перестанешь мешками своими? – послышалось Жекино сонное ворчание.

– Да я... это... носки ищу, – я старалась говорить тише, будто всё ещё надеясь, что не разбужу Женьку.

– На мои, – Жека протянула чистые сухие носки – бесценный подарок в походе! – Эх! Выспишься тут! Который час?

– Да пора собираться: там уже ложками гремят, пойдём завтракать.

Я надела носки, а Жека расстегнула спальник, открыла маленькое запотевшее зеркальце и принялась расчёсываться. Женька красивая. Даже по утрам. Даже в походе. Мягкий овал лица, прямой аккуратный нос, длинные волнистые волосы, распахнутые глаза. В её глазах всегда горят огоньки, живые, любопытные, которые радуются жизни, удивляются непонятному, ищут новое и не терпят фальши. Строгие и честные, полные решительности и духа, они отзываются даже на еле слышимый шёпот моей души, самый тихий

её вздох. Женька надела кирзовые сапоги, вышла из палатки и с удовольствием потянулась. История этих сапог забавная. Когда дома мы собирались в поход, Женя предпочла резиновым сапогам книгу «Грамматика любви».

– Ты сапоги взяла? – напомнила я.

– Да вот ещё! Тяжесть такую тащить, я лучше книжку возьму, почитаю там в лодке.

Я, не доверяя многообещающей омской жаре, всё-таки взяла сапоги. Однако тёплые куртки, шерстяные носки мы опрометчиво оставили дома. И вот, когда группа туристов прибыла в уральскую деревню – начальную точку сплава, на смену омской жаре пришли ветер и непогода, зарядил дождь. Наш инструктор предупредил всех участников похода: эта деревня – место, где ещё можно что-то купить, потом мы пойдём вниз по реке, и следующая деревня будет только через неделю.

И мы решили в местном магазине купить Женьке сапоги. Денег с собой негусто: нужно было оставить на обратный путь. В деревенском магазине резиновые сапоги стоили дорого, будто от парижского кутюрье, и Женька решила:

– Давай вот эти кирзачи возьмём. А потом выкину их и в Омск не повезу. Дождь, глядишь, кончится, а дома-то зачем мне две пары резиновых сапог?

– Такие сапоги только сантехники носят. С портянками. Ноги сотрёшь, – сомневалась я.

– И что теперь? Есть у вас тридцать девятый размер?

– Самый маленький сорок первый, – пожала плечами продавец.

– Ну и ладно. Носки надену. – Женька махнула рукой.

– Жек, шерстяных носков нет...

– Подложу что-нибудь. Давайте сорок первый.

Так мы купили Женьке пару кирзовых сапог сорок первого размера на широких каблуках за двадцать два рубля. Тогда мы ещё не предполагали, что дождь будет идти две недели каждый день подряд, и эти кирзачи станут самой популярной деталью Женькиного гардероба. Теперь по стуку тяжёлых квадратных каблуков я заранее узнавала, когда идёт моя Жека. Вот и сейчас были слышны её удаляющиеся от палатки шаги в больших кирзовых сапогах. В том же магазине мы купили и бутылку красного вермута «Salvatore», полагая, что он согреет нас в непогоду и придаст сил. Да к тому же именно такое вино часто стояло у нас дома на праздничных столах, и пригубить бокал вина нам не возбранялось. Увидев на прилавке магазина знакомую этикетку, мы не стали раздумывать. На костре стояла огромная, как в школьных столовых, кастрюля с кипятком, рядом каша, вареные яйца, хлеб и кубик сыра, заветренный за время похода. Твёрдый, жирный, без дырочек, приятного жёлто-оранжевого цвета. Мы завтракали, потягивая кофе со сгущённым молоком, кто-то ещё сонно выползал из палаток, а кто-то уже брался за вёсла и отчаливал вниз по реке. Я сделала бутерброды в дорогу, взяла кашу: сплав сегодня обещал быть долгим. Жека смор-

щила нос:

– А кашу зачем? Холодную, что ли, есть? Не, я не буду, – отказалась Женька и стала накачивать баллоны резиновой лодки, свистя насосом «лягушкой». Знаешь что, гречку и холодную можно поесть. Тем более сухари уже кончаются, – ответила я и упаковала металлическую плошку с кашей в целофан.

Мы притащили в лодку рюкзаки, под сиденье положили насос и кусок поролона, который папа вручил нам дома с напутственными словами:

– Вот, возьмите. В лодке пригодится.

– Зачем? Лодку мыть, что ли? – удивилась я.

– Пригодится, – повторил папа и протянул руку с этим самым поролоном, которым нам то и дело теперь приходилось собирать воду со дна старой резиновой лодки. Наверное, наш инструктор был или совсем небогатым предпринимателем, раз закупил для сплава такое худое снаряжение, или слишком жадным, кто его разберёт...

Река Чусовая приютилась среди старых Уральских гор, в июле она несла свои воды не спеша, рисуя причудливые петли на карте, которую выдал нам инструктор, чтобы не пропустить место стоянки. И вот мы с Жекой уселись в надутую лодку тёмно-зеленого цвета, мальчишки Костя и Ванька оттолкнули нас от берега, помахав нам на прощание, и я взяла вёсла. В лодке тесно, едва помещаются двое. Рюкзаки мы упаковали в прочный полиэтилен, чтобы защитить от влаги

вещи, спальные мешки и палатку уложили по краям нашего немудрёного судна. То и дело Чусовая отвечивала злые хлёсткие пощёчины по упругим баллонам резиновой шлюпки. То с одной стороны, то с другой, то о левый борт, то о правый, то прямо по самому носу... Лодка обиженно охала, поднималась на волне и снова падала плашмя всем брюхом на воду, цеплялась за валуны, выступающие гладкими блестящими лысынами над водой, непокорно разворачивалась поперёк течения, скрипя мокрыми уключинами...

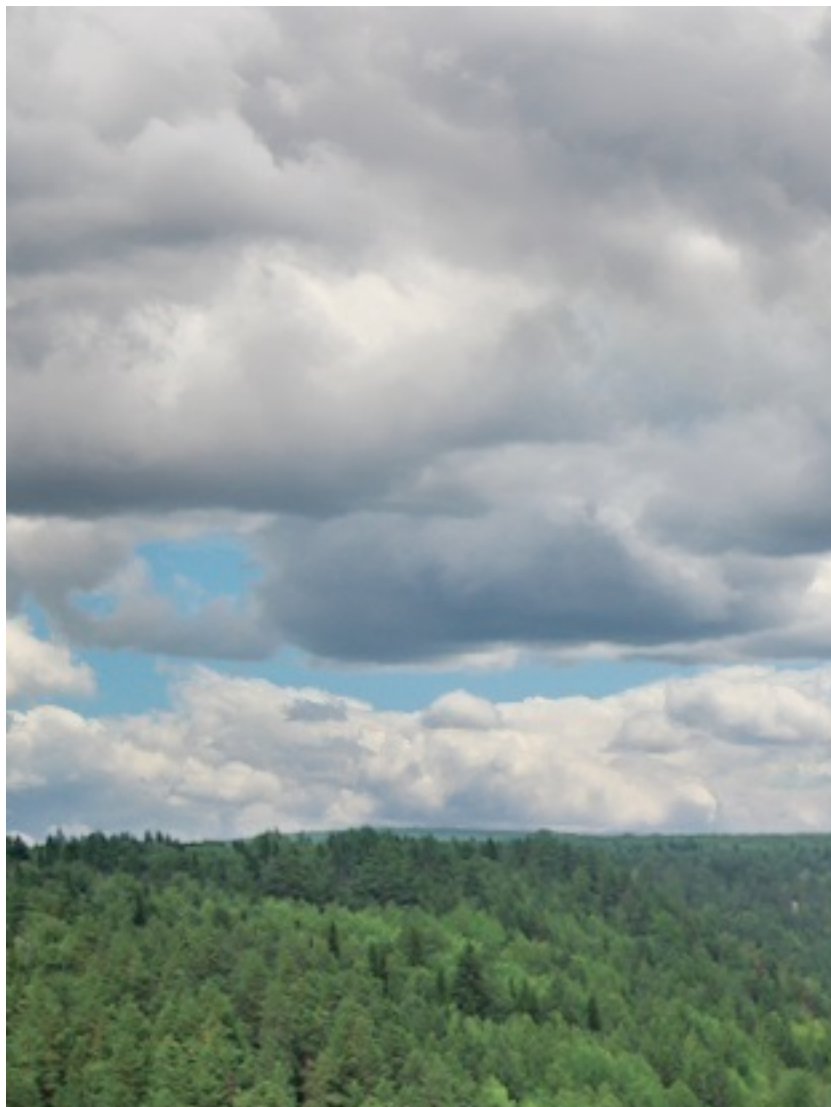
Гребли весь день, то и дело вступая в борьбу с ветром: лодку сносило то к поднимающемуся из воды блестящему валуну, то к зарослям сочной травы, торчащей над водой и напоминающей капустные грядки. Порой и вовсе казалось, что мы стоим на месте, несмотря на старания преодолеть ветер. Чтобы продолжать путь, приходилось постоянно работать вёслами что есть силы. Одежда вымокла под дождём и перестала сохранять тепло. Женька, совсем продрогнув, втянула голову в плечи и укуталась в махровое полотенце, отчего силуэт её стал угловатым, с волос бежали тоненькие струйки дождя, сжатые губы слегка отдавали фиолетовым, а небо всё хмурилось и хмурилось. Когда огибали очередную скалу, появлялась надежда, что вот прямо за ней тучи расступятся и пробьётся солнце. Река петляла, от поверхности воды отскакивали крупные капли дождя, одна скала сменяла другую, а солнца всё не было. Резиновое дно лодки изранено камнями, истрёпано временем, изъедено брешами, пото-

му вода набирается довольно быстро, и тот, кто не гребёт, должен вовремя достать поролоновую губку из-под сиденья. Жека собрала воду, отыскала в рюкзаке бутылку вермута и пару пластмассовых кружек. Нам, вымокшим и замёрзшим, он показался особенно приятным. На душе прояснилось и стало весело, однако согреться всё равно не получилось.

– М-да... Дури много, а толку мало от него, – подытожила Жека и достала из целлофанового мешка папку, которую брала с собой во все походы – песенник.

– Ну, что петь будем? – перелистывала она страницы, выбирая из множества названий подходящее.

Женькин голос, грудной и сильный, лился ровно, плавно ложась на воду. Словно эта река, голос не имел окончания, уводил за собою вдаль, отзываясь эхом за каменными спинами утёсов.

Обступившие нас горы делали этот голос таким объёмным, что сразу и не понять, где его источник. Так мы спели песню бременских музыкантов «Ничего на свете лучше нету», «Александра, Александра» из известного советского фильма, и «Где-то на белом свете» – про медведей, и протяжную тоскливую «Осеннюю» песню «ДДТ», а когда дело дошло до «Ой, цветёт калина», – нас догнали Костя и Ванька:

– А современное вы что-нибудь знаете?

– Это, например, что? – и мы запели популярный хит молодёжной группы, который крутили на всех дискотеках в детских загородных лагерях: «А он тебя целует, говорит, что любит, а я мучаюсь от боли со своей любовью», – дальше петь было невыносимо, и мы расхохотались от этой пылкой «высокой поэзии» современной эстрады.

Ребята – Костя и Ванька одноклассники: перешли в восьмой класс той же школы, в которой ещё училась Женя и которую окончила я. Костя – голубоглазый мальчишка с волнистым завитком волос, небрежно падавшим на брови, с открытой добродушной улыбкой, помогал нам натянуть тент палатки, перенести рюкзаки из лодки. Он часто был рядом, улыбался смущённо и краснел. «А я твою фотографию в школе видел. Она в фойе на первом этаже висит», – как-то признался он. Да, было дело, у нас в школе затеяли стенд типа доски почёта, и я улыбалась с этого стенда: то ли вселяя учащимся надежду на успех, словно бы говоря: «Бесплатные

места в вузе существуют, спешите поступить на бюджет!», то ли тому, что мои экзамены уже позади, а им всем предстоит ещё попотеть.

Ванька, хоть и одного возраста с Костей, но ещё совсем ребёнок. Избалованный, выросший на домашних булках-калачах, ему было трудно заботиться о себе, и он ждал руку помощи от всего мира. А мир не спешил ему на выручку: поливал Ваньку дождём, как и всех нас, хлестал ветром по его мягким розовым щекам. Накачивать баллоны лодки и собирать хворост Ваньке было лень, он жаловался, что кроссовки промокли, и вообще нет ни одной сухой вещи, потому что укрывать рюкзак от дождя полиэтиленом он не захотел, а потом и вовсе уронил его в реку. Часто Ванька грустил, надувая пухлые губы, и говорил, что ему надоел этот поход и он хочет домой. В то время, когда мы с Жекой были заняты поисками сапог в деревенских магазинах, Ванька купил книгу, и этим приобретением он похвастался в тот же вечер у костра, довольно надвигая кепку: «Вот!», он лукаво поглядел на собравшихся и протянул книжицу в мягком переплёте: «1000 эротических анекдотов».

– Тебе зачем? – улыбнулась Жека.

– Читать, – надулся Ванька. – Могу и вам почитать.

– Убери лучше, – прошипел Костя.

Общий хохот рассыпался на берегу, гулко ударившись о скалу, и снова вернулся в наш тёплый круг.

Лодки тянулись медленно, встречный ветер и дождь слов-

но не хотели пускать нас, сибиряков, на просторы Урала. Мы с Женькой гребли по очереди. Пока работаешь вёслами, можно немного согреться.

Вот причалила лодка Сони, и следом – Тани – сестёр, которые поссорились и разъехались жить в разные палатки. Потом на берег вышла команда учителей, они часто ставили палатку рядом с нашей, и мы не верили своим ушам, когда слышали, как они матерились, будто заправские сапожники. А каково было моё изумление, когда как-то вечером в лесу я увидела силуэт нашего школьного физика Нины Афанасьевны в длинном дождевике – она курила! А в школе Вы рассказывали, что в Ваши времена женщины были более женственны и воспитанны, чем нынешняя молодёжь. Эх, Нина, Нина!

Вот и Никита Волшебник, худощавый парень в тельняшке, за большими очками которого прячутся глубокие вдумчивые глаза, переворачивает свою лодку на берегу, чтобы дождь не залил сиденья за ночь. Никто не знает, почему он Волшебник, ничего особенного за ним не наблюдалось. Был бы он волшебником, разве шёл бы дождь всё это время?

И Ольга – мама двух подрастающих сыновей Ильи и Димки. В прошлые времена, когда не было частной собственности, а «бизнес» был нехорошим словом, символом капиталистического Запада, её отчислили из педагогического университета за то, что она шила кожаные куртки и продавала их на «толкучке» – нелегальном рынке в Омске, где одева-

лись модные и смелые граждане Советского строя.

Влюблённые студенты старших курсов медицинского института Маша и Влад: она будущий акушер-гинеколог, а он патологоанатом, вот как бывает в жизни: соединяются противоположности! Они держались всегда особняком, редко разговаривали с другими. Когда в очередной раз кто-нибудь спрашивал Влада: «А почему ты выбрал именно эту специальность? Тебе что, мёртвых резать нравится?». Он сердился, высокомерно поводя плечами: «У патологоанатома много других важных задач, таких, что вы даже не представляете, даже понятия не имеете». Не представляем, и хорошо.

Семья Эдуарда Филипповича – владельца небольшого магазина в нашем городе. Грузный, с густой бородой, он смотрел на собеседника оценивающе, словно взвешивая его. С ним приятная молодая светловолосая жена Надежда и двое дочерей-погодок около десяти – двенадцати лет. Глава этого семейства был ещё тем самодуrom, но сказать ему об этом никто не решался. В поход он взял с собой огромное раскладное кресло, в котором и просиживал вечерами, давая окружающим советы по разным проблемам, взял он и зонтик, и несколько одеял, и сапёрную лопату, и термометр, и решётки для барбекю, и закопченный чайничек, карты Урала, большой железнодорожный фонарь, набор металлической посуды, а также огромную палатку с двумя прихожими. Главный козырь в этом перечне – лодочный мотор. Его хрупкие девчонки были навьючены огромными рюкзаками,

мы все их жалели, а он, демонстрируя очередную «нужную» вещь, упрямо заявлял: «Зато у вас нет, а у меня есть». Зануду Филипповича недолюбливали всем лагерем, посмеиваясь над его бесполезным грузом и такими же бесполезными советами. Однажды Надежда вздохнула: «Думаете, он всегда был таким? Я влюбилась в него ещё девчонкой: он преподавал у меня танцы в школе хореографии».

Вот Антон – смуглый парень лет шестнадцати, который всегда держится сам по себе, в основном, молчит, а если заглянуть в его огромные тёмные глаза, то увидишь необъяснимую тоску, которая едва-едва помещается в них.

А это Светлана с сыном Павликом, этим летом она развелась с мужем, и теперь отчаянно старается наладить свою личную жизнь. А тут представители сильной половины, как назло, либо семейные, либо малолетние. Но Светлана не унывает, ведь она оптимистка, и до конца похода ещё далеко.

Братья Юрка и Слава – математики. В походе они впервые, и порой ведут себя совсем как девчонки: палатку поставить не умеют, верёвки вяжут неуклюже, лодку и ту выбрали самую дырявую, а шутки воспринимают всерьёз, будто родились они с учебником в руках и не мазали их сверстники в пионерлагере зубной пастой.

Однажды у костра я задумчиво поглядела на старшего брата:

– Юр, я стихи про тебя сочинила.

– Какие ещё стихи? – Юра густо покраснел.

– Юрка-пендюрка!

И снова мы с Женькой залились смехом.

Не понять нам, дурёхам, было тогда, что им не до веселья, что вся жизнь Юрки и Славы была сплошной математикой.

Их мать -

учитель математики в нашей школе. Тонкая, высохшая, с прямой спиной, словно от пяток до макушки внутри неё натянута струна, а может, даже электрический провод. Её губы собраны, будто их крепко держала невидимая леска. На её лице вообще сложно было уловить радость или печаль, она словно из цемента, неизменно холодная и готовая ко всему: к митингу, к ядерной войне, к нашествию пришельцев. Всегда она ходила на работу в своём единственном сером костюме, макияж и другие женские штучки она будто бы презирала. Младший сын донашивал свитера и брюки за старшим, и надеяться было не на кого. Она внушала своим детям, что математика – это единственный выход. Математика – это то, что она могла дать им в полной мере, ведь нанимать репетиторов, оплачивать коммерческое обучение в вузе было не под силу.

Когда мы подошли к месту стоянки, я почувствовала себя нехорошо, не хватало ещё заболеть... Пальцы словно примерзли к вёслам и плохо разгибались, на ладонях появились синие прожилки, мокрая одежда стала тяжёлой и прилипла к телу. К тому же подступил голод, как коварный враг: незаметно и так не вовремя. Голод ощущался не в желудке, нет.

Нам хотелось есть всем своим существом. Вспоминались пышные праздничные столы, накрытые бабушкой на Рождество и Пасху. Какие она жарит отбивные! Мясные «лапти», с тоненьким ободком молодого сала, маринованные с чесноком и специями, словно сами собой они тают на языке – такие мягкие и сочные... И салат с душистой ветчиной и опятами, и блины, тоненькие, в дырочку, как ажурные салфетки. И пирог с горбушей, рисом и репчатым луком, слегка припущенным в масле. Эх, просто царский пирог! На весь противень! Вспоминался и горячий мамин борщ, сваренный на говяжьих рёбрышках, долго томящийся на слабом огне, ароматный, тёмно-красный, со сладковатым привкусом свеклы. В любой суп Женька добавляет укроп и сметану, подкидывая пару-тройку добрых ложек, и оттого борщ в её тарелке становится бледно-розовым. А ещё картошка, жаренная до румяной корочки. Вот откусить бы солёный хрустящий огурец да запить холодным рассолом прямо из банки... Все наши мечтания о хорошем ужине спотыкались об это ненавистное «бы».

Выйдя на берег, мы не увидели ни полян, ни каменистого пляжа: здесь был тёмный густой лес и заросли какой-то неведомой травы с толстыми стеблями в человеческий рост. Это место было не таким, как все предыдущие стоянки, даже закралась мысль, а правильно ли мы прочли карту, может, нам стоит ещё спуститься по реке, пока не найдём более уютного местечка для ночлега.

Когда у берега появился инструктор, мы поспешили ему сообщить, что здесь совсем нет места для палатки, так как всё поросло этой дикой травой. Он подошёл к нам и сбил под корень несколько таких стеблей тяжёлым сапогом. «Продолжайте!» – усмехнулся инструктор. Мы повторяли этот нехитрый манёвр: толстые сочные стебли с хрустом ломались, освобождая площадку для нашего жилища. Мы закрепили углы тента металлическими колышками. Больше всего мне нравилось подвязывать «макушку», чтобы палатка принимала форму. «Вот и дом готов!» – сообщила я радостно и в этот раз, однако радоваться было рано: утром, собираясь в путь, мы, видимо, плохо упаковали палатку, и теперь внутри блестели лужи воды. Надежды просушить жилище не было, к вечеру дождь разошёлся ещё сильнее, и папина поролоновая губка снова пришла нам на помощь.

– Ты пока обустраивайся, а я пойду тебе лекарство поищу, – сказала Жека, увидев, что меня знобит, и отправилась на поиски.

Я перетасила в тамбур рюкзаки, расстелила коврики-карематы, потом и спальники поверх, подвесила к «потолку» фонарик: палатка снова стала уютной. Послышались Женькины шаги:

– Вылезай! Вон что я тебе принесла.

И Жека протянула мне жёлтую пластмассовую кружку.

– Это что?

– Лекарство. Пей давай.

– Ты где это раздобыла, Жека? – поморщилась я.

– Где, где, добрые люди помогли.

Я стояла у берега, пила «лекарство», закусывая сухарями.

Внутри меня разливалось тепло, прокладывая путь от груди к спине, к голове, к пальцам...

– Ооо! Уже и чаю согрели? – причалила замёрзшая Ольга с ребятишками. Увидев меня довольную с кружкой и сухарями, они решили, что ужин готов. Ольга подошла ко мне и, не теряя надежды на горячий чай, заглянула в мою кружку.

– Расстрою Вас, Ольга, но ужина нет, даже костра ещё нет, и это вообще не чай.

– Воду, что ли, пьёшь? – Растерянно посмотрела на меня Ольга, начиная понимать в чём дело. – Бааааа, водку – и с сухарями! Ну, девчонки, вы даёте!

Через час вспыхнуло несколько костров, на одном из них инструктор готовил ужин: пахло луком и тушёнкой, вокруг других, словно мотыльки, собрались туристы. Желая высушить кто спальник, кто толстовку, каждый держал над костром мокрую и самую необходимую ему вещь. Не одни кроссовки я спалила в разных походах, пристраивая для сушки на камень у костра, вот и эти ждала та же участь: стоит отвернуться, как задники уже оплавилась, а носки по-прежнему сырые.

Вселенная не оставляла и слабой надежды на тепло: на небе не видно ни одной даже самой тусклой маленькой звёздочки, из высокой травы на полянах не доносится стрекота

кузнечиков, не слышно и пения лесных птиц – только ветер сердито шумит в лесу, наклоняя мокрые еловые лапы, да тяжёлые капли дождя гулко ударяются о тент, собираются в тоненькие ручейки и бегут под палатку по камням, спеша к самой кромке берега, чтобы наполнить воды Чусовой и стать её частью.

Термометр Филипповича показывал +50 С. Нет, этой ночью нам не согреться.

– Ребята, приглашаем желающих сегодня ночевать к нам в палатку. Если погода не изменится, то на утро мы с Жекой превратимся в снеговиков, – заявила я.

– А вы всех принимаете? – глянул на меня Ванька.

– Приходи, Ванечка. Человека два ещё поместятся.

Так этой ночью в нашей палатке собралась весёлая компания, инструктор выдал нам банку сгущёнки на всех, чтобы не выходить на вечернее чаепитие под дождь. Антон задумчиво перебирал струны гитары, уставшей и потёртой за многие походы. Ванька щеголял свеженькими анекдотами из новой книги. Его пухлощёкое лицо то и дело озаряла детская улыбка. Мы дружно смеялись, но не над анекдотами, а над Ванькой – такой он был гордый и довольный собой, что его «приняли к взрослым» и что кстати он купил эту замечательную книгу...

– Ребята, а про чай-то забыли! – расстроилась я, представляя, как было бы здорово запить сладкую сгущёнку.

– Я схожу, – решил Костя и стал надевать куртку.

– Дождь там, опять вымокнешь, стой! – хотела удержать Костю, но у меня ничего не получилось, и скоро он принёс небольшой котелок с горячим чаем и шоколадный батончик с кокосовой начинкой.

– Это тебе, – протянул он шоколадку и покраснел.

– Ого! Вот спасибо! Откуда? Добыть в лесу шоколадку может только настоящий герой! Или ты из города везёшь? – Радости моей не было границ.

– Я в магазине купил, ну, там, в деревне ещё, – улыбался Костя.

Ванькин напор юмора постепенно иссяк, Жека зевала, Антон убрал гитару в чехол. Спать! Сегодня ночью не замёрзнем. Мы застегнули спальники, превратившись в личинки: Антон – в чёрную длинную, рядом Костя – оранжевую личинку средних размеров, потом Ванька – коротенькую и толстенькую в полоску, потом мы с Жекой – одинаковые тёмно-зелёного цвета. И всё было бы славно, но....

– Не пойму, чем пахнет? – насторожилась Женька.

– А я всё думала, что мне кажется, – призналась я.

– Девчонки, я тут ни при чём, – твёрдо заявил Костя.

– И я, – вторил ему Ванька, хихикая.

– Это не мы, – заключил Антон, перевернулся на другой бок и засопел.

Утром, собирая палатку перед отправлением, я обнаружила под её дном причину вчерашнего запаха.

– Угораздило же тебя местечко выбрать! Во всём лесу дру-

гого-то не нашлось! – Смеялась Женька. Обычно она выбирала место для палатки, а в этот раз я решила проявить инициативу: «Палатку ставим вот здесь». Инструктор, наблюдая мои чертыханья, предположил:

– Скорее всего, здесь был медведь.

Я не поверила, думая, что инструктор разыгрывает меня. Однако потом, отвязывая верёвку от разлапистой ели, я подняла голову и обнаружила на стволе дерева следы когтей хозяина леса. Стало не по себе. Незадолго до нас, горе-туристов, здесь побывал медведь, а мы явились без приглашения и шумим у него в гостях! Нехорошо.

За эти холодные дождливые дни тело сжалось, съёжилось и даже будто бы стало меньше в размерах. Плечи всё время подняты, словно голове и впрямь так теплее. Банданы мокрые, какой от них толк? Но всё равно мы их не снимали, они давали ощущение одежды. Мёрзли руки со скрюченными пальцами, уцепившимися в деревянные вёсла, мёрзли ноги в резиновых сапогах. Шевелишь пальцами, разгоняя холод и влагу, но носки промокли, сопрели. Мёрзла спина, тельняшка прильнула к ней плотно, словно и сама хотела согреться, неприятно и навязчиво липла. Стоило резко поднять руки с вёслами, как плотную материю тельняшки откидывало от спины, и к телу пробирался новый сырой выдох Чусовой. Маленькие одинаковые шлюпки растерялись по реке, словно бусины, что упали с разорванной нитки, рассыпались и укатились далеко друг от друга. Обернёшься: лодок не ви-

дать, посмотришь вдаль: впереди только низкое серое небо, которое вот-вот проглотит тебя вместе с твоим неказистым судёнышком.

Понемногу мы стали привыкать к сырости в сапогах, к то и дело набегающим мурашкам, к холодным напитанным влагой спальникам. Смирившись с тем, что дождь не прекратится, перестали ждать хорошую погоду. Видимо, лето заблудилось в этой уральской тайге и уже не сможет отыскать сюда дорогу. От холода всё время хотелось есть, запасы нашего сухпайка оскудели: курага кончилась ещё в начале пути, расправиться с сушками нам помогли ребята три дня назад, последние сухари мы доели с Жекой вчера. Десяток леденцов, мешок которых нам послала в поход бабушка, да пара банок консервов на «чёрный день» – всё, чем мы были богаты. До места стоянки нужно было пройти по реке ещё почти километров двадцать, а это значит, что до ужина далеко. Мы решили, что сегодня именно тот день, и Жека открыла консервы. Никогда ещё не были так аппетитны рыбные фрикадельки в томатном соусе и шпроты – копченые рыбки с золотистыми масляными бочками. Скоро мы опустошили жестяные банки. Не учли мы лишь то, что без хлеба этих консервов много не съешь, они будто становятся поперёк горла. Говорят, рыба посуху не ходит, и мы ещё долго запивали свой обед водой, черпая ладошками прямо из реки за резиновыми бортами лодки. Когда вернёмся домой, мы с Женькой ещё долго не сможем смотреть на рыбные консервы, будь

то на бутербродах, или в салате, или на блюде с картошечкой и зелёным луком – везде мы сразу же узнаем эту коварную рыбную суть...

На новой стоянке Жека вышла с лодки первая и отправилась осмотреть местность. Вдруг подбегает ко мне, хватая меня за руку: «Пойдём!» Интересно, что она нашла, что ей так не терпится мне показать. Жека подвела меня к большому зеркалу, заключённому в рамку из толстых берёзовых веток. Зеркало! Первый раз за десять дней мы увидели себя в зеркале с ног до головы! И нет, мы увидели там не себя, а двух забавных девчонок в банданах и больших сапогах, взявшихся за руки и хохочущих, оголяя белые зубы на тёмных, задубевших на ветру лицах. Что-что, а вот уж зеркало точно никто не ожидает найти здесь. Видно, кто-то из путешественников решил сотворить это чудо, чтобы туристы, одичавшие в уральских лесах за время похода, могли прикоснуться к цивилизации и взглянуть на себя другим взглядом, как бы случайно, не готовясь к этой встрече со своим отражением. Недаром говорят, что невозможно вернуться из путешествия прежним, всегда вместо тебя возвращается кто-то другой... Вот и мы тоже стали немного другими.

Ребята разводили большой костёр, приносили булыжники с берега и укладывали горкой. Мужчины отёсывали тонкие стволы молодых деревьев, собирая в каркас получившиеся жерди. Затем обтянули каркас полиэтиленом – вышла немного перекошенная конструкция с прозрачными стенка-

ми. Инструктор накинул на неё брезент и – добро пожаловать в баню! Никогда раньше нам не доводилось бывать в походной бане, с виду затея сомнительная, а вот на деле ничего лучше в дождь не пожелаешь. Как же хотелось наконец согреться! Из бани доносились похлѣстывания веников, шипение разгорячѣнных камней и восторженные вопли. Самые отчаянные выбегали из этого полиэтиленового сооружения и неслись прямо в реку, вода в которой из-за долгих дождей и холодных ночей совсем остыла. Мы с Жекой поспешили достать полотенца и тоже отправились в баню.

– Быстрее закрывайте полог! Не выпускайте пар! – верещали женщины.

Мы вошли, и со всех сторон нас обступил жар: он обнимал наши съѣжившиеся плечи, выпрямлял наши спины и пальцы, выгонял мурашки, согревая до самых пяток. И уже не верилось, что там, снаружи, мы могли мѣрзнуть. Здесь пахло смолистой хвоей от запаренных пихтовых веников и лапника, которым был устлан пол, разморѣнные краснощѣкие банщицы то и дело охали и кряхтели.

– Давай я тебя попарю! – предложила сестра и взяла самый пушистый веник, чья хвоя была мягкой и приятно покусывала спину.

Жека любит баню и здорово умеет парить. Стало совсем жарко, и мы, осмелев, побежали в речку. Женька с коротким отрывистым криком «А!» сиганула первая, от неё шѣл пар, к спине прилипло несколько коротких пихтовых иголок,

детский восторг искрился в глазах, и я последовала её примеру. Я вопила разливисто и долго, на разные лады сообщая всему миру, что вода всё-таки о-очень холодная. Потом мы снова бежали в парную, грелись, и снова ныряли в речку. Это нехитрое развлечение стало для нас настоящим счастьем в тот вечер на Чусовой.

Новое утро дало неуверенную надежду на сухой день. Видимо, на небе иссякали запасы воды. Из-за скал стало выглядывать бледное, еле заметное пятнышко солнца. Это был несомненный повод для радости. Женщины вспомнили, что они «прекрасная половина» и поспешили снять дождевики и куртки, взамен достав со дна рюкзаков маечки и шорты. Жека стащила с уставших намозоленных ног кирзовые сапоги, зашнуровав лёгкие парусиновые кеды. Я отыскала в косметичке флакон своего любимого парфюма со свежим ароматом арбуза. Собираясь дома, я упустила тот факт, что в настоящем походе все пахнут одинаково: дымом костра, сыростью и, в лучшем случае спреем от комаров с ядрёным ванильным душком.

Подруги Тамара Николаевна и Валентина Ивановна были рады солнышку больше всех и надели интригующие купальники кислотных расцветок. Наш папа этим купальникам дал бы более яркое определение, но я скажу так: на первый взгляд казалось, что на швейной фабрике закройщики решили сэкономить ткань, и из отреза материи, рассчитанного на один купальник, пошили три. И, возможно, даже получи-

ли премию за эффективность...

– Ого! И не холодно вам? – хихикал Ванька. Костя смутился и ткнул его в бок. А нимфы и не думали смущаться, даже наоборот, раззадоренные вниманием хоть и малолетних, но всё-таки мужчин, стали плескаться в реке, верещать от холодных брызг, а потом решили сфотографироваться, взгромоздившись на мокрый отполированный водой камень.

– Виктор, Виктор! Будьте любезны, сфотографируйте нас! Давайте скорее, тут так скользко, мы сейчас упадём! – позвали они мужчину, который тем временем курил на берегу и думал о чём-то своём. Никто не знал о Викторе толком ничего, кроме того, что он приехал сюда один и что в прошлую субботу ему стукнуло сорок три. Он носил модные рваные джинсы, фиолетовые кеды с ярко-зелёными шнурками, и вот теперь не успел прекратиться дождь, как Виктор расстегнул рубаху и надел сомбреро. Вечерами у костра он частенько пел. Так деревенский кот, учуяв кончиками усов дуновение мартовского ветра в форточке, выходит на крышу, поближе к первому солнышку, и заводит свою серенаду, в которой нет ни мелодии, ни красоты, зато сколько надежды и упорства!

Виктор пел упоённо, с придыханием, изрядно фальшивя, что сразу даже и не узнать знакомой песни. Но подругам Тамаре Николаевне и Валентине Ивановне нравилось, они романтично поднимали головы к небу, то и дело тихо вздыхая по очереди. Не все были для Виктора благодарными слушателями. Как-то раз ночью в палатке мы с Жекой старались

уснуть под протяжное «Я люблю тебя до слёз», закрывая рты спальниками, чтобы совладать со смехом, стремительно рвавшимся наружу. Однако на самой кульминации припева Виктор не удержал ноту, и мелодия снова предательски съехала. Тут Женька не выдержала:

– Аххаахаа! Аххаахаа! – отчаянно захохотала она.

– Аххаха! – вторила я.

И тут снаружи песня смолкла, послышались удаляющиеся шаги Виктора и ворчание дам:

– Баа... Ну ведь так хорошо пел... Виктор, у Вас не найдётся спрея от комаров, а то мы в темноте свой никак не найдём. – Следом за певцом отправились и подруги. Нам стало неловко, ведь обижать человека совсем не хотелось.

– Милая Женечка, когда мне будет шестьдесят, а тебе пятьдесят семь... – начала было я.

– Пятьдесят шесть с половиной, – уточнила Женька.

– Так вот. Когда мне будет шестьдесят, а тебе пятьдесят шесть с половиной, и я вдруг куплю стринги, надену короткую юбку и стану хихикать с сорокалетними мальчиками, ударь меня скалкой по голове, пожалуйста.

– Аххахха! Хорошо. Обещаю. Но если ты опять потеряешь память, чур, не обижаться!

– Я к тому времени уже и так потеряю память! Ахаххааа!

– Нет, Юлька, мы будем правильными бабками! Мировыми старушенциями! Будем с тобой путешествовать с рюкзаками, не такими большими, конечно, как сейчас, ведь к то-

му времени станем меньше есть и нам не придётся носить тяжёлые банки с тушёной!

– Нее, бабки много едят, они ж забывают, что уже ели, и им хочется снова! Ахххааа! – не могла остановиться я.

– Да погоди ты. Мы с тобой накопим на узик, я сдам на права, и будем разъезжать на нём по лесам – по долам.

– А в свободное время таксовать! Аххаха!

Мы и понятия не имели тогда, что это за чувство уходящей молодости: не удержать её, не подкупить ничем. Зайти хотя бы в тренажёрный зал: там зачастую встретишь такого героя, что отчаянно стремится догнать удалого крепкого парня, таким он помнит себя, таким остался он лишь на пожелтевших фотографиях. Но, увы, теперь на его ногах проступили варикозные сетки, а одышка снова выдала усталость. И он успокаивает себя, мол, нет, это ещё не старость, нет, просто нужно чаще тренироваться. Расправляет плечи, вытягивает живот, берёт самые тяжёлые веса уверенно, вальяжно, словно бывалый он тут. Подмигивает молоденьким девочкам, веря, что модные кроссовки, молодёжные словечки, тату на руке и плеер с современными треками скинут с него десяток лет. Но сорванное сухожилие ломает план. А молодость смотрит на него отовсюду: с тренажеров в спортклубах, из стеклянных витрин магазинов, со страниц журналов, с танцполов и волейбольных площадок. Эта зовущая, пьянящая молодость смотрит и хохочет дерзко, едко, скалясь в белозубой улыбке.

А как нелепо, как печально стареют женщины! Это происходит, когда на место мечты о дальних странах и прекрасных пляжах становятся мечты о морозильной камере и домашних пельменях; когда после слов, обращённых к супругу: «У меня заманчивое предложение!», она вдруг ставит на стол тарелку с селёдкой и жареной картошечкой; когда при виде статного белого коня, щиплющего траву под деревом, её первая мысль: «О! Нужно срочно найти принца и договориться насчёт удобрения для огорода!». И ни одна волшебная тушь уже не скроет богатого жизненного опыта в её глазах.

Мы не замечаем это время летящей молодости, как часто не замечаем всё важное, принимая за обыденное, само собой разумеющееся: заботу родителей, смех детей, плечо мужа, доверие друзей, помощь Ангела Хранителя...

И вот я стою на краю камня Омутного и смотрю вниз, не решаясь шагнуть вперёд. Все прыгнули, а я хуже, что ли? На этом камне пермские альпинисты натянули верёвки: тренировались сами и предлагали туристам необычный аттракцион «свободное падение». «Джампинг» – так называется это занятие, когда человек в альпинистской обвязке делает прыжок вниз: будь то с горы, или с моста, или ещё откуда-нибудь. Один край верёвки крепится у места прыжка, а другой цепляется к обвязке прыгуна. Пока верёвка разматывается – он летит в том самом «свободном падении», потом качается, как маятник, а когда остановится, его ловят внизу за ноги и

помогают встать. Камень Омутной с отвесными утёсами, с семидесятиметровой высоты которого открывается потрясающий вид: Уральские горы похожи на большие куски халвы, между которыми петляет река Чусовая, из зелёной хвойной дали плывут над ней облака, а вон, внизу рассыпались цветные пуговицы – это наши палатки на пляже.

Мы видели, как прыгают экстремалы: Антон, расправив руки в стороны, Илья вниз головой, девушка в бандане – Наташа, которая, пока летит вниз, кричит что есть силы: «Теперь я знаю, как пахнет адреналин!». Братья-математики летят, не издав ни звука, судорожно схватившись за верёвку. Собрался и Ванька. Но альпинисты не разрешили ему прыгать, потому что он ещё маленький. И не было предела Ванькиному горю... Мы с Жекой не слишком раздумывали и тоже решили встать в очередь. Зачем нам это нужно?.. Нам казалось, что это будет фантастический полёт над рекой, полный свободы, воздуха, жизни! Снизу эта скала казалась не такой уж высокой и опасной, а вот сверху всё выглядело иначе. Я трусила. И Жека пошла вперёд.

– Я говорю: «Рэди-Стэди-Гоу!» – и ты прыгаешь. Поняла? – объяснил инструктор-скалолаз, надел на Женьку обвязку и застегнул карабины. – Готова?

Жека кивнула.

– Рэди! Стэди! – и он сильно толкнул Женьку в плечи, не произнеся заключительного «Гоу!», чтобы не дать ей опомниться.

Только бы с ней всё было хорошо, только бы всё было хорошо... Я слышу, как кричит Женька, как её голос стремительно несётся вниз, вот верёвка кончается, и Женькина фигура в синей футболке начинает летать вдоль скалы. Крик летит следом за Жекой, горы усиливают его, словно динамики в кинотеатре. И вот Женьку за кеды хватает парень – помощник инструктора, который специально для этого и сидит в байдарке посреди реки. Жека уже в байдарке, и её везут к берегу. Ура! А я всё никак не решаюсь шагнуть. Вся моя недлинная жизнь прокручивается в памяти, я даже стала подводить кое-какие итоги прожитых восемнадцати лет... Вдруг разобьюсь, а столько всего ещё хочется увидеть, попробовать...

– Юлька-аа!!! Прыгай давай! – кричат мне снизу ребята. – Обед стынет! Мы есть хотим! Мы тебя ждать не будем!

Мне становилось невыносимо стыдно за свою трусость, будто бы я специально выжидаю, чтобы собрать побольше зрителей. Время шло, я уже даже не знала, сколько здесь стою... Наш лагерь постепенно стал собирать палатки, спускать лодки на воду и отправляться в путь к новой стоянке. Моя группа поддержки, во главе которой Женька, все ещё ждала меня внизу. Ребята махали мне, потом им надоело стоять, задрав головы, и они переставали на меня смотреть, принимаясь что-то рассказывать друг другу. А я застряла на вершине Омутного – самого красивого камня на Чусовой. Нужно прыгнуть. Нужно перебороть свою трусость. Девоч-

ка Гуля в книге «Четвёртая высота» тоже боялась прыгать с вышки в бассейн, но ведь прыгнула! Ведь смогла! Я попробовала развернуться лицом к утёсу, чтобы не смотреть вниз, потом присела на корточки поближе к краю и закрыла глаза, затем оттолкнулась носками от скалы и стала стремительно падать спиной вниз. «Полётом» это никак нельзя назвать: я не могу управлять собой, не могу изменить траектории, моё тело тяжёлое как камень, беспомощное, привязанное длинной верёвкой к скале. Я даже не могу прекратить кричать, потому что во мне открылся неведомый вулкан, извергающий наружу этот дикий крик, и, как убавить его громкость, я тоже не знаю. Только бы верёвка не оторвалась. А она всё разматывается, разматывается, я всё падаю и падаю...

И тут! Сильный рывок! Меня резко дёрнуло, всё во мне сотряслось – это кончилась верёвка и вытянулась под моим весом. Я подняла голову и увидела на краю утёса Андерсена: он стоял, широко расставив ноги, и держал обеими руками мою страховочную верёвку... Я не успела опомниться, как меня стало болтать взад-вперёд мимо скал, в глазах мелькали то стена утёса, то речка, то лес, то ребята, и снова стена утёса.... Помощник инструктора в байдарке поймал меня, качающуюся над рекой, за ноги, помог опуститься в байдарку, и я замолчала.

– Ну вот, а ты боялась, – ободрительно сказал мне загорелый парень, работая вёслами, он щурился от солнца и улы-

бался. А мне всё ещё не верилось, что прыжок позади и подо мной сиденье байдарки – твёрдая деревянная перекладина. С вершины Омутного мне махали ребята-альпинисты, Андерсена с ними уже не было. Я растерянно смотрела мимо утёса, мимо парня с вёслами, расположившегося напротив меня, куда-то сквозь лес и тёмную воду Чусовой.

– Юлька, ну ты чего сидишь, как памятник? Вылезай, давай руку! – встретила меня Жека.

Я взяла её руку – горячую, сухую, уверенную, и слёзы подошли к горлу. Я неловко отводила глаза от ожидающих на берегу ребят и юрких огоньков Женькиного взгляда, мысли неуклюже разбредались в голове, я не могла собрать их и выразить словами. И в то же время мне стало так легко и радостно, ведь жизнь моя продолжается...

Да, жизнь действительно продолжалась: вот инструктор готовит обед, размешивая лодочным веслом сахар в огромной кастрюле с компотом, вот Жека развешивает на верёвку мокрые полотенца и купальники, вот я поднимаю голову, подставляя лицо ветру и солнышку, ведь погода решила сменить гнев на милость, пропустив солнечные лучи сквозь редкие тучки. С бивака доносятся гитарные переборы, мне спокойно и светло на душе, и тоже хочется взять в руки гитару. Я почти не умею играть, так, пара-тройка песен, которым меня выучил папа. Но душа просит, и отказать ей становится невозможным. Я устраиваюсь на бревне у костра рядом с музыкальной компанией, поправляю полосатые гольфы, на-

тягивая повыше на икры, Антон передаёт мне гитару. Что петь? Спою свою песню, слова которой возникли словно сами собой и легли на бумагу, да и мелодия подобралась легко. Папа добавил несколько аккордов, украсивших этот нехитрый мотив, так получилась песня, которую мы полюбили.

Мы

Превращаются друзья в знакомых,

А деды словно раритет.

Листая старые фотоальбомы,

Мы вспоминаем, кого с нами нет.

Вчера мы ждали чуда,

Сегодня ждём трамвай.

Немытая посуда

И старый горький чай –

Лелея вечные проблемы

Скомканной жизни нашей,

Мы заполняем в ней пробелы

Густой и жидкой манной кашей.

Спешим на службу и на рынок,

И дни из грядков и из пробок,

Светофоров, банок, крынок,

Сумок, дырок, остановок.

Придя домой, возьмём газету,

Что колыбелью для души.

И станем мы читать про эту

Чёрно-белую нашу жизнь.

– Не слышал раньше такой песни, чья она? – обратился ко мне Егор, в прошлом заядлый турист, а теперь глава семейства, молодой отец озорной девчушки Леночки.

– Моя, – улыбнулась я.

– Да ну, чья песня-то? – не поверил Егор.

– Это Юля сочинила! – вступилась за меня Жека.

– Перепиши слова, – всё ещё с недоверием смотрел он на меня.

Я передала гитару Егору и он продолжил вечер песней Чайфа:

– От старых друзей весточки нет, грустно. А на душе от свежих газет пусто, и от несвежих невелика потеха, правда вот был армейский дружок, уехал.

Нам стало привычным укладывать вещи в рюкзаки, надёжно пакуя в полиэтиленовые мешки, собирать и разбирать палатки, натягивать и отвязывать верёвки от еловых стволов, обживать новые и новые места. Чусовая удивляла меня своими живописными берегами: суровая, самобытная природа, и потому потрясающе прекрасна. В недвижимых утёсах, в бесконечной зелёной тайге чувствовались сила и мощь. Несмотря на дожди и неизвестность, в которую мы продвигались на мелком судёнышке всё дальше и дальше, я ощущала здесь покой и уют. Опорой и защитой мне были нерушимые стены скал. Нас ждала следующая днёвка напротив камня Великан,

чья высота достигала ста двадцати метров – самого высокого на реке Чусовой, – как четыре наших городских девятиэтажки, составленных друг на друга! Он устроился на излучине, где река делает очередной поворот, плавно огибая огромный утёс. «Только бы не было дождя! Только бы не было!», – вертелось у меня в голове, так хотелось забраться на этот утёс в сухих кедах. Ведь стоит камням едва намочнуть, как подошва обуви предательски скользит, усложняя путь. А скатиться с Великана радости мало.

Но вечер выдался тихий, без дождя, Филиппович восседал на своём царском кресле, разложив обе руки по подлокотникам, хмуро глядя из-под панамки. Инструктор готовил ужин, подставляя загорелую спину жалам комаров. Антон развешивал сырое полотенце да рубаху на верёвки, а Никита Волшебник качал баллоны катамарана. Интересно зачем, отплываем только завтра в обед. Вот ребята медики Маша и Влад с вёслами в руках подошли к катамарану. Что они затевают?

– Ребята, вы домой сбежать решили? – кричит им Костя с бивака.

– Ага! Через тайгу срежем и напрямки в Омск! – улыбается Волшебник.

– Кто с нами на Великан? Скоро стемнеет, кто готов к трудностям и приключениям, собирайтесь быстрее! – командует Никита.

Мы с Жекой переглянулись: заманчивая идея!

– А как возвращаться, в ночь, что ли? – всё же сомневаюсь я.

– Мы туда с ночевой пойдём, – поясняет Маша. – Возьмём пару палаток.

Встретить рассвет на самом высоком утёсе Чусовой – что может быть романтичнее! Сомнений больше не было, и мы с Женей собрали спальные мешки для ночлега на новом месте, ложки и кружки. Из большой общей кастрюли Маша заботливо налила в маленький закопчённый котелок несколько поварёжек горохового супа – инструктор уже приготовил ужин.

– Маша, прольётся, – качала я головой, определённо не веря, что можно подняться на гору с кастрюлькой супа, ни разу не споткнувшись о корень дерева, и подтянуться вверх на камень лишь с помощью одной руки.

– Без жидкого нельзя, я как врач говорю, – не отступалась Маша.

Меж тем небо окрасилось в густо-сиреневый цвет, сумерки опустились на Чусовую, и мы взобрались на катамаран, – нехитрое сооружение из двух надувных баллонов, соединённых между собой несколькими жердями. Инструктор оттолкнул наш катамаран от берега с напутственными словами: «Аккуратней там!», и мы старательно заработали вёслами, чтобы течение не унесло нас. Утром мы должны будем вернуться на завтрак к основному составу лагеря, чтобы продолжить сплав по Чусовой. На Великан поднимались

уже по темноте, фонарики были не у всех, и потому Никита шёл сзади группы, освещая путь большим фонарём, благодаря его яркому лучу мы и вскарабкались на утёс, то и дело хватаясь за торчащие из-под земли корни деревьев. Что-то звало меня туда, наверх, что-то отчаянно кипело в моей душе и рвалось наружу, так хотелось мне встретить рассвет на вершине, под самым небом. Маша смогла донести котелок, не расплескав ужин на камнях и кочках, и гороховый суп пришёлся как нельзя кстати. Площадка на вершине оказалась совсем небольшой, и потому наши палатки громоздились под сильным уклоном впритык друг к другу. Но всем очень хотелось спать, и потому ни теснота, ни булыжники под спиной никого не смущали. Не спал лишь Волшебник. Он подбрасывал хворост в костёр и сидел один, рассматривая красные угли. Он был другим, непохожим на нас. Вот мы, как медные пятаки на открытой ладони, простые и понятные со всех сторон. А Никита, самый старший, самый молчаливый, казалось, знал больше, чем все остальные, его зрению было доступно что-то, что неведомо нам. Может, оттого его прозвали Волшебником?.. Голос Никиты разбудил меня:

– Эй, сонь-романтики, кто рассвет встречать собирался, вылезайте! – Волшебник расстегнул молнию палатки, и сырой холодный воздух снова коснулся ноздрей.

На помятых лицах «сонь-романтиков» не было и намёка на радость и умиротворение, невыспавшиеся, зевающие, мы по очереди выкатились на свежий воздух. Я глянула на две

неказистые палаточки, съехавшие набекрень, притулившиеся на уклоне Великана.

– О! Палатки-то как за ночь перекосило! – удивилась я.

– Ничего с ними ночью не случилось, мы их так криво ещё вчера в темноте поставили, – улыбнулся Антон.

А над Чусовой вставало солнце, румяня щёки утёсов, тянулось тёплыми лучами к лапам сосен, к мокрой траве, а внизу, на другом берегу реки, устроились яркие бугорки палаток, в которых укутались в спальники спящие люди, они смотрели десятый сон, а может, и вовсе спали без снов, но никто из них даже не подозревал, как прекрасно это утро здесь, на Великане. И таких больше не будет. Другие, конечно будут, а вот именно это утро уже никогда не повторится. Я вдруг почувствовала это всей своей душой. Я бы ещё о многом могла размышлять, стоя на краю камня, но мои мысли прервала байдарка, разрезающая гладь воды внизу. Двое в байдарке синхронно работали двулопастными вёслами, рисуя в воздухе «восьмёрки», как вдруг лодка перевернулась вверх дном, выкинув гребцов за борт. Похоже, судно налетело на камень. Ребята сбежались смотреть, что же будет дальше. Но, гребцы, видимо, были опытными: им быстро удалось поставить байдарку на воду и уйти к берегу, где спал наш лагерь.

...Дверь в спальню громко захлопнулась: сильный ветер ворвался в дом, надул пузырями занавески, выбросил с под-

оконника на пол картонный домик-календарь. Я проснулась и увидела Андерсена, сидящего на уголке кровати. На этот раз он переоделся в джинсы и легкий вязаный свитер молочного оттенка.

– Андерсен? Что произошло? Где Жека? Когда я успела вернуться домой?

– Всё хорошо. Жека у себя дома уже доедает второй бутерброд, а ты вот всё спишь, засоня, – улыбнулся Андерсен. Он был спокоен, будто не произошло ничего особенного. – Ты скоро привыкнешь.

– К чему привыкну? – я ещё не могла понять, сплю я или нет.

– К путешествиям по прошлому. Так уж вышло после того падения с велосипеда, что теперь ты иногда будешь улетать туда. Как видишь, это не страшно и даже интересно. Я не стал предупреждать тебя об этом, а то начала бы заранее переживать...

– Это ты правильно сделал, – недоумеваю, хмыкнула я. – Андерсен, скажи честно, у меня шизофрения? – спросила я, готовая к самому худшему ответу, лишь бы только знать правду.

– Ну что ты, брось. Может быть, это испытание для тебя.

– Испытание? Это ты его придумал?

– Ангелы не придумывают испытаний. Мы помогаем их пройти.

– Ну, и когда планируется следующий раунд? Это новый

квест такой, что ли? А если не пройду, так сказать, «гэим овер»? – я ничего не понимала, и оттого сердилась, мне казалось всё это какой-то нехорошей затянувшейся шуткой.

– Я не знаю. У каждого испытания свои. Возможно, ты сама поймёшь, для чего оно, просто позже. А может, и не поймёшь вовсе. Так часто бывает, как бывают задачи, не имеющие решения. – Андерсен по-прежнему был спокоен, честно и прямо смотрел он на меня и даже не думал шутить, лишь поправил съехавшее одеяло. Мне действительно было прохладно от сквозняка.

– А мои близкие? Они будут меня терять, пока я «летаю»?

– Нет. Ты попадаешь в петлю времени, другим она незаметна.

– А вернуться, например, лет на десять-двенадцать назад и кое-что поменять я смогу? – у меня уже стал вырисовываться план.

– Перехитрить Вселенную задумала? – Андерсен улыбнулся. – Нет, прошлое изменить нельзя. И в будущее попасть нельзя. Тебе можно только вернуться, чтобы пережить что-то заново. Куда тебя забросит в следующий раз, я не знаю. И ты не сможешь этим управлять. Просто знай, что где бы ты ни оказалась, я всегда рядом. Кстати, если надумаешь кататься, велик я поставил на балкон.

– Спасибо, – кивнула я Андерсену.

– Ну, мне пора, – сказал Андерсен, встал с кровати и вышел на балкон.

Я озадаченно рассматривала горошины на своей пижаме, будто они чем-то отличались друг от друга. Когда до меня дошёл смысл услышанного, я было хотела догнать Андерсена, расспросить подробнее, выскочила на балкон и растерялась: он исчез. В какую сторону он направился, куда мне смотреть: на небо или вниз на асфальтированную дорожку, которой мы ходим на остановку? Я посмотрела во все стороны – Андерсена нигде не было. Мой Чижик стоял, опираясь на подножку, и сверкал на солнце блестящим зелёным звоночком, казалось, даже он понимал сейчас больше, чем я.

Глава 2. Родительский дом

Вы простите мне разлуки грешность,

Время закрутило, занесло...

Пусть хранят ваш дом любовь и нежность,

Они из детства моего.

К. Губин, С. Павлиашвили, песня «Помолимся за родителей»

Лето ворвалось в город, не дожидаясь стартового свистка. На календаре ещё май, а оно уже нахально срывает с прохожих плащи и джемпера, овладевает планами, пожалуй, каждого: дожидаться, наконец, плодов сливы, когда-то посаженной в огороде с надеждой вырастить южное дерево на сибирской земле, отправиться на рыбалку, построить баню, купить путёвки на море, сбросить лишние килограммы и нарядиться в новый сарафан, который так приглянулся ещё зимой, надетый на манекен в магазине, и даже не верилось, что придёт его время...

Наша семья собралась во дворе родительского дома: в тенистой беседке, увитой виноградником, который едва начал отпускать новые зелёные листочки. На столе дымил самовар, рядом на мангале подрумянивался шашлык. Аромат его, казалось, расплывался по всей округе и тянулся прямо вниз по улочке к Иртышу, где коротали вечер местные рыбаки и,

наверное, завидовали нам. Женька резво стучала ножом по разделочной доске, укладывая крупные колечки лука одно к другому. Рэм – добродушный годовалый щенок-переросток, устроился поближе к мужской компании напротив мангала, то и дело пуская тягучую слюну. Его мать – немецкая овчарка

благородных кровей согрешила с беспородным нахалом: так началась история нашего Рэма, чёрного пса с рыжими подпалинами, мягкими, почти игрушечными ушами, которые свисают, предательски выдавая брак породы, словно он одолжил их у охотничьего курцхаара. Но вот умом Рэм точно в мать: сообразительный и шустрый, сразу понял, что это его дом: не давал спуска ни охотникам до сирени в палисаднике, ни местным сорванцам, частенько дразнившим его под забором. Он быстро усваивал правила новых игр, которые придумывала Женька: приносил палочки, находил спрятанный мяч или галошу, любопытство снова и снова толкало его на разные шалости, и в глазах загорался наивный восторг, когда мир в очередной раз удивлял его: то вспорхнувшей с веток яблони сорокой, то ускользнувшей из неуклюжих лап мышью, то шумным напором воды, рвущимся из водопроводного шланга. И вот теперь Рэм томится в сладком ожидании лакомого кусочка мяса, то и дело переминаясь с лапы на лапу и поскуливая от нетерпения.

Родители давно хотели переехать из благоустроенной квартиры в свой дом, долго искали подходящий вариант. На-

ше с Женькой детство прошло в пятиэтажном «скворечнике», во дворе которого расположился целый автопарк, а на детской площадке сиротливо устроились песочница без песка, качели с разбитым сиденьем да облезшая лазалка. Мы жили в хрущёвке, и, хотя по техпаспорту она считалась четырёхкомнатной, всё же была маленькой и тесной. Потолок казался низким даже мне, девчонке среднего роста. Только захочешь встать на цыпочки, чтобы сладко потянуться или прыгнуть высоко-высоко от радости, как этот потолок так аккуратненько «Бам!» тебя люстрой по голове, мол, не высовывайтесь, граждане, живите, как все нормальные люди, здесь выскочек не любят. И соседи со второго этажа по батарее «Стук-стук!»: не топайте там, наверху, не одни вы тут. Вот и стоят эти дома все одинаковые: серенькие в коричневую крапинку или коричневые в серую плиточку, с тонкими стенами, за которыми слышно, к кому пришли гости, кто напился, и чей ребёнок принёс двойку из школы; с маленькими балкончиками и крохотными кухоньками, где больше двух за столом не уместится; а коридорчики узкие, что невольно хочется свернуть плечи, втянуть голову и говорить шёпотом, а то и вовсе замолчать, уткнувшись в газету...

А здесь, в этом огромном доме с высокими потолками и большим участком, дышалось удивительно свободно. Это чудесное чувство, когда утром можно выйти на улицу прямо в пижаме, потягивая кофе, когда над головой никто не топает и не двигает мебель, когда под Новый год наряжаешь ёлку

прямо во дворе, когда выбегаешь из горячей бани босиком и падаешь в снег. И это твой снег, твоя сирень и твой кот оставил следы в огороде, ведущие от подоконника гостиной до сарая, и нет здесь места чужим.

Светлая кухня способна вместить за столом всех наших друзей, просторные спальни, летняя веранда с мягким диванчиком, который достался Женьке по наследству от меня, когда мои ноги стали свисать с края. Женька уже давно переросла этот диван, спать теперь на нём некому, а вот сидеть на веранде удобно. А ещё подпол, повторяющий весь периметр дома, где можно даже побродить и узнать, на чём держатся пол и стены. Здесь стоят банки с мамиными заготовками на полках, хранятся картошка и другие овощи, а справа, в самом уголке, коробка с одеялом, это лежанка нашего Кота, где он любит уединяться, и мне даже иногда кажется, размышляет о своей жизни и ушедших годах...

Ещё есть чердак, куда поднимается только папа, а женское население может разве что представлять это место, опираясь на увиденное в фильмах, прочитанное в книгах и на свой жизненный опыт. Но поскольку мама, Жека и я имеем всё же разный жизненный опыт, у каждой из нас в воображении рисуется свой чердак... И весь этот дом, словно живой, ждёт тебя вечерами, как и Рэм, который дежурит у забора, нет-нет, и наострит уши: не слышны ли шаги? Твои шаги он отличит от шагов всех других прохожих.

Не раз мы с папой возвращались к идее устроить гончар-

ную мастерскую, одно время я даже покупала глину и пробовала что-то лепить. Но быстро забросила это дело: лепить неведомые фигурки пальцами – это одно, а вот запустить целый гончарный круг, создавая из жирной глиняной массы нечто прекрасное, вроде амфоры или кувшина, как героиня известной американской кинокартины «Призрак», – это уже совсем другое.

Жека вынесла из дома гитару и протянула папе.

– Что ли петь собралась? – улыбнулся папа.

– Давайте под гитару петь, я в этот раз баян не взял! – подмигнул мне муж.

– Эффектно ты смотрелся бы на велике с баяном, – подхватила я, ведь мы как обычно летом приехали к родителям на велосипедах.

Детскую историю Саши с баяном знали все, никто и никогда не слышал, как звучит этот инструмент в его руках. Саше было восемь, когда он, упираясь изо всех сил и пряча горячие непослушные слёзы, плёлся за высокой пожилой женщиной с богатыми тёмно-каштановыми волосами, аккуратно убранными в высокую причёску, – то была бабушка Саши, которая вела его по извилистой зелёной улице записывать в класс баяна.

– Мать придёт с работы задаст тебе! И тогда – нашивай клубки на зад! Мать сказала «на баян» – значит, на баян! Пусть бы сама тащила сына своёво! Ох, беда мне с тобой, Сашка, беда!

А Саша всегда хотел играть на скрипке, украдкой заглядывал он в класс, где учились начинающие скрипачи. Больше всего он любил слушать под дверью кабинета, где играли ученики старших классов, ведь у них получалось намного лучше, чем у малышни. Как манил его этот загадочный, лёгкий инструмент из благородного дерева, как бы ему хотелось хоть на минуточку взять его в руки и едва коснуться струн этим волшебным, словно живым смычком! Волнующая, тонкая мелодия скрипки серебряной змейкой проникала ему в самую душу, и, словно утро просыпалось внутри, разливая свой тёплый свет. И вместе с этой скрипкой он слышал, как жужжат пчёлы в цветущей яблоне их сада, как капает роса с травинок, как скрипит калитка, когда мама возвращается домой с ночной смены, и вот он бежит к ней по длинному коридору большого дома, звонко шлёпая босыми ногами по деревянному полу...

А мама любила баян:

– Далась тебе эта скрипка! Будешь пиликать, как дурачок! И вообще, я петь люблю. А как под скрипку петь? Решено: баян.

Саша бросил музыкальную школу, когда до окончания оставался всего год. Теперь баян, стоит у нас дома между стеной и шкафом, словно провинившийся, собирая пыль на свой чёрный футляр. И некуда от него деться, и радости нет играть на нём. Порой подкрадывается какая-то щемящая сердце жалость к нему, как к лётчику, которому врачи запре-

тили летать: и в небо нельзя, и на земле уже нет ему места.

Папа как никто другой из собравшихся понимал Сашу, ведь в своё время родители тоже отдали его в класс баяна против его желания. Папа тоже забросил баян, а вот на гитаре, которая была ему по душе, научился играть сам.

Он подтянул струны, сначала полились неторопливые переборы, а потом и одна из моих любимых песен «Бригантина» про капитана, «обветренного, как скалы» – мне иногда кажется, если бы папа был моряком, он был бы именно таким, как в этой песне. Рэму надоело слушать наш концерт, его внимание отвлекла то ли кошка, прошмыгнувшая за оградой, то ли птица, и он побежал за гараж, поближе к забору, держать оборону. У гаража расположилась дружная компания велосипедов. Сашин старенький «Mongoose» – настоящий американец, купленный больше десяти лет назад в классном спортивном магазине, за всё это время ни разу он не подвёл своего хозяина. Жекин велосипед без единого намёка на то, что принадлежит он девушке: нет ни зеркала, ни навесной сумочки-бардачка, ни яркой бутылки для воды на раме: из всевозможных аксессуаров только фонарь для езды в темноте и пара вытертых кожаных беспалых перчаток, надетых по обе стороны на грипсы руля. Мой – самый грязный, поскольку сегодня я опрометчиво быстро пронеслась по луже, забрызгав раму, крыло и свои леггинсы почти по пояс. А вот этот самый аккуратный с чистыми протекторами и ещё новенькими, ничуть не потёртыми неопреновыми ручками

на руле – папин. Папа катается редко, после дождя старается вообще не выезжать, бережёт его, словно тот из хрустала. Этот велосипед – подарок папе на день рождения. Мы не долго раздумывали, что подарить ему на юбилей в прошлом году, и спорить не пришлось – все сошлись во мнении, что велосипед – это то, что надо. У всех нас есть, а у папы нет. До сих пор.

В юности папа занимался в велосекции, тогда ещё не было такого разнообразия велосипедов, как сейчас: «Уралы» с тоненькими шинами, спортивные, у которых руль загнут и потому похож на рога, «Салюты» да «Школьники» – это уж совсем для маленьких. Папа катал нас с Женькой, рассаживая кого на раму, кого на багажник. И хотя рама была жёсткой, и не на шутку впивалась в зад, мы сидели, не ёрзая, и, казалось, дышали тише, чем обычно, такое это было счастье ехать с папой на велосипеде!

Потом папа научил кататься и нас, и однажды мы даже ездили втроем на дачу. Мама велосипеда боялась, будто он мог сбросить её, как ретивый конь, а то и вовсе лягнуть. И все наши мечтательные рассказы о скорости, о ветре в ушах и свободе, все уговоры научиться кататься разбивались о мамино категорическое «Нет». Позже по неопытности и доверчивости я выменяла крепкий папин «Урал» на старый разболтанный «Салют» с «восьмёрками» на обоих колёсах лишь потому, что он был чуть меньше «Урала», имел дамскую раму и пластмассовые красные цветочки на руле. Я ездила на нём

недолго, и даже уже не помню, как сложилась его дальнейшая судьба, но папа больше не катался и нового велосипеда себе не купил. Я вообще не знаю, покупал ли папа тогда что-нибудь себе. Сколько я его помню, он всегда делал что-то для меня, для Женьки, для мамы и для её мамы, для бабушки, для друзей и соседей, и для знакомых, которые сейчас так редко звонят, а когда и звонят, то обычно просят одолжить инструмент или перевезти что-нибудь тяжёлое, – словом, он жил для других, а на себя самого уже не оставалось ни времени, ни денег, ни сил, ни совести...

Папа служил в пожарной охране, и это было нечто большим, чем просто работа. Я помню, как мама рассказала нам с сестрёнкой, что папа вынес из огня – из горящей квартиры на пятом этаже – ребёнка, пятилетнюю девочку. Испугавшись пожара, она спряталась под одеяло, найти её было непросто, но это защитило её от отравления угарным газом и сохранило ей жизнь. Когда она пришла в себя, то просила спасти Мусю, которая осталась в горящей квартире. Тогда папа вернулся и отыскал в задымлённой комнате кошку, что сидела, цедя воздух из щели под балконной дверью...

Так в папиной трудовой книжке появилась запись об объявлении благодарности, а я вдруг поняла, а скорее, всей своей душой ощутила, каким опасным и важным делом занимается папа, как это нужно для других. И снова не для себя самого, а для других. Внутри него, казалось, был огромный тяжёлый шлагбаум, запрещающий пойти на рыбалку, или про-

вести выходной с друзьями, или вообще весь день пролежать на диване и ничего не делать. Чтобы лежать на диване ему нужна была веская причина, и таковая была одна – это ночь. Папа не лежал, даже когда болел. А болел он довольно часто.

В девяностые служащим в бюджетных организациях задерживали зарплату. Вернее сказать, её просто не платили по три месяца. Потому папа оставил службу в пожарной охране, стал работать строителем на улице и постоянно простывал. Кашель, насморк, сорванная спина, ссадины на руках – это не казалось нам чем-то необычным в папе, это было словно бы его врождённой особенностью. Он уходил, когда мы ещё только чистили зубы, собираясь в школу, а возвращался обычно, когда я уже переписывала домашнюю работу на чистовик, Женька досматривала «Баюшки» и расстилала постель. Редко, но всё же мы проводили время вместе.

Вот папа сидит на кухне, заложив ноги по-турецки, и держит в своих больших руках пяльцы и иголку, самую тонкую, какая только нашлась в нашем доме, с едва заметным ушком – папа учит меня вышивать гладью. Мы по очереди вышиваем платочек ко дню рождения мамы. В одном углу платочка – веточка с зелёными листьями, в другом – красный вензель – мамины инициалы. Вот мои стежки – корявые и длинные, вот – папины, ровные, стежок к стежку, будто папа всю жизнь только и делал, что вышивал картины да скатерти.

Скрипит мороз – для Сибири обычное дело, мы возвращаемся вечером с папой из гаража. Папа усаживает меня в

санки, поправляя подол моей цигейковой шубки, берёт верёвочку от саней и бежит. Я смеюсь, поднимая голову к тёмному небу. Еду быстро, передо мной мелькают сугробы, соседские гаражи, будки сторожевых собак остаются позади. Перед глазами – широкая спина молодого сильного папы в тулупе и меховой шапке-ушанке. Его бегущие огромные унты, похожие на чёрных лохматых неведомых зверей: раз! раз! раз! раз! – скрипят они по снегу. Кажется, они живые. Папа без варежек. Он никогда не носит рукавиц. В одной его руке крепко зажата верёвка от санок, в другой тряпичная авоська. А там, в той авоське, банка солёных помидоров из погреба. Мама дома, повязав фартук, жарит картошку, румяную, с золотистой корочкой. Придём, откроем запотевшую с мороза банку и сядем ужинать все вместе – это было счастье...

Папа берёт меня с собой, разрешив мне не спать и участвовать в таинстве под названием «Фотография»! В тёмной ванной комнате папа включает специальный фонарь, расставляет лоточки с проявителем и закрепителем. Потом фотокарточки плавают в этих лоточках, и я узнаю на снимках себя, маму и сестрёнку. Папы на семейных фото крайне мало, ведь чаще всего он оставался за кадром. И папа, и дедушка занимались фотоделом, фотографировали для себя и для нашей большой семьи. Вот тогда, во времена старого доброго «Зенита» и «ФЭДа», сначала нужно было не купить, нет – достать дефицитную бумагу для фотопечати. Найти в Омске цветную бумагу было сложно, частенько печатали на чёр-

но-белой, затем раскрашивая пастелью. И ошибиться фотографу никак нельзя: плёнка ограничена, бумага – дефицит, да и времени на печать уходила куча. До сих пор мы листаем эти старенькие фотоальбомы: усаживаемся вместе и не спеша рассматриваем взгляды, улыбки, одежду и детали быта того времени, какой-то другой реальности...

Я помню папу часто хмурым и уставшим, говорили мы редко. И я вроде бы знала, что этот человек, с намозоленными большими руками, от которых не отмывалось въевшееся машинное масло даже «Лотосом», в старом свитере, пропахнувшим гаражом, – мой папа. Также я знала, сколько ему лет, и когда у него день рождения. Знала я и то, что давным-давно, когда меня ещё не было, даже когда у папы мамы-то ещё не было, у него была яхта с белым парусом.

Ещё я знала, что папа служил в армии, и с маминого разрешения я подставляла табурет к шкафу и доставала с верхней полки тяжёлый, в синем бархате армейский альбом. Несмотря на то что на снимках было много незнакомых мне солдат и разной авиационной техники, совсем не впечатляющих мой детский разум, я всё же любила эти фотографии. Такое чувство гордости охватывало меня, когда я перелистывала этот альбом, узнавая молодого папу в форме. И всем друзьям, которые приходили ко мне в гости, таким же детям перестройки, в одинаковых колготках и башмаках, я спешила предъявить этот альбом, как фронтовую медаль, как самую главную семейную реликвию, и сказать при этом так, как говорят

обо всём значимом и жизненно важном, когда долгие объяснения становятся пустой болтовнёй и потому неуместны, так, как говорят «Я тебя люблю», или «У нас будет ребёнок», или «Прости меня», лаконично и ёмко, и я объявляла: «Вот. Это мой папа».

Ещё больше этого альбома я любила свадебные фотографии родителей. Здесь у мамы длинные волосы под фатой, и папа с кучерявой русой шевелюрой. Они такие счастливые, папа улыбается доброй искренней улыбкой, а в глазах горят тёплые огоньки, каких нет теперь. И я всё это знала о папе, но этого было всё же так мало... И мы сидели за одним столом, и спали через стенку, и даже выезжали летом на природу, а он всё равно был закрыт для меня, как что-то недоступное, может, как луна или дно океана.

Дружить мы стали потом. А тогда мне было не понять, что творилось в его душе, я не знала, чего бы ему хотелось больше всего в жизни, и почему он так редко смеётся, в отличие от мамы. Мама всегда весёлая и неунывающая, даже когда кончались деньги, так, что едва хватало на булку хлеба. Она вскрывала копилку с мелочью, с воодушевлением считала монеты и потом торжествующе сообщала: «Хватает! Хватает! Женька, помогай считать, тут, может, и на мороженое останется!».

Мама работала учителем, в те годы забастовки стали привычным делом. Нежданные каникулы типа карантина по гриппу или анонимное сообщение с таксофона, что школа

заминирована, а также те самые забастовки – несомненный повод для радости учеников. Бывало, маме выдавали зарплату карточками – это такие талоны на получение каких-либо товаров в счёт зарплаты, только не любых, а тех, которые выделило государство. Так вот один раз государство расщедрилось на валенки, а другой – и вовсе на рабочие халаты от магазина спецодежды. И в карточках этих не было инструкций, как валенками и халатами целый месяц кормить детей. Пожалуй, лишь недавно я стала понимать, что наша семья потому стояла так крепко, в отличие от многих других, в которых кричали на кухнях и били посуду, спивались, разводились и даже накладывали на себя руки (да, были и такие отчаянные решения), что держалась она на маминой огромной любви ко мне и Жеке, к папе, к жизни вообще. Я помню маму в двадцать девять, моложе, чем я сейчас, с пышными тёмными локонами, с кокетливо подведёнными глазами: улыбающимися, вдумчивыми, так похожими на Женькины теперь.

Вот мама одевает мне белые гольфы, даёт в руки красный флажок и надувает воздушный шар – Первомай! Идём на демонстрацию. Шар нечаянно улетает из моих рук, отчего хочется зареветь, ведь ещё самое начало праздника... Вот бы найти большую лестницу, достать до самого неба и поймать шарик! Но упрямый ветер уносит шар всё выше, дальше, и мне ничего не остаётся, как только смотреть ему вслед... Пожалуй, это моё первое расставание.

Вот маму положили в больницу. Это время никак не кончается, и тот светлый день, когда мама вернётся домой, так и убегает от меня, словно линия горизонта. Я соберу тебе огромный букет одуванчиков и даже полюблю кашу, возвращайся скорее!

Мама никогда не упрекала папу за хромающий семейный бюджет, за то, что она, учитель, обходилась весь учебный год, а то и два, одной парой туфель и сумочкой из кожзаменителя, а костюмы шила у знакомой портнихи, которой не всегда удавалось выкроить точно по фигуре, зато брала она за свой труд недорого. Я даже не знаю сколько лет было мамину демисезонному пальто, ведь всё своё детство я помню маму в этом чёрном кожаном пальто на пуговицах. Перед каждой весной мама подкрашивала вытертые места чёрным кремом для обуви, повязывала на шее яркий платок и шла лёгкими торопливыми шагами, немного склонив голову набок, задумываясь о чём-то своём: в школу, в магазин, за Женькой в детский сад, в гости с папой, в ТЮЗ с классом, в больницу, в мэрию на приём по жилищному вопросу, в суд по поводу выплаты «детских» пособий...

Даже самую небольшую сумму, которую папе удавалось подкалымить, мама встречала как настоящую победу, наскоро одевалась и бежала на рынок купить творог или кусочек сливочного масла. Папа масло не ел, сухо отвечая на мой удивлённый вопрос «Почему?» – «Не хочу. Не люблю». Так я долго думала, что папа не любит бутерброды с маслом, шо-

колад, колбасу и яблоки.

По выходным и праздникам папа таксовал или чинил машину. Когда удавался хороший заказ, он приносил маме букет красных гвоздик, а нам с Жекой большую шоколадку или мороженое, и мы садились за стол все вместе и о чём-то весело душевно беседовали. Мне даже не удастся вспомнить тему ни одного такого разговора, но в эти вечера мы все чувствовали себя такими счастливыми, такими нужными друг другу, что представить без кого-либо этот круг было просто невозможно. И никто не решался доесть последнюю дольку шоколада, вкус которого запоминался надолго, оставляя ближнему. И до сих пор, когда дома завалается последняя конфета или кусок колбасы, я их не съедаю, несмотря на то, что хоть прямо сейчас могу пойти и купить ещё три, а может, и четыре килограмма конфет и колбасы. Тогда мне не казалось, что мы жили трудно, ведь так жили, пожалуй, все мои знакомые ребята, наши мамы умели одной тушкой курицы кормить семью пять дней, пекли к чаю пряники из рассола и подсолнечного масла.

В детском саду был настоящий праздник, когда на обед давали селёдку. Порой заиграемся мы, воспитанники старшей группы, на площадке, стоит только нянечке Ольге Николаевне объявить, что на обед сегодня селёдка с картофельным пюре, как дети вмиг строились по парам и шли, поспевая за воспитательницей: маленькие, смешные, неуклюжие, в одинаковых валенках и шубках, похожие на выводок гусят.

Время шло, а пружина кризиса разжиматься не спешила. Мне исполнилось двенадцать, когда мама взяла для меня путёвку в летний лагерь Омской области. В нашем отряде была девочка Галя, отдыхала она вместе с младшей сестрёнкой Иринкой, лет девяти.

Сёстры были похожи как две капли воды: обе рыжеволосые, кудрявые, веснушчатые, с широко открытыми глазами. Только Иринка была ещё та хохотушка и выдумщица, а Галя улыбалась редко, бегать со сверстниками, участвовать в наших играх не хотела. Про неё даже ходили слухи, что она старше нас всех, просто врёт, что ей тринадцать, и потому мы её сторонились. В лагере меня поселили с Галей в одной комнате, и я однажды заметила, что печенье, конфеты и вафли, которые выдают нам на ужин, Галя не съедает, складывая в целлофановый пакет, и фрукты тоже не ест – отдаёт младшей Иринке. Потом это заметили и другие.

– Почему конфеты не ешь? – как-то спросила Наташка, соседка по шкафчику.

– Не хочу, – тихо ответила Галя, теребя мешок.

– Ну мне отдай! Я хочу! – не отставала Наташка и протянула руку к мешку.

– Не трожь! Это маме. Маме! Понятно? – залилась краской Галя.

...В седьмом классе со мной учился Дима Сеницын – сидел сзади через парту от меня. И вот однажды он не пришёл в школу. В кабинет географии вошла математик Софья

Ильинична – наша классная, и что-то поспешно встревоженно рассказала географине. Та округлила и без того большие глаза под густыми чёрными бровями, прижала журнал к груди, подняв острые плечи, и сидела так какое-то время молча. Потом по школе поползли слухи, учителя шептались, обрывки информации всё же просачивались, как вода сквозь твёрдую каменистую почву. И вскоре мы узнали, что Димкиного папу убили. Его то ли выдавливали конкуренты с хлебного для таксиста места – площади у железнодорожного вокзала, а он не сдавался и не уходил на окраины, где заработок в разы меньше, то ли не захотел делиться и платить «дань» тем товарищам, которые объявили это место своим. С каждым днём у этой истории прорисовывались детали, она обрастала новыми ужасными подробностями. Через неделю в школу вернулся Димка, серый, с отсутствующим взглядом, будто глаза его выстирали белизной, и ни с кем не разговаривал. Потом он стал прогуливать уроки, хамить учителям и жестоко колотить одноклассников.

Из маминых и бабушкиных рассказов о войне я знала о Ленинграде и голоде, тогда о белом хлебе можно было только мечтать. Каждый день и каждую ночь погибали люди, так много людей, что целые дома оставались пустыми... А мы всегда были вместе: мама, папа, Жека и я. Мы жили в тёплой светлой квартире с окнами на магистраль. Я любила засыпать под жужжание автомобилей и гул троллейбусов. Любила зимними вечерами смотреть на проспект, казалось, что

снег валит прямо из фонарей. Люди в машинах куда-то спешили, неслись, и машины всё не кончались и не кончались. А на столе у нас была жареная картошка с салом, на балконе стоял огромный бак квашеной капусты, солёные огурцы с помидорами – сколько хочешь, а по воскресеньям ещё и пирог с повидлом, – значит, жили мы хорошо.

Бывало, в новогодних мешках мы находили шоколадные яйца «киндер-сюрприз» или «пушистые» шарики «Рафаэлло», ну а модная кукла Барби – сногсшибательный подарок, гарантия восторгов и неудержимого счастья! И, конечно, как всё хорошее, новогодняя ночь и каникулы пролетали слишком быстро, ждала школа, новая четверть, уроки. Чем-то вроде компенсации за пролетевшие праздники, милым утешительным призом от Деда Мороза был Старый Новый год. Мы приходили встречать этот праздник к бабушке с дедушкой, собирались семейным кругом. Папа брал гитару, обязательно пели «Хмуриться не надо, Лада», пели про «Чёрного кота», а также о том, как «у леса на опушке жила зима в избушке», и другие добрые, душевные песни шестидесятых-семидесятых. И загадывали, загадывали! Бабушка открывала заготовленный на зиму компот из спелых дачных яблок – в нём-то мы, дети, и топили свои сожжённые бумажки с желаниями. Однажды я написала своё желание толстым чёрным маркером, который пропитался в бумагу и та напрочь отказывалась гореть. Пришлось есть это желание сырым, обильно запивая компотом. А на бумажке той большими печатны-

ми буквами было выведено: «ХОЧУ СОБАКУ, ПОЖАЛУ-СТО»... Собаки в моей жизни так и не случилось, возможно, писать тогда нужно было помельче, или вместо маркера взять простой карандаш, или тщательней разжёвывать...

Единственный раз стало отчаянно тоскливо на душе, когда на Новый год я обнаружила под ёлкой коньки, судя по размеру, предназначенные для меня. Фигурные коньки были моей мечтой, я едва научилась кататься, но нога выросла, и мне нужен был полный тридцать седьмой размер. Я села под ёлку, взяла в руки эти коньки, серые, совсем не такие, в каких обычно показывают фигуристов по телевизору, да и не так уж важно, что серые, они были явно ношенные, аккуратно покрашенные царапины и морщинки, залегшие на коже в области голеностопа, выдавали их серьёзный стаж. Кто-то уже катался в них и набил, пожалуй, немало синяков. Кто-то уже пользовался моей мечтой, и она не была для него мечтой вовсе и чем-то волшебным не была... Между тем взрослые с ожиданием смотрели на меня, в растерянности прижавшую к груди коньки, и нужно было скорее что-то говорить, а мне вдруг стало так больно смотреть на родителей. Впервые я ощутила беспомощность мамы и папы, отчего их стало невыносимо жалко, и я ничего не могла с этим поделать. Ведь если бы только они могли, они подарили бы мне новые, самые дорогие коньки из лучшего спортивного магазина Омска. Да чего там Омска, они съездили бы в Москву, на другой край планеты за самыми белыми настоящими фи-

гурными коньками. Но они не могли. И я впервые это ощутила...

Однажды нам всё-таки пришлось расстаться. Я и подумать не могла раньше, как это – жить в разных городах. Когда мне было тринадцать, папа уехал работать в Москву.

Вокзал. Мы провожаем папу в далёкий город, в котором ни я, ни Жека не бывали. Папа старается говорить бодро, непринуждённо и даже улыбается. Он скоро вернётся, три-четыре месяца – это не так уж и много. И потом, мы же будем слать телеграммы и писать письма! Это так здорово – писать письма, а получать – и того приятнее! Время до отправления поезда всё меньше и меньше, пора прощаться. Я смотрю на папу, мне словно бы и не верится, что это действительно происходит – ведь папа никогда не уезжал так надолго. Но поезд уже стоит на перроне, проводница поглядывает на часы, на папином плече большая дорожная сумка с вещами, пакет с провизией в дорогу – всё по-настоящему. Папа действительно сейчас уедет на ту тяжёлую стройку так далеко, для нас: мамы, Жеки и меня... Вот он треплет волосы у меня на макушке: «Ну, Юляка, давай!». И тут какая-то огромная горячая волна рождается внутри меня, движению которой я стараюсь противостоять, но она оказывается сильнее и упрямее, поднимается всё выше, накрывая меня вместе с макушкой, на которой лежит папина ладонь: я бросаюсь к папе, моему хорошему, родному, прижимаюсь к нему, утыкаясь лицом в его куртку, обнимаю так крепко, как не обнимала, наверное,

никогда, стараюсь задавить рвущиеся наружу слёзы. Я буду очень скучать. Я люблю тебя, папа!..

На молодость и зрелость моих родителей выпало вот такое время: непростое, противоречивое, похожее на шторм, когда зашаталось и упали ценности, сбились ориентиры, удвоилось в глазах и накрыло мутной волной. Всю Россию накрыло. Бывает, я даже задаю себе вопрос: а хотела бы я переехать в другую страну? В толерантную Германию, или в солнечную Италию, или, может, в Грецию, где «всё есть»? И отвечаю всегда одинаково...

Моя любимая сказка «Три медведя». Мама пугала меня Бабой-Ягой и бабайкой. С другом, хулиганом Вадиком, мы «красили» во дворе старую облезшую горку грязью веником, сделанным из огромных веток полыни.

Мы приносили горячий обед папе в гараж, где он чинил «Запорожец», потом «Москвич 412», а потом «Жигули 99». Мама с соседкой ходили ночью – куда бы вы думали? – не в ночной клуб, не смотреть на звёзды в телескоп. Наша мама ходила в книжный магазин, отмечаться в очереди, чтобы купить дефицитные книги. Таким образом в нашем доме появились замечательные сказки и прочий дефицит: ковёр с богатым ворсом, уют и мебельная стенка, по которой так здорово было лазать нам с сестрёнкой! Спасибо, Мама!

А ещё я гуляла с ключами на шее. И до сих пор обожаю молочный коктейль, ведь тогда, в начале девяностых, в посёлочке, где мы жили, молочный коктейль был редкостью и на-

стоящим чудом! С ребятами всей гурьбой мы играли в овраге в «Дом» и в «Поле Чудес», предварительно скидываясь призами в общий фонд: мелкими, конфетами, маленькими игрушками из «киндер-сюрпризов», фантиками и значками.

Мой первый учебник – букварь, в котором «Мама мыла раму». Но с Гагариным мы познакомились раньше. Меня согревают стихи Барто, Чуковского, Пушкина, Есенина, Рождественского, Окуджавы, Визбора и Высоцкого...

Я влюблена в печальные деревеньки, затерявшиеся в сосновой тайге. Я запомню на всю жизнь воздух Саян и Алтая. Я восхищаюсь могущественным Енисеем и узенькими речками Урала и Мещеры. Я мечтаю побывать в Карелии и искупаться в Байкале.

Четыре моих деда воевали на фронте в Великую Отечественную войну. Один погиб под Сталинградом...

Я люблю Масленицу, Пасху и бабушкины куличи. А на Новый год готовлю «Селёдку под шубой» и сморю «Иронию судьбы». И баню люблю с берёзовым веником.

Я делаю «закатки» на зиму и охраняю их до первого снега. У нас на балконе стоят велосипеды, там же в шкафах лежат коньки и много ещё всякого разного, чего я и сама уже не знаю.

А мой муж служил в армии. В российской. И мы отправляли друг другу письма – по почте России. На нашей свадьбе гости кричали «Горько!», а мы с мужем кусали каравай. И однажды мой ребёнок скажет «МА-МА». И сделает первые

шаги в нашем парке. В Омске. На нашей российской земле.

Постепенно кризис отступал, папа устроился на работу к предпринимателю, который открывал новый производственный цех. Папа строил этот цех практически без выходных и заработал столько, что нам хватило, чтобы съездить на море. Копить деньги на поездку была мамина идея, ведь она всё своё детство и всю молодость каждое лето отдыхала на Черноморском побережье, а папа на море не был. Ни разу. И вот, когда ему исполнилось уже тридцать семь, он впервые увидел море. Впервые и мы с Жекой узнали, что такое море не из учебников географии и не с экрана телевизора. Мы ощутили его, дышали им, впитывали: бесконечное, тревожное, пахнущее грозой и арбузами, непредсказуемое, удивительное море. А потом жизнь вообще изменилась: мы переехали из квартиры в дом, дела в стране наладились, и наш холодильник уже всегда был забит разнообразными продуктами, повидло и солёные огурцы перестали пользоваться прежней популярностью, а рецепт пряников на рассоле и вовсе забыт. Время поменялось, и мы, наверное, тоже стали другими. Мне забавно и немного неловко, когда мы с папой что-то выбираем в магазине или просто идём по улице вдвоём, и окружающие принимают нас за пару. Даже приходилось слышать: «Берите, девушка, Вам эта шляпа идёт, тем более мужчина платит», или что-то вроде того. Пожалуй, потому на людях я говорю «папа» немного тише. И внутри меня рождается милая усмешка, одновременно горькая и хлёсткая как

плеть: нет! Не смотрите так! Я не женщина с сумочкой и в туфлях на каблуках, я маленькая девочка, в выцветшем платье, с мальчиковой стрижкой, прижавшая плюшевого зайца к груди. И вы никогда, слышите, никогда не узнаете, как порой хочется забраться к нему на колени, к тому угрюмому и уставшему человеку, которого я так редко видела и почти совсем не знала...

И это наша тайна: моя и его. Потому что он тоже помнит меня ту, в красных кожаных сандаликах, ту, стоящую в углу, не достающую до кнопки лифта, так и не научившуюся подтягиваться на турнике... Он и сам едва устоял, когда Время толкнуло его в бок и выдернуло мою мягкую розовую ладошку из его широкой мозолистой руки. Он не хотел, чтобы вышло так... Он просто не успел тогда посадить меня к себе на колени...

И вот в прошлом году как-то неожиданно пришёл папин юбилей. Это такое красивое и в то же время большое, значительное число – пятьдесят. Мне всё время казалось, что родители молодые и что им всё ещё сорок с небольшим. А тут раз – и пятьдесят, даже ухо режет.

Мы вели новый велосипед в целлофане прямо к дому. Папа и не догадывался, какой подарок его ждал. Мы тихонько открыли калитку, потом Жека позвала папу, он быстро накинул телогрейку, ведь за окном ещё март, нырнул в резиновые шлёпанцы и вышел. А здесь все мы и велосипед посередине двора. «Вот! – показала Женька на подарок, – Папа, теперь мы будем вместе кататься!», – заверещала она. Рэм, не понимая, что происходит, залаял, стал суетиться и радостно прыгать. А я старалась смотреть на подлетающие в прыжке уши Рэма, на рыхлый тающий снег в ограде, на грязь, прилипшую к Женькиному ботинку и на мамин лёгкий халат, в котором она вышла на улицу, второпях не надев ничего теплее. Я смотрела на всё вокруг, только не на папу, потому что

боялась увидеть в его глазах слёзы.

Когда на небе загорелись первые неуверенные звёздочки, с Иртыша потянуло прохладой. И, хотя ещё много песен остались неспетыми, а пирожков на блюде хватило бы до самого утра, нам с мужем пора было собираться домой. Мама сложила в Сашин рюкзак пирожки и попросила позвонить, как доберёмся.

– Ну а ты-то останешься ночевать? – с нескрываемой надеждой посмотрела мама на сестру.

Женькин семейный стаж ещё совсем невелик, родители пока не привыкли, что младшая дочь вышла замуж и живёт теперь отдельно. Однако сегодня Женькин новоиспечённый супруг уехал на рыбалку, торопиться в пустую квартиру не было надобности, и Жека утвердительно кивнула. Папа привычным движеньем заботливо проверил тормоза на моём Чижике и вышел из калитки за нами. Я дзинькнула на прощание зелёным звонком на руле, папа помахал нам и ещё долго смотрел вслед нашим удаляющимся силуэтам на велосипедах с яркими маячками, пока мы не скрылись за поворотом.

Я люблю ехать на велосипеде по ночному городу. Улицы совсем не такие, как днём, ведь выглядят нарядными из-за иллюминации и светящихся вывесок, на тротуарах уже мало народу: остаются лишь влюблённые парочки да молодёжные компании, которым некуда спешить, в окнах домов горит свет, отчего квартиры кажутся уютными, а люди, живу-

щие в них, добрыми и гостеприимными. Я ехала за мужем, разглядывая город, глубоко вдыхая его остывший майский воздух, в котором перемешивались выхлопные газы автомобилей с едва уловимым запахом сирени, растущей по обе стороны аллеи. Эта аллея, пожалуй, одно из наших любимых мест для прогулок.

– Юль, ну где ты там? – обернулся Саша. – Давай наперегонки?

– Поехали, – кивнула я.

Я поравнялась с мужем, он отсчитал «Раз, два, три!», и мы дёрнули что было сил по пустой аллее. Было слышно, как всё сильнее и сильнее раскручиваются колёса наших велосипедов, как уверенно протекторы сцепляются с гладкой тротуарной плиткой. Мы разрезали густой воздух, приятно обдающий прохладой наши раскрасневшиеся горячие щёки. Я начала отставать от мужа на лёгком и юрком «мангусте» и встала на педали, чтобы набрать скорость. Саша видел, что я устала, но сдаваться не собираюсь, тогда он сбавил обороты педалей.

– Победила, победила! Обогнала, – едва переводя дыхание, улыбался муж.

– Ты поддался! Это нечестно! Давай заново!

Так мы проехали больше половины пути по центру города. Район, где мы жили, был самым обыкновенным рабочим районом, здесь подряд расположилось несколько промышленных предприятий, дымили трубы, то и дело нагоняя на

город смог. Даже окно нашей спальни выходило на производственные корпуса завода и три кирпичные трубы. Они были разной высоты, две, что повыше, стояли рядом, а третья, которая пониже, расположилась чуть в стороне. Когда мы только переехали в эту квартиру, нас смущал индустриальный пейзаж, открывающийся из окна. Но со временем мы привыкли к нему. Удивительно устроен человек: одинаково быстро привыкает как к красоте, так и к безобразию. И эти трубы мы ласково прозвали «три сестры». Словом, ехать по нашему району было не так приятно, как по центральным улицам, и мы решили срезать маршрут, свернув во дворы старых кирпичных домиков в два-три этажа. Раньше это были шумные коммунальные квартиры, в водопроводах которых текла лишь холодная вода. И хотя в наши дни из обшарпанных подъездов этих трёхэтажек несёт сыростью подвалов, дворики здесь по-прежнему уютные, аккуратные, в палисадниках растут лилии, петунья и высокие мальвы, днём на натянутых верёвках прямо на улице сушится бельё, и традиция выбивать дорожки от пыли специальной хлопалкой ещё не изжила себя. Сейчас тут темно, дорога едва освещается светом из окон.

Саша проехал вперёд, я за ним, сбавив скорость. Как ни старалась я ехать аккуратнее, всё же подпрыгивала на ямах и кочках асфальта, уложенного, наверное, ещё при коммунизме. «Либо «восьмёрку» тут набью, либо цепь потеряю по такой дороге», – не успела подумать я, как вдруг откуда-то из

темноты выделилась фигура мужчины, который бежал прямо на меня.

– Держись! – закричал он мне. – Я сказал держись! – мужчина подбежал ещё ближе, схватил Чижику за руль и резко повернул, а я узнала в этом человеке Андерсена. Перед глазами замелькали жёлтые огоньки-окна трёхэтажек, покривившиеся заборчики палисадников, деревянные лавочки, прошмыгнувшая в подвал кошка, разбитый фонарь над входом в подъезд, а ещё дыра в асфальте – открытый канализационный люк, до которого оставалось буквально сантиметров пять-десять – и его жадная пасть уже была готова проглотить моё переднее колесо. Голова закружилась, и меня стало мутить, отчего пришлось закрыть глаза.

«Держись!» – словно эхо пульсировало в ушах, и было уже неясно: действительно этот голос доносится извне, или он родился в моём мозге, и больше его не слышит никто. Но за что держаться, когда я уже не чувствую руля, а педали и сиденье велосипеда стали будто пластилиновыми и вот-вот расплавятся вовсе...

Глава 3. Ергаки: ТОЛЬКО СВОИМИ НОГАМИ

*А я еду, а еду за туманом,
За мечтами и за запахом тайги.
Ю. Кукин, песня «А я еду за туманом»*

Правая рука наконец нащупала что-то твёрдое, и я вцепилась что было сил. Стало душно, запахло гарью, в голову врывался грохот и шум, яркий свет заставил меня открыть глаза.

– Июль, тебе всё ещё страшно со мной ездить да? – голос Жеки прозвучал немного смущённо, но вполне реально.

Я обнаружила себя сидящей на переднем сиденье автомобиля, на грудь неприятно давил ремень безопасности, а пальцы правой руки не выпускали подлокотник на двери.

– Я вроде стараюсь аккуратно, уже скоро пять месяцев, как права получила, – будто бы извиняясь, говорила Женька, не без усилия переключая рычаг коробки передач. – Не бойсь! Приехали почти! Ещё так рано, а машин на дороге уже вон как много, весь город выхлопами провонял. Эх! – вздохнула Жека и подняла стекло, преграждая грязному воздуху путь в салон.

– Нет, уже не страшно, это я так, по привычке держусь, –

улыбнулась я, разжав наконец пальцы. – Скоро уедем отсюда, надышимся!

– Та-аак. – Жека огляделась. – Ничего, если я припаркуюсь не у самого вокзала, а вот здесь за магазином? А там пешком добежим? На площади у вокзала всегда много машин, мне здесь проще.

– Конечно, добежим, вставай, где тебе удобно, – поддержала я.

Жека получила права ранней весной. И теорию, и практику вождения сдала одна из первых в группе. Родители купили Женке старенькую жигули-шестёрку. Несмотря на почтённый возраст, машина была крепкая, ухоженная, поскольку с самого выхода с автозавода служила одному хозяину. Помимо официальных часов вождения с инструктором, было ещё «домашнее обучение»: вечерами папа выезжал с Женей за город. Сдать «экзамен» папе оказалось куда сложнее, чем получить права в автошколе. Иногда они оба возвращались сердитыми: Женька со следами слёз на щеках удалялась в свою комнату, а папа, весь наэлектризованный, как шерстяной свитер, бросив лишь короткую фразу «Не могу!», отправлялся в гараж.

А иногда приходили счастливые, живо обсуждая то тормозной путь в гололёд, то особенности летней и зимней резины, то недавно установленный дорожный знак за поворотом в центр города. Тогда, собирая ужин, мама вкрадчиво спрашивала: «Ну что, папа, у Женечки уже получается?». Папа,

хотя и был явно доволен Женькиным вождением, ограничивался словами: «Практика нужна. Выезжать почаще в город надо самой, без меня. И ездить, ездить, ездить».

Бывало, мы отправлялись вчетвером по магазинам, в гости к родственникам или ещё куда-нибудь: Жека за рулём, папа рядом, мы с мамой на заднем сидении, закусив губы и крепко держась за подлокотники на дверях, будто они были единственной надеждой на выживание в случае конца света.

«Что ты тащишься за автобусом, принимай в левый ряд! Сейчас заглохнем, Женя! Газу! Газу! Газу!», – то и дело кричал папа, а мы с мамой каждый раз узнавали новых участников дорожного движения: «куриц, не включивших поворотник», «оленей, щемящихся в междурядье» и многих других представителей омской фауны, осложняющих наш и без того опасный путь.

Однажды у нас заболел пёс, мы обнаружили его утром лежащим в теньке за гаражом: он тяжело дышал, отказывался от еды и воды. Папа, став работать вахтами, был на севере, и кроме Женьки отвезти собаку к ветеринару никто не мог.

– Жень, сейчас все дороги в пробках, а до клиники через полгорода ехать. Ещё и без папы. Давай подождём хотя бы обеда, – призывала мама.

– К обеду может быть уже поздно, – Жека открыла ворота гаража и завела мотор. – Доедем как-нибудь. Неси поводок и покрывало. – В критических ситуациях Женька не паниковала, напротив, принимала решения, руководствуясь холод-

ным рассудком, не раздумывая, брала ответственность на себя, становясь опорой для слабых и сомневающихся...

...Мы вышли из машины и направились к зданию железнодорожного вокзала, чтобы купить два билета до Красноярска. Попасть в этот город было для нас не самоцелью: там нам предстояло сесть в автобус и ехать двенадцать часов за Абакан, ведь мы решили провести короткий летний отпуск в горах, а именно побывать в национальном природном парке Ергаки в Саянах.

История этого путешествия началась ещё зимой, когда холодным декабрьским утром долгожданной пятницы я, сидя в офисе перед компьютером и поддавшись всеобщей «зимней спячке», ленилась работать, догрызая овсяное печенье, купленное ещё в понедельник, и запивая крепким ароматным кофе, мечтательно кликала по фотографиям, попавшим в интернет-рубрику «Фото дня». Так я совершенно случайно наткнулась на фотографию с пейзажем: горы, раскинувшиеся на заднем плане, чуть ближе – могучие кедры и ели, и совсем близко, почти в режиме макросъёмки, ярко-зелёная трава с оранжевыми пятнышками жарков. Перехожу на страницу с этим пейзажем, а там целая подборка фотографий с названием «Западный Саян, хребет Ергаки» – чей-то фотоотчёт с путешествия. На снимках так много воздуха и пространства, что кажется, если долго смотреть на эти фотографии, то они оживут: можно услышать смех туристов в резиновых сапогах и с большими рюкзаками за спиной, вдох-

нуть смолистый аромат хвои в горах, едва виднеющихся за густым туманом, услышать шум водопадов и узеньких речек-ручейков с такой чистой водой, что видно каждый камушек на дне, уловить дуновение ветра, принесшего запах прогорающих дров в костре на поляне, над которым висит закопчённый котелок, выпуская пар, наверное, в нём кипит картошка с тушёнкой, а может, и грибной суп...

«Здесь обязательно нужно побывать. Во что бы то ни стало, сколько бы ни стоило» – думала я. Редко бываю уверена в чём-либо на сто процентов, такой уж я человек, но не в этом случае. Уже не помню, кому принадлежит это высказывание, но смысл его в том, что новая идея словно растягивает сознание, и оно уже никогда не сократится до прежних размеров. Вот и идея побывать в Ергаках основательно укрепилась в моей голове и не отпускала меня, прорастая всё глубже, уходя корнями в самую душу. Я нашла хребет Ергаки на карте, разыскала информацию об особенностях местности, о погоде, о возможных маршрутах и организаторах походов.

Тогда я не могла дождаться окончания рабочего дня, чтобы поделиться своей находкой с Женькой. Дома я показывала сестре фотоснимки, и рвущийся из меня фонтаном рассказ о потрясающем месте было уже не остановить. И всё же я старалась быть объективной, потому не посвятить Женьку в опасности похода я не могла:

– Будет нелегко, маршруты, хоть и считаются несложными, подходящими для начинающих, всё же являются катего-

рийными, то есть нужна спортивная подготовка. Ещё вода в озёрах там холодная, может быть такое, что мы вообще не будем купаться. Часто там идут дожди, снег может выпасть даже летом, и вообще, погода очень переменчива, словом, без резиновых сапог и тёплых вещей там делать нечего, – тархтела я. – И самое главное – медведи. Саяны считаются медвежьим краем...

– Поехали! – однозначно, без сомнений ответила Жека, и было решено покупать путёвки и билеты на поезд до Красноярска.

Всё своё студенчество Женька занималась волейболом, бегала по набережной и здорово ездила на велосипеде. Моя же физподготовка оставляла желать лучшего, но никак нельзя было допустить, чтобы стать тормозом для группы в походе. И потому с января вплоть до самого июля я тренировалась: приседала, качала пресс и бегала, бегала, бегала... Я бежала, так сильно отталкиваясь от земли, что с каждым моим шагом планета словно бы начинала вращаться чуть быстрее, и наше путешествие приближалось. Я включала плеер с любимой музыкой. Сначала бежать было легко, и я ощущала себя спортсменкой, готовящейся к марафону. Потом за поворотом, где кончался жилой массив с частным сектором и начиналась дорога к парку, дыхание сбивалось, и я сбрасывала темп. Когда начинались аллеи парка, сердце поднималось к ушам и бубнило словно севший динамик, вторя ритмам в моих наушниках. Тогда вместо танцевальных

зарубежных хитов восьмидесятых и девяностых я включала «Rammstein», добавляя «металла», и продолжала бежать. А тело предательски сопротивлялось моим командам «Вперёд!», «Беги!», и я обращалась к «тяжёлой артиллерии»: представляла, что сейчас война, а я медсестра, бегу на помощь к раненому солдату. Я в тяжёлых сапогах и шинели, за моей спиной большой рюкзак с медикаментами, бинтами и водой, солдат истекает кровью, но ждёт меня, я – его единственная надежда... Так я добежала до конца парка – маршрут на шесть километров. А иногда останавливалась на четвертом или пятом километре пути, и мне печально думалось, что мой солдат погиб...

Это лето было последними каникулами для Женьки – она оканчивала институт, приближаясь к тому самому «порогу взрослой жизни», которую сулили преподаватели. Я же этот порог уже перешагнула, и теперь для меня было большой удачей, что шеф согласовал мне отпуск в июле. Целых две недели! Узнав, где я собираюсь провести это время, руководство и коллеги не могли меня понять и тем более порадоваться: «Куда? Что за странное название?» «Нет, не знаем», «Не слышали». Дело в том, что в компании, где мне довелось трудиться в качестве маркетолога, было принято путешествовать за границей. Так, менеджерский середнячок выезжал во Вьетнам и Тайланд: на Пхукет или хотя бы в Паттайю, а вот курорты Турции не особенно котировались, считалось, что там давным-давно уже все побывали и знают каж-

дую тропинку-дорожку. Ну а «топы» отдыхали в Испании, Италии, летали на Кубу и в Доминикану... И тут среди этих популярных географических названий, которые уже вроде бы даже перестали быть лишь географическими названиями, а служили скорее индикатором классности отпуска, появляется совершенно неизвестное, причудливое «Ергаки»...

И всё-таки мы ехали в Ергаки – несколько миллиметров на карте России, небольшое пятнышко горного массива на юге Сибири! Это не заграничные курорты, где за определенную сумму тебя доставят в любую точку: можно на катере, можно на скоростном байке, а можно верхом на верблюде или даже на слоне – как душе угодно. Это место, куда нельзя добраться ни на автомобиле, ни на лошади, только пешком. Правда, в описании природного парка я встречала информацию, что там есть посадочная площадка для вертолётов, предусмотренная подразделениями МЧС на экстренные случаи, когда эвакуируют сорвавшихся с горы или травмированных, так что никому не пожелаешь ею воспользоваться. Только своими ногами!

В здании железнодорожного вокзала кишела тьма народу, и мы заняли очередь в два разных окна касс. В очередях стояли в основном женщины, большинство из которых желали приобрести билеты до Анапы, Адлера, Туапсе, они смотрели решительно, я бы даже сказала, воинственно, чтобы никто не смог протиснуться вперёд них, чтобы билетов хватило, и желательно в плацкартные вагоны, ведь ехать всей се-

мьей в купе слишком накладно. Моя очередь подошла быстрее, чем Жекина. Ажиотажа на восточное направление не было, и потому мы спокойно взяли пару билетов до Красноярска в фирменный поезд на нижние полки. В этот раз к возможным сюрпризам погоды мы подготовились основательно: взяли тёплые спальные мешки, термобельё, костюмы на синтепоне, непромокаемые куртки и штаны на случай дождей, шапки, вязаные перчатки, ботинки и, конечно же, резиновые сапоги. Всё необходимое уместилось в большие рюкзаки, на плечах каждой из нас получилось килограмм по восемнадцать – достаточно увесистый груз, который тяжело было самостоятельно поднять с пола и закинуть на спину, однако это несколько не печалило нас. «Спрей от медведей забыли купить!» – подтягивая лямки рюкзака, смеялась Жека. Даже не верилось, что через пару дней мы будем в том сказочном месте, увиденном на фотоснимках ещё далёкой зимой.

Красноярск встретил нас жаркими объятиями. Несмотря на ранний утренний час, в городе было душно и солнце палило так, будто хотело согреть всех жителей впрок, чтобы в декабре те не жаловались на суровые морозы. Эх, если бы можно было впрок насладиться солнцем, или выспаться, или наесться вперёд на неделю... До сбора туристической группы и отправления автобуса в нашем распоряжении было девять часов – мы специально приехали в Красноярск заранее, чтобы побродить по улицам и познакомиться с городом по-

ближе.

Есть в этом особая радость, когда идёшь по чужому городу, и никто тебя здесь не знает. Здесь ты не встретишь случайно ни своего начальника, ни однокурсника, ни соседа по даче, ни приятеля, которому ты когда-то зажал свой фотоаппарат, соврав, что последний сломался. И теперь каждый раз, когда вы видитесь, тебе вроде бы стыдно, ведь приятель поверил, а фотоаппарат-то цел и невредим. И в то же время, как было дать на прокат вещь, которая так дорога твоему сердцу, и вообще дорога. Ведь ты копил на новую «зеркалку» почти год, теперь с особой осторожностью устанавливаешь на неё то один объектив, то другой, протирая пыль щёточками, хранишь в специальной сумке, и вот так просто «дать погонять»?..

Не встретишь ты здесь и свою первую любовь, как это может случиться в твоём родном городе, ведь живёте вы по-прежнему в одном дворе. И вот ты выйдешь из дома по срочному делу: или хлеб закончился, или нужно что-то передать кому-то на остановке, или ещё зачем-нибудь выйдешь, в кои-то веки, в спортивных трико, которое первое попало под руку, без макияжа с наскоро собранным пучком волос на затылке, и обязательно встретишь его! И, как назло, заметишь лишь, когда вы практически столкнётесь лоб в лоб, и потому не успеешь ничего предпринять: ни свернуть на другую сторону улицы, ни сделать вид, что это вовсе не ты. И вот ты улыбаешься совершенно по-идиотски, будто извиняясь за

свой вид, мол, столько дел у тебя, и день такой выдался суетной, сложный... А выглядишь при этом так, будто не день, а вообще вся жизнь у тебя не сахар, судя по твоим синякам под глазами и бледному лицу... Так вот в чужом городе все эти курьёзы практически исключены! И потому я смело шагаю по центральной улице Красноярска в китайских парусиновых кедах, в выцветшей бандане, из-под которой висит растрепавшаяся косичка, а лицо загорело так, что кожа на скулах и носу облезит, как шкурка с копчёной колбасы. Я иду и улыбаюсь своей свободе, а ещё оттого, что рядом в таких же кедах шагает Жека, и мне так светло!

Ещё в Омске перед поездкой Женя распечатала карту Красноярска, проложив на ней маршруты до мест, какие нам хотелось бы посетить. Первым пунктом в списке стояла камера хранения, готовая принять наши тяжёлые рюкзаки на время прогулки. Избавившись от груза за плечами, начинаешь ощущать себя практически невесомым, свободным, как бабочка, и кажется, что вот так налегке сможешь обойти пешком весь Красноярск. Потом мы прошли по Центральному парку культуры и отдыха. Такой зелёный, уютный, хранящий детский смех и каждую весну обещающий своим гостям новые радости, парк с аттракционами, с киосками мороженого и сладкой ваты, с художниками на ярких скамейках, думаю, есть в каждом городе. Гуляющих в парке мы встретили совсем немного, наверное, потому, что сегодня пятница и большинство красноярцев сейчас трудятся на

предприятиях и в душных офисах, побеждая очередную рабочую неделю. А нам не нужно на работу! И вообще спешить никуда не нужно! От осознания этого делалось так приятно на душе.

Со мной часто такое случается в отпуске: вдруг охватывает нестерпимое желание зайти в свой офис, с лёгкой улыбкой кивнуть начальству, вальяжно усесться на своё рабочее место, не включая компьютер, и долго пить кофе: чашку, а может, и две. Все вокруг тем временем будут что-то разрабатывать, проектировать, подписывать ворохи важных бумаг, одновременно хватая трубки трезвонящих телефонов, сосредоточенно смотреть в мониторы, торопливо настукивая что-то по клавиатурам, часть букв на которых уже давно стёрлась, а между клавиш застряли крошки прошлогоднего печенья... Словом, все будут суетиться, как муравьи в большом муравейнике, а я – сидеть, наслаждаясь внутренним равновесием и тишиной в душе, и смотреть на всех них, как на чудиков-инопланетян. Воплотить это странное желание в жизнь мне ещё не приходилось, поскольку каждый отпуск я провожу вдали от Омска.

– Ну что, теперь двигаем к Енисею? – Жека сверяет свой список.

– Идём! – отвечаю я, и мы сворачиваем к большому пешеходному вантовому мосту, который, благодаря своей интересной конструкции, издалека кажется лёгким, почти воздушным.

Искупаться в Енисее и поздороваться с великой российской рекой было неотъемлемой частью нашего плана. И лишь единственный факт мы не учли: для реализации этой идеи нужны купальники, которые сейчас лежат на дне наших рюкзаков в прохладной камере хранения и послушно ждут своего часа. Мы спустились с моста к реке, здесь, в отличие от парка культуры, полно народу, но купающихся негусто, в основном, загорающие. Удивительно много барышень с татуировками на самых разных частях тела. Ну и дела! Вероятно, здесь так модно. А, может быть, эта новая молодёжная тенденция пришла сюда из столиц, забыв заглянуть в Омск? Казалось бы, из Москвы до Омска по карте явно ближе, чем до Красноярска, однако многие современные тенденции культуры и искусства идут в обход нашего города. Видимо, к нам путь тернистый.

Нам, привыкшим к тёмной воде Иртыша с глинистым дном и масляными пятнами на поверхности от производственных стоков, кажется необычным, что вода в Енисее прозрачная. Сначала мы уселись в траву под дерево в нерешительности.

– Быть на Енисее и не искупаться? Как же так? Да и жара, – начала было я.

– Ну а что делать-то предлагаешь? Вон все люди как люди культурно в купальниках лежат.

– Пусть себе лежат. Они и не вспомнят нас потом. Пойдём купаться так.

– Как? – округлила глаза Женька.

– Да вот так! Просто надо быстро заходить и не привлекать к себе внимания. Народ всё равно кто спит, кто читает. Думаю, нас и не заметят даже.

И, поверив в свою «незаметность» на городском пляже, я разулась, стянула шорты, повесив на ветку дерева, и отправилась купаться в майке. Жека немного постояла в растерянности, потом огляделась, убедившись, что и правда никто на меня не показывает пальцем, ни чьи эстетические чувства я вроде бы не оскорбляю, да и вообще никому нет до меня дела, и последовала моему примеру. Вода в Енисее холодная, купаться в полном смысле этого слова там не получится, только быстро забежать, остудить разгорячённое тело и, в миг отрезвев от жары, выскочить обратно на берег. Но как же всё-таки хорошо после бодрящей енисейской ванны! Под палящим солнцем одежда высохла быстро, и уже никому бы не пришло в голову, что ещё полчаса назад она была мокрой до нитки. Время шло к обеду: на часы можно было даже не смотреть – пустота в животе явно давала о себе знать. И хотя пустота не может обладать никакими физическими свойствами, а вот ощущается почему-то очень остро. Однако мы следуем плану.

По списку следующий пункт – музей-усадьба имени В.И. Сурикова. Женька не понаслышке знала факты из биографии этого художника, потому как ещё несколько лет назад прочла книгу о Сурикове, которую посоветовала бабушка,

отыскав в своём книжном шкафу. А я так и не прочла. В Красноярске была возможность восполнить пробелы в знаниях, прикоснуться к живой, более чем столетней истории. Мы добрались до музея автобусом, нашли нужный адрес. За тёмным деревянным забором расположился двухэтажный старинный бревенчатый дом с флигелем. Этот дом, казалось, хранил какую-то тайну, дышал каким-то другим, нездешним воздухом, берёг душу целого родового гнезда Суриковых, отстранённо поглядывая на суетную шумную жизнь современного Красноярска. Жека хотела было отворить калитку, но – увы! Нам преградила путь категорическая надпись: «Пятница 6 июля – санитарный день». Жаль! Искренне жаль! Мы ещё немного постояли у калитки, словно надеясь, что придёт кто-то главный и снимет надпись, распахнув перед нами двери музея. Однако никто не приходил, мы вставали на цыпочки, стараясь рассмотреть хоть что-нибудь в усадьбе, но забор довольно высокий, и за ним никого не видно и не слышно. Нам ничего не оставалось, как идти дальше. Буквально в одной остановке от дома-музея раскинулся зелёный стадион с решительным жизнеутверждающим названием «Локомотив».

Городской стадион – это, конечно, сомнительная альтернатива художественному музею, но всё-таки культурный объект, и мы решили не оставлять его без внимания. У входа на стадион стояла большая жёлтая бочка с квасом, такие часто показывают в советских фильмах, и в наше детство квас

продавали так же, не в пластиковых бутылках, как сейчас, а именно на розлив в таких вот бочках. Рядом на табуретке сидела уставшая загорелая женщина в кепке с большим козырьком – продавец. И мы купили по стакану кваса, чтобы хоть как-то взбодриться от жары. Я поднялась за Женькой на самую верхнюю трибуну, откуда открывался замечательный вид: огромное зелёное поле и холмы, холмы, холмы – там, вдалеке за стадионом. Как же рельеф украшает город! Омская земля абсолютно плоская, это, разумеется, удобно, когда едешь на велосипеде: не нужно постоянно переключать скорости, карабкаясь вверх по улице, но всё же разного рода неровности не могут не радовать глаз жителя лесостепной полосы. На стадионе пусто, кроме неподвижных холмов, рассматривать было нечего, мы ещё немного посидели на трибунах в теньке и за неимением духовной пищи отправились на поиски пищи более привычной и необходимой голодным туристам. Так мы забрели в первое попавшееся кафе. Здесь было прохладно – уже только поэтому стоило приземлиться именно в этом месте. Заведение напоминало столовую: прилавки под стеклом с разнообразием блюд, стопки подносов для самообслуживания, повар в белом переднике и колпаке. В целом весьма уютно: плотные шторы на окнах, преграждающие яркий свет, аккуратные чистые скатерти, мягкие диванчики, в углу чёрное фортепиано, на стенах фотографии с видами Красноярска в разные времена года. Пахло свежей сладкой сдобой и жареной курицей, отчего есть захотелось

ещё сильнее. И мы дружно взяли металлические подносы, как доблестные воины берутся за щиты перед битвой.

– Дайте нам, пожалуйста, солянку, горбушу в кляре с картошкой «фри», и рис с овощами тоже положите. Ещё салат, – перечисляла я повару.

– «Оливье» возьмём или винегрет? – смотрела я на Жеку.

В Жеке явно боролись два чувства: с одной стороны, ей было неловко оттого, что перед поездкой она строго объявила, что в походе не собирается много есть и обязательно похудеет, с другой стороны – давящее чувство голода, сопротивляться которому было нелегко. И тогда я полностью взяла инициативу в свои руки:

– «Оливье» и винегрет ещё, пожалуйста, – всё перечисляла я. – О, а ещё во-о-он то жёлтенькое, не вижу, как оно у вас называется.

Я показала на кусочки чего-то жаренного с золотистой корочкой: то ли куриное филе в сухарях, то ли свиные отбивные. Выглядело это блюдо настолько аппетитно, что природа его происхождения уже не имела никакого значения.

– И компот, – смущённо добавила Жека.

– Хлеб класть? – поинтересовалась учтивая хозяйка.

– Нет, нет, благодарим. Мы на диете, – улыбнулась я, и мы прошли за стол.

Подставка с салфетками, солонка и перечница в самом центре пустого стола смотрелись подчёркнуто важно, но разом потеряли всю свою значимость на фоне блюд, заполнив-

ших свободное пространство скатерти с нашим приходом в кафе.

– Может, огурчиков ещё возьмем солёных для аппетита? – витрина снова притянула на себя моё внимание.

– Ну да, так-то у нас аппетит слабоват, хоть корень одуванчика прописывай... – показала на стол Женька, мы рассмеялись и взялись за ложки.

– Да это всё мифы, что девочки мало едят, – уплетала я горячую ароматную солянку с плавающим полумесяцем лимона. – Просто при других выпендриваются больше. А дома сядут и едят, как нормальные люди, – продолжала я успокаивать то ли Женьку, то ли свою совесть.

Это чудесное гостеприимное заведение пришлось нам по душе больше и городского пляжа, и стадиона вместе взятых. После обеда нас так разморило, что мы не придумали ничего лучше, чем найти лавочку в теньке, и уж если не вздремнуть, так хотя бы просто посидеть на свежем воздухе. И такая лавочка нашлась: совсем недалеко от кафе открывалась небольшая площадь, вымощенная брусчаткой, а рядом уютился скверик с десятком отличных лавочек! Приблизившись к цели, я устроилась поудобнее в тени раскидистого дерева, а Женька двинулась через площадь к памятнику. Я никогда не любила памятники: так и веет от них замогильным холодом. Кажется, не то они к чему-то рьяно призывают, не то ждут чего-то от меня. Да и что я, Юля, могу для них сделать, ведь они неживые, никогда им не сойти со своего места и не пу-

ститься бродить по улицам, не улыбнуться и не расплакаться... В нашем Омске столько памятников Ленину, что можно сбиться со счёту: и на центральных улицах, и на окраинах, и на территориях предприятий, и у школ, и у ВУЗов, и даже внутри моего родного «Политеха» перед входом в актовый зал до сих пор приветствует учащихся большой гипсовый бюст Ленина. Он, может быть, и рад бы стать наконец ромашковым полем или прорасти дубовой рощей, но ведь нет, не дают.

А Женя продолжала рассматривать памятник. Издалека было ясно: это точно не Ленин, композиция состояла из двух небольших фигур. Мне стало любопытно, что так увлекло сестру, и я подошла. Скульптура изображала детей блокадного Ленинграда. В руках у девочки, что постарше, тоненький кусочек хлеба – паёк на сутки, а рядом маленький мальчик, державший бидон, с которым он бегал за водой к Неве. За спинами детей стояли пустые санки, на каких в то время в Ленинграде перевозили умерших к общим могилам. Как ясно я увидела тех ребятшек, оставшихся без родителей, замёрзших в этих худых пальтишках, голодных, потерянных, – детей, у которых не было детства. Они вдруг ожили передо мной здесь, в этот солнечный день, посреди мирного Красноярска, рядом с нами, сытыми, довольными, отправляющимися в поход с рюкзаками, в которых много тёплых вещей и сладостей. Возьмите, дети, пожалуйста, возьмите хоть что-нибудь! Но они не брали, ни о чём не просили и уже не жда-

ли ничего.

Автобус с мягкими креслами степенно двигался к Абакану. Утомившись за целый день новыми впечатлениями, предвкушением начала похода, прогулками, перетаскиванием рюкзаков из камеры хранения в троллейбус, из троллейбуса до «Дома пионеров», который был назначен точкой сбора, и снова в автобус, мы с Жекой уснули. Когда холмы по пути становились всё выше и всё больше напоминали горы, трасса начала петлять, словно закручивая спираль, время тянулось медленно, Женьку укачивало, но я точно знала: когда-нибудь эта долгая дорога закончится, автобус остановится и выпустит меня на свободу. Так и случилось. В пять утра мы прибыли на место – то была перевалочная база у реки Тушканчик. Горы вдалеке и чёрную строчку дороги заволокло плотным густым туманом, воздух ещё не успел прогреться (а может, здесь так холодно всегда?), и мы с Жекой надели ветровки. Тишина нарушалась лишь шумным ворчанием маленькой прозрачной речки.

Я огляделась: неужели доехали? Ну наконец-то! Нас встретили инструкторы во главе с руководителем лагеря Альбертом Валерьевичем, тем человеком, которому я ещё зимой написала электронное письмо, так, мол, и так, хочу побывать в Ергаках, какая требуется подготовка, много ли у вас там медведей и прочее. Я видела его лицо лишь на маленькой фотографии в интернете, теперь мы встретились вживую. Я представляла его другим. Мне думалось, что ди-

ректор, как водится среди руководителей, будет восседать в кожаном кресле посреди просторного кабинета, уставленного стеллажами с пыльными папками документов, и лишь изредка подходить к окну, закуривая длинную сигару, чтобы полюбоваться городским проспектом в вечерних огнях. Но нет! Альберт Валерьевич, одетый в изрядно потрёпанную куртку-штормовку и вязаную шапку «петушок», встречал нас здесь, в шестистах километрах от Красноярска, у дивной речки в тихой деревянной избушке, хранившей снаряжение и продовольственные запасы для туристов. И, как выяснилось, совсем не курил.

– Доброе утро, туристы! С прибытием вас в заповедный край Ергаки! – Альберт Валерьевич улыбался не так, как улыбаются лощёные шефы с обложек журналов. Он был рад нам, новым путешественникам, рад этому утру и, кажется, всей своей жизни в целом, жизни, которую он выбрал, окуренной дымом костров, пропитанной влагой туманов, стремящейся к вершинам под самые звёзды...

Инструкторы во главе с руководителем мне будто уже были знакомы, их открытые лица я словно где-то видела раньше, быть может, они просто напоминали мне героев советских фильмов об альпинистах, походах и восхождениях. Возможно, увидев их в городском автобусе или в очереди в столовой, я даже не обратила бы на них никакого внимания. Но мы встретились здесь, у подножия гор, в сибирской тайге на доле миллиметра карты России, и объединяет нас одно:

что-то зовёт нас туда, наверх, какая-то неведомая сила достаёт нас из-за письменных столов, вытягивает из удобных кресел автомобилей, срывает с нас душные одеяла, поднимая с мягких постелей. Она манит, веля оставить свои дела, должности, оранжерею фикусов и любимую кошку, доверив последнюю соседке, взвалить на плечи рюкзак и идти. Идти своими ногами. И иначе мы уже не можем.

– Друзья, впереди маршрут до лагеря протяжённостью восемь километров. Лагерь находится на высоте полторы тысячи метров, тропа к нему лежит вдоль реки Тушканчик. Камни здесь отмечены синими полосками, будьте внимательны, – Альберт Валерьевич рассказывал о пути, который нам предстояло пройти, чтобы попасть в палаточный городок, где будем жить, и показал на узенькую шумную речку.

– Как? Вы не пойдёте с нами? – я посмотрела на речку, уводящую в глухой еловый лес, встретила Женькин удивлённый взгляд, кажется, она тоже опасается заблудиться.

– Мы придём позже, сейчас нам с инструкторами нужно проводить предыдущую группу туристов и встретить машину с продуктами для новой смены, то есть для нас с вами. Тропа здесь одна, держитесь речки и не заблудитесь. Там будет большой участок с курумником, лучше надеть кроссовки или ботинки, – руководитель обратился к даме в резиновых сланцах, дама послушалась совета и начала искать в рюкзаке более подходящую обувь. – Затем вы поднимитесь по «Муравьиной горке», пройдёте «ресторан», а там уже и до Свет-

лого недалеко. На берегу этого озера мы и живём.

– Ресторан – это хорошо, хоть позавтракаем! – обрадовался парень в солнцезащитных очках с зеркальными линзами и зачехлённой гитарой в руках. На плечах его красовался оранжевый рюкзак с парой металлических значков, завершала образ жгуче-чёрная бандана с белым орнаментом. Бандана была определённо новой, вероятно, купленной специально к этому походу, ведь материя ещё такая яркая, а рисунок чёткий, что сразу становится понятно: эта бандана ещё не знает ни лучей палящего солнца, ни солёного пота её хозяина.

– Всех накормят в лагере! У нас отличный повар! Ну, всем удачи, скоро увидимся! – Альберт Валерьевич улыбнулся и поспешил к избушке, куда вот-вот должны были подвести провиант.

Наша группа пока ещё незнакомых друг с другом туристов растянулась вдоль речки: те, что шли впереди, потерялись из виду, и те, кто шёл следом, тоже никак не проявляли себя. Меня это радовало: мы остались с Жекой вдвоём, без лишних глаз и пустых слов. Тропа густо переплетена паутиной огромных корней: только и успевай перешагивать. Гладкие, отполированные талой водой да ливнями, могучие корни вековых елей и кедров крепко связывали землю этого бора, напоминающего волшебный лес из сказок, так любившихся с детства. По камням спешила шумная речка, заглушая остальные звуки. Всё это было таким чистым, таким нетро-

нутым, что казалось, мы – первые люди, заглянувшие в этот далёкий уголок планеты.

– Я так хочу показать эти места моим детям! – Жека умылась холодной прозрачной водой из Тушканчика. – Только бы сохранилось всё это...

– Детям? – растерянно переспросила я.

Мне думалось, что у нас ещё целая жизнь впереди, пульсирующая, дерзкая, пьянящая свободой, несущаяся по новым и новым дорогам в обнимку с рюкзаками. Столько всего ещё нужно посмотреть, везде побывать! Хочется в Карелию, там, говорят, такие захватывающие сплавы! Хочется на Байкал! Как можно жить в России и не прокатиться на коньках по ледяной глади самого глубокого чудо-озера? А вулканы Камчатки? А Якутия с северными оленями и собачьими упряжками? Там лютуют морозы, разве ж можно туда с детьми?.. Наш дедушка родом из Верхоянска, он однажды рассказывал о суровых холодах Якутии, о том, что птицы там замерзли прямо на лету и падали. Он, тогда ещё мальчишка, старший из семерых детей в семье ветеринара, не раз прятал за пазуху маленькие окоченевшие тельца и приносил отогреться в дом. А ещё в Якутии можно увидеть северное сияние! Весь этот мир потрясающе красив, удивителен и такой разный, а мы в нём гости, путешественники...

Солнце поднималось, прогревая воздух, и мы сняли куртки. После лесных тропинок нас ждал участок с курумником – россыпь каменных глыб, целой каменной рекой, преодо-

леть которую можно лишь широко шагая да перепрыгивая с валуна на валун. Здесь идём неуверенно и медленно. Затем карабкаемся вверх по «Муравьиной горке» – короткой вертикальной трассе. Устали, остановились на живописной поляне, где повалено несколько огромных брёвен, на них уже устроились отдохнуть участники нашей группы, что ушли вперёд. На одном из брёвен нацарапана крупными буквами надпись: «РЕСТОРАН».

– Ну вот и ресторан! – увидела надпись Жека.

– Где? – догнавший нас парень с гитарой и в чёрной бандане оживился.

– Прямо здесь, – Жека развела руками и улыбнулась.

Парень недовольно фыркнул, едва скрывая разочарование, принялся заправлять выбившиеся петли длинных шнурков. Он действительно решил, что здесь, в этом дремучем лесу, где-то посреди курумника, работает круглосуточная точка общепита с гамбургерами и картошкой «фри»? Что ж, бывает... Мы с Женей всё же оправдали надпись «Ресторан», перекусив шоколадными батончиками, что я взяла с собой втайне от сестры, которая ещё в Омске настоятельно попросила не брать сладостей, чтобы сохранить фигуру. Но если бы вы видели сейчас Женькино лицо, исполненное радостью и благодарностью! Да, силы здорово уходили на непривычный путь, хотелось есть, и о фигуре думалось в последнюю очередь.

Через три часа пути мы оказались на берегу Светлого, рас-

пластавшегося посреди хвойного леса. Его гладь недвижима, вокруг тишина, палаточного городка не видать. Неужели заблудились? Хорошо, что нам навстречу попало трое ребят, путешествующих самостоятельно. У одного из них на рюкзаке висела связка из пустых консервных банок. Так они решили предупреждать лесных зверей о своём приближении, чтобы избежать нежелательной встречи. Они обнадёжили нас: к лагерю идём правильно, осталось меньше километра, стоит лишь обогнуть озеро...

Ура! Мы дошли! Первый, пусть самый простой, но всё же долгий маршрут пройден, перед нами целый город ярких палаток, установленных на деревянные настилы, а это означает, что сырость и холод от земли не проберутся к нам, корни деревьев и шишки не будут впиваться в спину и толкать в бока. Из-под большого синего навеса навстречу к нам вышел мужчина невысокого роста, в зелёных камуфлированных штанах с вытертыми коленками и синей футболке, бережно укрывающей тугой выкатившийся шарик живота. Сразу стало ясно: это не инструктор-альпинист, это повар. Повар с большими мягкими руками, пахнущий душистыми щами с чесноком, милейший человек, чьи глаза светятся добротой и будто обещают: «Я вас всех сейчас накормлю!». Да, чутьё меня не подвело: это действительно был повар дядя Толя. В обычной своей жизни, в той, что текла за пределами Ергаков, Анатолий Петрович работал учителем физики в красноярской школе, сюда уезжал на всё лето, отдыхая

от суетного города, звонков, педсоветов, отчётов и от отчества в том числе. Дядя Толя разместил нас в одну из палаток недалеко от кухни и пригласил на обед. Сколько души и заботы было вложено в эти ароматные щи, сдобренные свежей зеленью и сметаной! Наевшись досыта, мы с Жекой едва помыли тарелки, как нас словно подкосило: мы забрались в тёплые спальники и крепко уснули, не видя снов, не слыша звяканья посуды и разговоров за палаткой.

Маршрут на сегодня не окончен: после обеда группа туристов отправилась на «Видовку» – гора, с которой открывается потрясающий обзор на озёра Светлое и Золотарное, что устроилось у самого подножия. Инструктор рассказал, что раньше Светлое называлось «Святым»: если смотреть на него сверху, то в очертаниях озера можно увидеть купол церкви. Ничего удивительного, что большевистская власть не оставила это название. Но по сей день, если подняться высоко-высоко, можно увидеть среди густого хвойного леса, что взбирается на покатые горы, огромный купол этого озера, излучающего спокойствие, свет и какую-то необъяснимую, невидимую силу. И тот, кому посчастливится созерцать всё это, проникнувшись тишиной и гармонией здешних мест, наверное, не сможет не вспомнить о боге. А ещё отсюда видно, как горит тайга. Чёрные клубы дыма поднимаются над макушками столетних елей, сосен, кедров, уничтожая всё живое. В небе сделал круг вертолёт, видимо, фиксируя площадь, охваченную огнём. Полетал да исчез. В это лето

задыхается в дыме наша Россия: полыхает родная Сибирь, и Дальний Восток, и Алтай.

Показалось, что шли долго. Несмотря на то, что из одежды на нас лишь майки и шорты, очень жарко, щёки горят, а пить хочется постоянно. Инструктор не рекомендовал пить при подъёме, потому что сейчас наши сосуды похожи на раскалённые печки, которые недовольно зашипят, если брызнуть на них водой. А сердце бежит впереди меня, отчаянно барабанив в голове и ушах. Уже сейчас, в первый день похода, я поняла, что моих тренировок в городе было недостаточно. Бег к «раненым солдатам» на шесть-семь километров по ровным дорожкам парка и набережной – это, конечно, неплохо, но всё-таки слишком мало, чтобы идти в Саяны. Что ж, недостающую физическую подготовку мне придётся компенсировать упорством и волей. Здесь, в горах, понимаешь, что совсем неважно, сколько у тебя сбережений на банковской карте, какую должность ты занимаешь, и какой автомобиль ждёт тебя на парковке. Здесь ты остаёшься наедине с самим собой. Есть только горы и бесконечное небо над ними. И нужно действительно хотеть подняться, быть предельно честным с собой и рассчитывать лишь на свои силы. И даже твоё огромное желание ещё не гарантирует встречи с вершиной. И именно там, Наверху, посмотрят на тебя и решат: пропустить или учинить грозу, тогда непогода отрежет все пути. Но погода нас миловала: к вечеру на чёрном небе загорелись яркие огромные звёзды. Значит, и завтра будет

ясно!

Группа вернулась с «Видовки» уставшая и голодная. Быстро поужинав, мы с Жекой взяли вёдра и отправились вниз к озеру за водой. Женя подняла коромысло. Никогда ещё нам не доводилось носить воду таким способом. Сейчас это кажется чем-то удивительным, а раньше без коромысла невозможно было и представить крестьянский быт. Несколько десятилетий назад молоденькая девчонка Аня, тогда ещё не знавшая, что станет нашей бабушкой, к концу лета протирала до дыр коромыслом ситцевое платье на плечах: воду приходилось носить каждый день по несколько раз, а платье-то шилось одно на всё лето.

Тропа от берега Светлого круто поднималась к лагерю через камни, корни, кочки. Мы принесли четыре ведра чистой холодной воды наверх и даже подогрели на костре в кухне. Поодаль от палаточного лагеря под раскидистыми ветвями елей притаилась русская баня, сложенная из кедровых брёвен. Но в этот день её никто не топил, а значит, будем довольствоваться малым: в нашем распоряжении лишь скромная помывочная – небольшая палатка без днища и крыши, скорее похожая на ширму, где можно вылить на уставшее тело несколько ковшей воды, без пара, веников и прочих излишеств.

После заката температура в горах резко падает. Уже и не верится, что днём мы шагали на «Видовку» по жаре, ведь теперь нас трясло от холода в тесной сырой «душевой», по

мокрым спинам бежали мурашки и плечи будто бы сами поднимались к ушам.

– Жека, этот шампунь точно для людей? – при тусклом свете небольшого карманного фонарика, который мы подвесили на стене палатки-«душевой», я старалась разглядеть этикетку на бутылке. – Ты где его купила, не в зоомагазине, случайно?

– Не, в нашем универсаме. Это дегтярный шампунь, – успокаивает Женька. – Я уже не успевала выбирать, взяла какой был.

– А мы не облысеем? Воняет, как собачий, – не унималась я.

– Аха! Может, наоборот, покроемся густой шерстью! Завтра увидим! – Жека понюхала открытую бутылку и сморщила нос.

Надев шапки, и наглухо застегнув синтепоновые куртки, мы устроились на биваке у костра в кругу остальных участников похода.

– Завтра идём на перевал «Мраморный», надо хорошо выспаться, – предупредил инструктор Вадим Михайлович.

– Вадим Михайлович, а медведи тут есть? – тихим голосом, не то смущаясь, не то сомневаясь в уместности вопроса, поинтересовалась хрупкая женщина, укутанная в большой дутий жилет с капюшоном.

– Конечно, есть. Медведи – это обычные обитатели Саян, здесь мы у них в гостях. Но встретить медведя – большая

удача. Главное, не привлекать зверя самим. Нужно правильно себя вести, не выбрасывать остатки пищи на тропе, не хранить еду в палатках, и тогда всё будет хорошо, – пообещал инструктор.

На биваке в общем кругу сидел долговязый парень лет четырнадцати, уши его лопухами торчали из-под кепки, широкие крылья носа, лоб и щёки усыпаны воспалёнными прыщами, что заметно даже при слабом свете догорающего костра. Весь он такой нескладный, какими только бывают люди в непростой период пубертата. И одновременно этот ребёнок-подросток кажется обаятельным, светится в нём особенная искра. Стоило ему лишь начать рассказывать историю, как люди, словно мотыльки, слетелись к нему, прислушиваясь.

– Вот помню, в прошлом году здесь случай был, – начал молодой рассказчик с серьёзным видом бывалого, с удовольствием потягивая горячий чай и громко швыряя. Тут же сидящие у костра повернули к нему головы. – Собрались мы с мужиками за перевал. Идём, значит, а тут! Тут из леса прямо на нас медведь бежит!

Женщины так и ахнули в голос, съёжились, а рассказчик продолжал:

– Бежит он, здоровый такой, лохматый! Догоняет, лапами машет и матерится-ааа!.... Орёт: «Мужики-и-и! Есть закурить?»».

Мы с Женькой и все сидящие на биваке расхохотались, а

хрупкая женщина в большом жилете растерянно округлила глаза и спросила уже практически шёпотом:

– Правда?...

Тут мы снова залились смехом, и самый суровый старый медведь в Ергаках, устроившийся на ночлег в ельнике за лагерем, снисходительно улыбнулся.

Первый вечер у костра был посвящён знакомству участников. Только мы с Женей и ещё пара туристов приехали в Ергаки издалека, все остальные были красноярцами и удивлялись, как нас сюда занесло. Выделялась из всех участников сплочённая шумная команда женщин-йогов, которые отправились в поход ввосемьмером, все они были мамами, дома их ждали дети и мужья. В приветственной речи группа йогов заявила, что их цель в Ергаках – «единение с природой и созерцание прекрасного». Инструкторы лагеря в своей внуттуристической жизни педагоги и бывшие геологи. Наполненные, отзывчивые, добрые люди, так точно подобравшиеся друг к другу, словно пазлы единой картинки, пришлись они мне по душе, с ними приятно разговаривать, жить рядом, идти к вершине. Утром всех участников похода инструкторы настойчиво пригласили на зарядку: похоже, её не избежать. Эта традиция очень напомнила мне летний загородный лагерь для школьников. Мы с Жекой явились на большую поляну, где собрались люди весьма забавного вида: заспанные, зевающие, с торчащими вихрами волос на головах, некоторые одеты в домашние пижамы. И мы пополнили их ряды.

Только директор лагеря Альберт Валерьевич, который был ведущим зарядки, выглядел бодро и радостно. Похоже, он единственный, кто осознавал всю значимость происходящего.

– А теперь наклончики! Формируем внутреннюю улыбку, друзья! – Альберт Валерьевич показывал упражнения, и все остальные честно старались повторить. – Кто знает, как кричит Кинг-Конг? Аа-а-а-а-а!

Директор лагеря застучал обоими кулаками по выпяченной груди, извергая дикий рёв. Криками разъярённых кинг-конгов оканчивалась зарядка, когда двадцать взрослых человек на просторной зелёной поляне колотили себя в грудь и орали что есть силы, на одном выдохе, взрывая тишину утра. Казалось, сейчас пошатнутся горы и запустят в нас снежной лавиной. Но горы сохраняли свой покой, зеркальная гладь Светлого тоже оставалась недвижимой, и речка Тушканчик не собиралась поворачивать вспять. С зарядки все уходили с улыбками. Потом повар застучал половником по металлической крышке от огромной кастрюли, сигнализируя: завтрак готов, пожалуйста к столу! Сегодня нас ждал перевал «Мраморный». Собрали всё самое необходимое: бутылка с водой, лёгкие куртки на случай дождя, несколько сушек, горсть кураги, пара шоколадных конфет. Жека наводит порядок в нашем жилище, расправляя спальники, а я уселась напротив раскидистой сосны, в бурый ствол которой прикручена белая двойная розетка. К сосне подошла девушка, поправляя

длинные мокрые волосы. Через одну руку перекинута махровое полотенце, в другой – фен. Да, самый обыкновенный фен.

– О! Не работает, что ли? – девушка попробовала включить вилку фена в розетку, но фен не реагировал. Расстроившись неудачей, барышня ушла. Что поделаешь, кому-то сегодня придётся шагать за перевал без причёски... Инструкторы заговорщически переглянулись с поваром-физиком дядей Толей: шутка удалась, не зря он принёс и установил розетку здесь, в тайге, где электричество можно встретить лишь в двух видах: то, что вырабатывается генератором в палатке-бытовке, и то, что ниспосылает небо во время грозы.

– Эх, женщины! Удивительный народ! Каждую смену находитесь красавица с феном или плойкой. И не лень же нести такую тяжесть! – улыбаясь, покачал головой дядя Толя.

– А у меня с собой просто бигуди, они совсем лёгкие, – едва слышно призналась Наталья, приятная брюнетка, чьи волосы завитками спускались из-под ковбойской шляпы к плечам. На вид Наталье лет сорок, взгляд мягкий, с рассеивающимися лучиками тепла.

– Ого! Когда же Вы, Наталья, успеваете ещё и бигуди крутить? – удивилась я, вспомнив вчерашний насыщенный день.

– Перед сном кручу, на ночь, – смутилась Наталья.

Разве возможно выспаться с эдакой «батареёй» на голове?.. Перед новой радиалкой – так среди туристов называют

однодневные походы налегке с возвращением на ночлег обратно в лагерь – инструкторы собрали всех участников под голубым навесом в столовой.

– Друзья! – звонким восторженным голосом начала хрупкая девушка с белокурыми косичками, начинающий инструктор Варя. – Чтобы лучше узнать друг друга и стать одной командой на предстоящих восхождениях, предлагаю поиграть. Игра называется «Ангелы-хранители». Каждый из нас на время всей смены станет «ангелом-хранителем» для другого, будет заботиться о своём подопечном. Например, угостит шоколадкой или подарит красивую шишку или развесит промокшие вещи сушить. Но делать это нужно тайно, чтобы играть было интересней. Ещё с сегодняшнего дня у нас будет работать таёжная почта. Можете отправлять друг другу письма и посылки.

– Уууу, – едва скрывая недовольство, тихо промычала Жека. – Какой-то прям пионер-лагерь.

– Да погоди ты, может, интересно будет, – постаралась я смягчить Женкин настрой.

– Я от людей отдохнуть хочу, не буду я ни за кем ухаживать, – прошептала Женя.

– Ну вдруг тебе в подопечные я достанусь? – не отставала я.

– О тебе я и так забочусь. На вот, съешь, – Жека протянула мне шоколадную конфету.

По условиям Вариной игры каждый участник должен

придумать для себя какое-нибудь слово-ассоциацию, вроде шифра, написать её на бумажке и отправить в перевёрнутую кепку в руках у Вари. Я размышляла совсем недолго и накарябала «Юлия омская». Интересно, кто вытащит мою записку и о ком придётся заботиться мне? Варя перемешала все собранные шифры и пошла с кепкой вдоль деревянных столов, за которыми сидели участники и с таинственными улыбками вытягивали маленькие свёрнутые бумажки. Дойдя до нас, Варя остановилась около Жени.

– Не, я не буду играть. – Женя вытаскивать записку не собиралась, и все собравшиеся с недоумением глянули на неё.

Я же вытянула бумажку, на которой ровными печатными буквами было выведено «ХУДОЖНИК». Как романтично, как здорово начиналась моя игра! Наверное, это одинокий странник, приехавший сюда с кистями и красками. Ранним утром он будет стоять на берегу озера, неспешно закурит длинную сигару и, выглядывая из-за мольберта, станет создавать прекрасное на своём холсте, а может, устроится под огромным кедром, набрасывая в блокноте эскизы: лица людей, палаточный городок, костёр, гитара... Наверное, это высокий молодой мужчина, с бородой, как у Хемингуэя и длинными белыми пальцами. А может быть, не совсем молодой? Что же ему подарить? И это совсем неважно, что Хемингуэй – писатель, в моём воображении «Художник» был очень на него похож.

Я стала внимательно разглядывать участников: отыскать

среди собравшихся кого-то хоть немного имеющего сходство с Хемингуэем не удавалось. Я показала записку Жене.

– Оооо, – Жека драматично вздохнула, прикрыв глаза.

– Теперь пришло время представиться: вставайте по очереди и называйте свой шифр. «Ангелы-хранители», будьте внимательны, не пропустите своего подопечного и не выдавайте себя! – протараторила Варя.

«Я – космос», «Я – Оля весна», «Я – Дикий ветер», «Я – Наталья скрипка» – один за одним вставали участники, называя свои шифры. И наконец прозвучало: «Я – художник». Из-за стола поднялась невысокая полненькая женщина лет шестидесяти – шестидесяти пяти в белой панаме и синих в мелкий горошек хлопковых бриджах, подтянутых чуть выше талии. Оказалось, Клавдия Николаевна приехала сюда с внуком. Когда-то в молодости она увлекалась походами, любила сплавы, объездила добрую половину Союза, и вот теперь принялась сеять семена «бродячей» жизни у подрастающего поколения. А «художник» она неизвестно почему: ни кистей при ней нет, ни мелков. И с Хемингуэем эта дама если чем и похожа, так только вязаным свитером, в котором она вчера сидела на вечернем «огоньке». Женьке, конечно же, очень хотелось расхохотаться и она сделала вид, что поправляет носки, наклонилась, прыская и хихикая, пряча лицо где-то под лавочкой. Всю неделю мне предстоит быть «феей» для пожилой дамы в панамке.

– Ну, ладно, ты не переживай, может, твою записку вы-

ташил какой-нибудь «Принц»! – подливала Жека масло в огонь.

– Я и не переживаю. А вдруг «Художник» – это как будто ты или я в старости, может, мы такими же будем? – решила я отнестись к своей миссии философски.

Вот интересно, а Андерсен там, в своей Небесной канцелярии, тоже так вытянул из шапки записку с моим именем? И всё-таки мне бы больше хотелось, чтобы он выбрал меня сам. Как бы то ни было, здесь, в горах, я стала часто вспоминать Андерсена и чувствовала: он где-то рядом.

Сегодняшний путь лежал через озеро Медвежье. Какое же оно удивительное! Сказочное, будто сошедшее с полотен Шишкина, такое уютное, спрятавшееся в тени тёмного нехоженого бора. Наверное, сюда часто наведываются на водопой дикие звери, может, даже купаются в такую-то жару. «Медвежье» оно потому, что его дно и берега густо усыпаны хвоей, оттого вода в нём выглядит бурой, словно шкура Потапыча. Да! Конечно, и мы будем купаться! Группа туристов с восторженными криками влетала в прохладную воду. По местным меркам озеро тёплое, обычно прогревается до семнадцати градусов, а поскольку это лето выдалось аномально знойным, то теперь температура Медвежьего доходит до девятнадцати. В это озеро я буквально влюбилась, и покидать это место вовсе не хотелось. Но перевал ждал нас. Моя Клавдия Николаевна с внуком и ещё несколько человек под руководством инструктора Вари отправились обратно в ла-

герь: перепад атмосферного давления, жара, долгие подъёмы и крутые спуски забирали много сил. У меня кружилась голова, но мы и не думали возвращаться.

Величественный водопад Мраморный звал нас, бежал нам навстречу по крутым скальным ступеням, неся шумные потоки ледниковой воды, остужая пыл восторженных туристов, фотографировавшихся и плескавшихся на его уступах. А около водопада на большом камне был прикреплён лист бумаги, аккуратно закрытый прозрачным полиэтиленом. На листе напечатан список погибших туристов на Мраморном в последнее десятилетие за подписью поисково-спасательной службы природного парка «Ергаки». Этот список пугал своей правдивостью, беспристрастной формой изложения: «Дата, пол, возраст погибшего, причина смерти». Становилось не по себе, и мы с Жекой старались внимательно слушать инструктора и следовать за ним.

На пути через перевал Мраморный нам предстояло пройти через бесчисленное множество камней, кажется, закроешь глаза и всё равно будешь видеть эти серые глыбы. Я была в каком-то невероятном восторге от масштабов увиденного: скалы, пропасти, зелёные массивы тайги, озёра с отражающимися в воде облаками, и россыпи скальных обломков. Всё это было космически огромным, а я никогда ещё не чувствовала себя такой маленькой, такой незначительной для этого мира. Наша группа из пятнадцати-двадцати человек напоминала мне муравьёв, карабкающихся по огромному кедру,

чья грубая кора с множеством трещин и отслоений кажется гигантским, едва преодолимым лабиринтом. Уставшие люди с раскрасневшимися лицами жадно прикладывались пересохшими губами к бутылкам с водой, валились прямо на камни, уложив под голову куртку или рюкзак.

Поднявшись на перевал, с которого было видно озеро в форме разбитого сердца, одиноко распластавшегося среди бесчувственных камней, мы с Жекой устроились на рюкзаках. Я достала телефон – на экране загорелся значок сети с высоким уровнем сигнала. Да! В отличие от лагеря, где не сотовая связь, а скорее её тень, появляется, если только подбросить телефон кверху, здесь, на высоте две тысячи метров, сигнал устойчивый! Я набираю номер мамы и дозваниваюсь. Мама родным голосом рассказывает, что поливает помидоры в огороде, собирает малину, а вечером пойдёт на прогулку с собакой к Иртышу, и мне не верится, что где-то за много-много километров остался наш уютный дом на абсолютной равнине, где земля кажется плоской, взгляд преграждают стены многоэтажек, и неба так мало, лишь рваные клочья облаков висят между крышами. Там, далеко, осталась моя комната, которая сейчас пустует и, наверное, ждёт меня.

– Ну, как вы там? Как погода? – спрашивает мама.

– Всё хорошо, с погодой отлично, – отвечаю.

Мама, милая наша мама, как жаль, что ты никогда не была в горах, никогда ты не видела этого мира без мишуры и декораций, сделанных человеческими руками. Здесь нет ни

дорог, ни машин, ни подъёмных кранов, ни лифтов, здесь так мало людей, и все они идут своими ногами. Мама, родная, как хорошо, что ты никогда не была в горах и не представляешь, с какой верхотуры мы тебе дозвонились. Пусть наши походы не приносят тебе тягостных тревог и долгих пасмурных раздумий на ночь.

После короткого отдыха путь продолжался: нужно успеть вернуться в лагерь до наступления темноты. Никогда нам не доводилось так уставать: ни одна тренировка по волейболу, ни одна пробежка, ни одна велопрогулка по городу не могли сравниться с этими походами в Ергаках. Никогда ещё не хотелось есть так сильно, как теперь. У многих участников болели колени, точнее, мышцы и связки под коленками. Инструктор Вадим Михайлович объяснял, что в обычной жизни, даже если человек регулярно бегаёт и тренируется в спортзале, всё же не задействована та группа мышц, которая работает сейчас при подъёмах и спусках. Я была в числе путешественников с полосками эластичных бинтов на ногах. Так и загорела: от шорт до бинтов, от бинтов до носков.

По возвращении в лагерь на вечернем «огоньке» Варя вручила несколько писем, пришедших по «Таёжной Почте», а мне протянула плитку шоколада. Вот это да! Мне мой тайный ангел-хранитель подарил целую плитку моего любимого молочного шоколада! Кто же он, этот загадочный отправитель? Шоколад здесь, в горах, — это почти роскошь, даже

захудалого ларька не встретишь, не то что супермаркета. Заброс продуктов в лагерь осуществлялся силами специальных людей, называемых шерпами, их задача – приносить провиант для лагеря в рюкзаках на собственных плечах.

– Ёлки-палки, надо было и мне участвовать! – смеётся Жека.

– То-то же! – подмигиваю я Женьке.

Новый день открыл дорогу на двухтысячник Динозавр, одну из самых высоких точек Ергак. Путь не столько сложный, сколько длительный и изматывающий. Женька то надевала штаны и куртку, то снимала, то снова надевала, поскольку дул крепкий ветер, и облака то рассеивались, то сгущались, закрывая солнце.

– Здесь недавно отдыхал медведь, – Вадим Михайлович показал на примятую траву в укромном месте у зарослей кустарника.

Ещё не раз на пути нам встречались «приветы» от хозяина тайги в виде помёта, следа от толстопятой лапы на влажной почве рядом с ручьём, царапин на коре сосны от когтей. У озера Золотарного группа остановилась сделать несколько кадров, собрать траву, называемую «саган дайля». Здесь, в Саянах, она широко распространена и славится как мощный природный энергетик: возвращает силы, утоляет жажду, а также обладает антимикробными свойствами. Что ж, поверим на слово бывалым: пробуем, жуём, берём с собой, чтобы заварить чай в лагере. Ещё здесь много черемши, или

«медвежьего лука», – растение, действительно напоминающее молодой зелёный лук. Дядя Толя обещал приготовить вкусные оладьи с черемшой, если мы принесём ему этот ингредиент. Поднимаемся на перевал Пикантный по глыбам суровых камней, в голове, словно колокол, бьёт пульс. С перевала открывается потрясающий вид: с одной стороны внизу осталось Золотарное озеро, с другой – Цветные озера в цирке, словно заточённые в скальных стенах. При ярком солнце гладь этих двух озёр играет радугой красок, однако сегодня, в пасмурный день, эти озера серые, тяжёлые, словно налитые свинцом. Ветер поднимает наши чёлки из-под бандан, хлещет по щекам, треплет парусящие штаны, шуршит болонью курток, которые, надуваясь, становятся похожими на огромных воздушных змеев. За клубящимися облаками виднеется Зуб Дракона – один из самых высоких и могучих пиков Ергак. Восхождение на него является самым сложным и долгим из тех, что включены в программу наших походов, наверное, потому Зуб Дракона стоит последним пунктом восхождений, чтобы участники могли заранее оценить свои силы, посмотрев на него со стороны. Ветер рассеял облака, и Динозавр лежал, довольно подставляя ласковому солнцу каменистую спину с зелёными чешуйками травянистых вкраплений.

– Я-то думала, что приеду в Саяны «созерцать», а попала, похоже, на тренировки для спецназа! – едва преодолевая одышку, пожаловалась одна из йогов.

Уставшие туристы рассредоточенно ковыляли по пологому подъёму на скалу: здесь запланирован привал. Перекусив курагой и печеньем, люди отдыхали: кто спал, кто рассматривал плывущие облака. Йоги, приняв позу лотоса, уселись кружочком в стороне: началась коллективная медитация. Нам с Жекой удалось ненадолго вздремнуть. «Шея» Динозавра представляла собой ровные, словно специально кем-то уложенные горные плиты, что выступали над пропастью, а дальше – резкий обрыв, подойти к которому нельзя, а вот подползти можно. И Жека поползла. Я смотрела на Женьку,

лежащую на самом краю обрыва, словно повисшую над каменной пропастью, и сердце замирало. Нет, лучше не думать о плохом, не предаваться дурным мыслям: надо скорее занять чем-то тревожные руки, и я достала фотоаппарат. Так у меня получился захватывающий кадр.

Возвращались, спускаясь вниз по крутому склону с каменистой осыпью. Нужно передвигаться не спеша и соблюдать дистанцию. Я шагала за Жекой. Здесь мы первый раз услышали выражение о том, что горы не любят торопливых. И хотя мы не торопились, были сосредоточенны и осторожны, Женька вдруг поехала вниз по склону, как по ледяной горе: мелкие камешки крутятся под подошвами кед, превращаясь в сотни маленьких, но проворных колёс. Женька упала удачно, если вообще можно использовать это слово относительно падения. Обошлось без травм и ушибов, значит, удача всё-таки помогла.

Когда мы наконец спустились к озеру, хлынул колкий ливень. Там, Наверху, будто ждали, когда мы пройдем опасный участок, ведь мокрая «сыпучка» грозит утащить в каменную бездну. Я шла, уже не обращая внимания ни на что вокруг, и, наверное, пропустила много красивейших пейзажей, взгляд мой держался лишь пары Женькиных кед, мелькающих отсыревшими задниками впереди меня, и я следовала строго за ними. Уставшие, голодные и промокшие, мы всё-таки вернулись в лагерь, когда горы стала заволакивать розовая дымка заката.

За завтраком нового дня мы уселись напротив Натальи «Скрипки», той, что призналась, что спит на бигуди.

– Девчонки, вы вроде похожи между собой, а вроде и нет. Вы подружки или сёстры? – Наталья первая начала беседу.

– Мы сёстры-подружки, – улыбнулась я.

– Надо же! Редко встречаю сестёр, которые дружат между собой. – Наталья говорила довольно тихо, плавно, посматривая то на меня, то на Женю с каким-то родительским теплом.

Наталья приехала в Ергаки с дочерью-подростком Вероникой, которая была совсем не похожа на мать: молчаливая, угрюмая, грузная девочка с телом взрослого человека, которое будто бы не хотело её слушаться, то спотыкалось на тропе, то врезалось в кого-нибудь, то опрокидывало чашку с чаем. Со стороны казалось, что Вероника чем-то недовольна, рассержена, Наталья же с трепетом порхала возле своей «несмеяны», будто была давно виновата перед ней и изо всех сил старалась загладить свою вину. «Скрипкой» Наталья назвалась неслучайно: она работала в самом сердце музыкальной культуры Красноярска, играла на скрипке в филармонии. Страсть дочери Вероники – ударные инструменты и барабаны. Я впервые увидела музыкантов не на сцене, а в обычной жизни, вот такими, сидящими со мной за одним столом, невероятно далеко от концертного зала, с аппетитом поглощающими гречку с тушёнкой из металлической миски.

– Я вот палец повредила, – пожаловалась Наталья, – купила новые кроссовки перед походом, а они оказались тес-

ными, да ещё и скользят на скальнике.

– Какой у Вас размер? – спросила Женя.

– Большой. Тридцать девятый – шёпотом выговорила Наталья.

– Наденьте мои кеды, – предложила Женя.

– А сама ты как же?

– У меня есть ещё одни. Новые взяла на случай, если старые расползутся.

Жека принесла Наталье свои кеды с ещё идеально белыми шнурками, и они пришлись впору.

– Я уж думала, что останусь в лагере, на перевалы не пойду, а теперь вот! Не жмут! И подошва отличная! Женя, выручила, спасибо тебе! – Наталья так искренне радовалась, что невозможно было смотреть на неё без улыбки.

Отправились на гору Тушканчик, предстояло пройти через огромную поляну – посадочную площадку центра МЧС, куда порой прилетал вертолёт за пострадавшими туристами: живыми, либо погибшими. От мыслей о вертолёте становилось не по себе. Как же рядом, бок о бок, идут жизнь и смерть... Не умещалось в моей голове и то, как здесь, среди этой красоты и гармонии может случиться страшное. Может. И могильная плита, вмонтированная в камень, была тому ещё одним доказательством: здесь разбился парень в возрасте семнадцати лет. Что успел он в своей короткой жизни, что видел? Может, Ергаки были для него первым походом? О чём мечтал тот советский парнишка тогда, едва окон-

чив школу? 1965-й год рождения – ровесник наших родителей, ему сейчас тоже могло быть сорок семь лет... Я не знала этого человека, но тупая боль вдруг обнажила мою душу, и я ощутила пустоту, давящую, холодную, как сама плита. Заморосил частый дождь, облака сгущались, клубились, видимость ухудшилась, и уже метрах в пяти ничего было не разобрать: густая пелена тумана заволакивала пространство. Впервые я оказалась внутри облаков. Держались рядом, шли дружно, чтобы не потеряться. Поднявшись ещё немного, мы увидели литую икону Божьей Матери, закреплённую прямо на скале неизвестным зодчим. Как она оказалась здесь, на этой высоте под самым куполом неба? Я смотрела на неё, печальную, а она словно смотрела на меня, отчего щемило сердце.

Вечером, перед самым «огоньком», я отправила посылку по «Таёжной Почте» моей подопечной – Клавдии Николаевне: шоколадную конфету, прибережённую мной с ужина, и большую смолистую шишку. Про «художника» я вспоминала крайне редко, никаких добрых дел совершать не хотелось, да и записки писать тоже. Вот такой я никудышный ангел-хранитель, никому такого не пожелаю.

И снова утро! Нет, я совсем не выспалась, как же хочется ещё подремать, кутая плечи в тёплый спальник. Но если я прямо сейчас не поднимусь, то просплю и зарядку, и завтрак, и новый поход. Я решительно расстёгиваю молнию палатки, запуская в наш маленький дом прохладу утра и солнечный

свет, Жека отворачивается, прячет голову поглубже в спальник и, наверное, досматривает свой волшебный сон. В режиме «автопилот» вставляю ноги в шлёпанцы и шагаю к берегу озера, собирая носками росу с травы. Как вдруг внутри зелёных зарослей я обнаруживаю чьё-то проворное движение, трава бесшумно раздвигается, и я вижу нечто шерстяное, серое, с двумя чёрными полосками, удирающее от меня.

– Енот! Здесь енот! Смотрите, смотрите! – я закричала, как восторженный дикарь, пугая бедного зверька и спящих соседей.

Почему-то сразу в памяти возник мультфильм про Крошку енота, который бежал на пруд за осокой. Наверное, этот тоже отправился к озеру подкрепиться. Тут резко открывается молния нашей палатки, из неё вылетает заспанная боконогая Жека с растрёпанной косичкой, запинаясь о торчащий из земли колышек палатки и падает плашмя на траву.

– Где? – поднимается Женька. Юркий енот тем временем ускользает, ещё раз показав свою мягкую широкую спинку на прощание, травы снова сходятся, образуя прежний цельный ковёр: зверь исчез, словно и не было его.

– Убежал. – растерялась я.

– Конечно, так орать. Я бы тоже убежала. – Жека недовольно отряхивает коленки.

Вот так Женя, намеревающаяся проспать зарядку, проснулась незапланированно рано, и мы вместе отправились на большую поляну искать свою «внутреннюю улыбку».

За завтраком я рассказала про неожиданную встречу с енотом, и инструкторы в один голос сказали, что еноты здесь не водятся, и вернее всего то был барсук. Что ж, барсуку я рада не меньше, чем еноту, ведь ни того ни другого в живой природе я раньше не встречала.

День обещал быть солнечным и тёплым, на небе ни облака, значит, восхождению на Параболу быть! Параболола – визитная карточка Ергаков, композиция из двух скал, между вершинами которых пролегает плавная изогнутая линия, напоминающая параболу из школьных учебников по алгебре. И значилась она предпоследним пунктом списка в программе нашего путешествия по Ергакам. Восхождения на Параболу и на Зуб Дракона, вероятно, оставили «на десерт» как особенно сложные, чтобы участники потренировались на более простых маршрутах да и хорошенько подумали, прежде чем идти к этим вершинам. Про эту скалу говорили разное. Одни восхищались необыкновенно красивыми видами, открывающимися с вершины, другие пугали опасностями восхождения на Параболу, рассказывали про «зеркало», мол, чтобы подняться на него, нужна специальная обувь, третьим не случилось там побывать, поскольку не пустила погода: в дождь этот маршрут закрыт. И чем больше я расспрашивала у тех, кому уже доводилось бывать на Парабололе, тем больше разрозненной информации я получала. Одно было ясно: Параболола не оставила равнодушным никого. Смогу ли я одолеть эту таинственную скалу? Хватит ли мне духа, сил, упор-

ства? А если мне суждено сорваться и остаться вот здесь среди этих удивительных горных хребтов Саян навсегда? Может, в том и не будет никакого высшего замысла Вселенной, а обычная случайность: просто подвернулась нога, или закружилась голова, или кто-то нечаянно толкнул? На радиалки мы ходили довольно большими группами, участники выстраивались вереницей и шли друг за другом на подъёмах и спусках зачастую не выдерживая дистанции, я всегда слышала чьё-нибудь тяжёлое дыхание сзади. И если следующего за тобой угораздит соскользнуть и затормозить в твою спину, то улетите оба. А впереди меня идёт Женька, моя Женька. И потому оступитья мне никак нельзя. Я думала об этом, стараясь быть абсолютно честной с собой: не переоценила ли я свои силы? Может, пусть подготовленные идут на Параболу, а я останусь в нашем лагере, позагораю на берегу Светлого, помогу по кухне дяде Толе, или даже напишу пару страниц в блокноте, глядишь, и получится что-то вроде дневника, «записок путешественника». Но быть в Ергаках и не пойти на Параболу, когда погода открывает тропу и говорит тебе «Да!», отказаться от удивительного путешествия из-за собственной трусости – это уж сродни сумасшествию. И тут же перед глазами вставала та могильная плита на горе Тушканчик, где разбился молодой альпинист, и вертолётная площадка. Что ждёт меня там, что же мне делать...

Невдалеке за лагерем, на подходе к озеру, между соснами мелькнул мужской силуэт в костюме «горка». Куртка прак-

тически сливалась с бурными стволами в ярких солнечных лучах. И как только я смогла его разглядеть? В этом силуэте я узнала Андерсена. Казалось, он ждал меня.

– Ну здравствуй, «альпинистка моя»! – Андерсен улыбался так, словно долго тосковал и был рад этой встрече, будто бы не он, а я решаю, когда мы увидимся.

– Андерсен! Здравствуй, Андерсен! – я тоже очень обрадовалась, захотелось спрятаться в его огромной куртке, отпуская тяжёлые мысли. – Андерсен, сегодня у нас по плану «Парабола». Может, мне лучше остаться в лагере? Вдруг сорвусь...

– Я же с тобой. – Андерсен обнял меня. Стало спокойно и легко, казалось, даже если сейчас начнётся землетрясение и с вершин посыпятся камни, он и с места не двинется, закрывая меня собой. Что бы сейчас ни произошло, он станет мне защитой: я это знала, я чувствовала.

– Разве ты приехала сюда загорать? Или чистить картошку? Ты хотела подняться и увидеть то, что видела на фотографиях ещё зимой. Ведь так?

– Так, – кивнула я.

– Вот и иди. Иди, – уже настойчиво, серьёзно повторил Андерсен.

– Думаешь, я смогу? – я посмотрела ему в глаза.

– Сможешь. Я с тобой. И всегда с тобой, помни об этом.

Андерсен ещё раз внимательно посмотрел на меня, сделал шаг назад и направился к Светлому.

– Андерсен!

– Помни!

Он шёл по зеркальной глади озера, пожалуй, так же естественно и легко, как ходил по берегу, лишь оставляя небольшие круги на воде. Круги эти быстро исчезали, силуэт Андерсена с каждым его шагом становился всё прозрачнее, всё больше напоминал не то туман, не то дым от костра. И дойдя до трети озера, Андерсен исчез вовсе.

На это восхождение решились не все: парень-гитарист в чёрной бандане, повредивший голеностоп вчера на спуске, Клавдия Николаевна с внуком и ещё несколько женщин остались в лагере. Я намазала ноющие коленки какой-то спортивной мазью, которую мне дал инструктор Вадим Михайлович, хорошо забинтовала и всё-таки пошла на Параболу.

Обогнули Светлое и долго карабкались по крутому травянистому склону перевала «Птица» вверх, вверх, вверх. Солнце палило, голова превращалась в раскалённый огненный шар, который, казалось, через несколько шагов взорвётся. Пить можно лишь спустя пятнадцать-двадцать минут после отдыха, когда тело немного остынет. А пить хотелось всегда и прямо сейчас. Наконец на смену однообразной тропы по склону пришли огромные валуны, нагромождённые друг на друга. Цепочка походников сильно растянулась. Здесь между камнями Женя нашла записку, в которой одна группа туристов сообщала другой, когда покинула место: время и ко-

ординаты. Вернув записку в щель между валунами, мы стали взбираться выше. Поднялся ветер, погода ухудшалась, из-за перевала поплыли дождевые облака.

Дальше – «балкон», выступ скалы, нависающей над обрывом, вдоль него предстояло пройти. Вадим Михайлович миновал «балкон» первый, ловко прошагав в массивных альпинистских ботинках. Остальные же двигались напряжённо, осторожно, медленно, казалось, я даже дышать стала тише. Здесь так легко ошибиться, неудачно поставив ногу, непра-

вильно перенеся вес, или неуклюже развернуть корпус тела... И как же некстати сейчас просыпаются воспоминания о разбившемся парне и спасательном вертолёте МЧС!

Я осторожно переступала вдоль «балкона», держась за бугорки шероховатой горячей скалы, выкатившей могучую грудь. Жека уже преодолела этот отрезок пути и ждала на безопасном участке. Я глянула вниз, в бездну серых каменных глыб, перевела взгляд на стену «балкона», ища уступы поудобнее, и тут скала будто толкнула меня в открытые ладони. Я уже было пошатнулась, теряя равновесие, как вдруг прямо за моей спиной возник Андерсен.

– Куда собралась? – улыбнулся он. – Держись за меня.

– Сейчас, сейчас, – я перевела дух.

Одной рукой опершись на широкую ладонь Андерсена, другой скользя по стене скалы, я прошла опасный участок у «балкона» и остановилась рядом с Женей.

– Ура! – Женька обняла меня.

Я огляделась в надежде увидеть Андерсена, но всё напрасно: он словно растворился, сделался облаком или прошёл сквозь скалу. Может, я сама выдумала Андерсена, может, и нет его на самом деле? Эта мысль глухо отозвалась тупой назойливой болью в моей душе.

– Иногда мне кажется, что Ангел-Хранитель ведёт меня, – призналась я сестре.

– В каком смысле «ангел-хранитель»? Тот, что прислал тебе шоколадку, или настоящий? – уточнила Жека.

– Раз ты говоришь «настоящий», значит, думаешь, что они действительно существуют?

– Думаю, у твоего настоящего Ангела-Хранителя очень много работы, тебя ж вечно куда-то несёт, за тобой глаз да глаз нужен! – улыбалась Жека.

– Это точно, – согласилась я. Конечно, Андерсен настоящий.

Небо с оловянным налётом едва ощутимой тоски всё ещё выжидало чего-то: солнце спряталось в облака, но воздух оставался сухим, значит, можно продолжать путь... Спускаемся с «Птицы» по «живой» тропе: под ногами всё шевелится, шатается, катится. То и дело осыпаются камни, кеды словно сами съезжают с уклона.

– Давай поменяемся, я пойду впереди, – предлагает Жека.

– Нет, ты идёшь лучше. Если я вдруг поеду, не хочу ещё и тебя зацепить, – ответила я и не пропустила Жеку вперёд.

Где-то в конце цепочки шагает Наталья «скрипка» с дочерью, слышим, что Наталья падает, её протаскивает по тропе, но ей удаётся затормозить и снова встать на ноги. Спускаемся зигзагом. Как ни стараемся идти аккуратно, не тревожа камни, не получается. И вот из-под Женькиной ноги вырывается булыжник размером с футбольный мяч.

– Камень! – кричит Женя, предупреждая идущих впереди. Все останавливаются, оборачиваются, поднимают головы и смотрят на надвигающийся сверху камень. Сначала он прокатывается мимо меня, дальше вниз, набирает и набирает

скорость. А внизу стоит вереница растерянных людей: с тропы не сойти, не убежать, не спрятаться. Женька схватилась ладонями за лицо в ужасе: если этот булыжник прилетит кому-нибудь в голову, она сейчас убьёт человека. Только не в голову, только не в голову! Татьяна, что приехала в Ергаки с группой йогов, стоит сейчас в начале вереницы, вжавшись в скалу, обхватив голову обеими руками. Камень пролетел сантиметрах в десяти от неё, достигнув дна мрачной пропасти. Опасность миновала, и группа продолжила путь.

Дальше большой участок с курумником, мы перепрыгиваем с валуна на валун, в глазах рябит от камней. У самого подножия скалы, с её северного склона, куда не дотягиваются солнечные лучи даже в июле, мы с восторгом обнаруживаем сугробы. Не верим глазам и бежим потрогать, попробовать на вкус: действительно, это снег: сереющий, чуть подтаявший, тяжёлый, покрытый шероховатой корочкой, словно мелкая наждачная бумага. Мы в шортах и майках лепим настоящие сибирские снежки, и, конечно, достаём фотоаппараты! Под нависающей снежной шубой образовалась небольшая пещерка с водой, – любопытных желающих пробраться туда не нашлось, ведь наст тающего снега может рухнуть в любой момент.

Когда-то в путевых заметках туристов и художественных рассказах о восхождениях мне доводилось встречать формулировки что-то вроде «перемахнули через перевал», «взяли высоту», «покорили вершину» и другие подобные. Воз-

можно, конечно, то были герои-альпинисты, а может, даже лучшие бойцы войск СОБР. Но в нашем случае «Птица» снисходительно улыбнулась, глядя на своих «покорителей», и вздохнула: «Так уж и быть. Ползите, коль сильно хочется». И мы ползли, соскальзывали, спотыкались и снова карабкались. Наконец-то спустились с перевала, выйдя к озеру Горных Духов – небольшому по периметру, но самому глубокому озеру хребта Ергаки. Исследователям удалось измерить его глубину, она составила около ста метров. Насколько далеко горные духи спрятали дно и что таит в себе этот колодец – пока неизвестно. Скалы вплотную подходят к водоёму, стирая линию берега: кажется, озеру здесь тесно. Оно похоже на осколок огромного зеркала, застрявшего между скал. Что там, в его непостижимом зазеркалье? Веет от него чем-то недобрым. С берега в воду врезалась ровная отполированная плита, я ступила на неё, сделав несколько шагов – плита уводит, манит в подводные каменные замки. Нет, дальше не пойду: необъяснимая леденящая душу тревога охватила меня. Пожалуй, это первое озеро в Ергаках, где мне не захотелось купаться.

– Зловещее оно какое-то, – Жека съёжила плечи, не стала и пробовать вступить в дружественные переговоры с этим озером, не то что купаться.

Ни солнца, ни дождя по-прежнему не было. Оперативно перекусив курагой и сушками на камнях, мы попрощались с загадочным озером Горных Духов и стали снова подниматься вверх по перевалу Художников. С горного склона спускался шлейф водопада, расшитый пышным кружевом белой пены. Я всегда радуюсь, встречая в горах водопад или

ручей. Живой, играющий поток, шумно скачущий по камням, – стремящаяся жизнь среди молчаливых угрюмых скал. С этого склона открылся вид на потрясающее озеро Художников – излюбленное место пейзажистов и фотографов. Оно словно написано волшебной кистью, принадлежавшей великому мастеру, что работал над своей картиной кропотливо, долго и с огромной любовью. Озеро Художников проникнуто светом и спокойствием, оно уютно устроилось за могучими спинами гор; пихты и ели пришли однажды взглянуть на него, да так и остались здесь, влюблённые в его очарование и тишину. Посреди озера есть маленький островок – камень, выступающий над гладью воды, и на этом камне, сером, холодном, неотёсанном, стоит молодая зелёная сосна. Как она оказалась здесь, как ей удалось прорасти на этом безнадёжном булыжнике? Наверное, было этому старому молчуну так одиноко посреди озера, что однажды он потянулся к солнцу, согревая простуженную грудь, бережно постелил мягкого мха, сухой травы вперемешку с дёрном и впустил в свой дом новую жизнь.

У подножия Параболы группа отдыхала, усевшись на рюкзаки и хобы. Перед нами открывались величественные скальные зубцы и гребни, где бродили неуверенные лучи солнца, спящего за облаками.

– Считается, что, если вон на той скале найти очертания кота, будете счастливыми! – инструктор показал на огромную каменную стену напротив нас, потом принялся расска-

зывать о таинственном происхождении здешних скал. Ни я, ни Жека kota не разглядели, зато увидели много других причудливых форм и образов.

Осталось совсем немного, и мы у самого «зеркала» Параболы – крутой скальной стены, с удивительно гладкой поверхностью. Забираться по ней нужно быстро, не останавливаясь. Пожалуй, всякий, будучи ребёнком, пробовал залезть по металлической горке во дворе и знает, что с разбегу это сделать проще. Так и со скальным «зеркалом». Меня охватил азарт, таких скал я раньше ни видела. Подниматься по «зеркалу» оказалось интересно и не так сложно, как рассказывали «бывалые». Недорогие кеды с резиновой подошвой и весёлый задор – этих компонентов вполне достаточно, чтобы залезть наверх в сухую погоду.

– Кто сможет забраться без помощи рук, тому шоколадка! – Вадим Михайлович уже стоял на седловине Параболы.

Женька прошла всё «зеркало» на ногах, я стала помогать руками уже с его середины, но главное, что мы на седловине, а гладкая «горка» осталась позади. Ждали остальных, и Вадим Михайлович достал из рюкзака альпинистскую верёвку, обвязал вокруг себя и кинул другой конец вниз, затягивая более слабых и тех, кто запаниковал. Смотреть на инструктора мне было тревожно: вдруг кто-нибудь перетянет его вниз, ведь сам-то Вадим Михайлович без страховки, стоит на своих двоих, и держаться ему не за что. Когда вся группа прошла «зеркало», инструктор каждому выдал по плитке

молочного шоколада, точь-в-точь такого же, какой я накануне получила по «Таёжной Почте». Наверное, в Вариной игре Вадим Михайлович вытянул записку с моим шифром... Довольно расправившись с шоколадом, мы двинулись к вершине Параболы «Толстый Брат».

Кругом горы, столько неба и воздуха, что кружится голова. Вот она, заветная скала. Удаётся нащупать носками кед небольшой бугорок, но нога предательски соскальзывает. Только вверх, удержаться руками! А вверх – никак не получается, ведь я никогда не умела подтягиваться. Я словно приклеилась к этому камню, мышцы забиваются и быстро устают. Куда ж теперь?... Тут сверху опускается загорелая хрупкая, такая знакомая рука. Родные глаза Женьки смотрят в самую глубину меня: «Руку! Быстро руку!». Горячая ладонь крепко обхватывает моё запястье, помогая мне забраться наверх. Это вершина. Здравствуй, Парабола! Я всё-таки залезла! Мы здесь: я, моя Жека и наша дружба, такая же большая и крепкая, как ты, Парабола!

Возвращались в лагерь по темноте. Оставшиеся инструкторы нас потеряли и стали волноваться, отправившись нам навстречу с фонарями. В этот вечер никто не пришёл на огонёк, ни я, ни Женя даже не стали ужинать и умываться. Едва дойдя до своей палатки и размотав эластичные бинты на уставших ногах, я улеглась в тёплый спальник и провалилась в сон.

Проснулись под частый стук тяжёлых капель о тент:

дождь. Значит, восхождение на Зуб Дракона – заключительный пункт в программе тура – отменяется. Однако это не расстроило меня. Ещё не улеглись вчерашние впечатления от Параболы, хочется просто отдохнуть: расслабленно бродить под соснами, пить кофе, сидеть на берегу и глядеть не наглядеться на прекрасное озеро Светлое, тем более что сегодня последний день путешествия по Ергакам. Наталья «скрипка», узнав, что до поезда из Красноярска в Омск у нас будет почти десять часов, пригласила меня и Женю к себе в гости.

Пели под большим голубым тентом кухни, пели на биваке у прощального костра, фотографировались группой походников, обменивались телефонами, адресами для электронных писем, обнимались и благодарили инструкторов и повара, парились в бревенчатой русской бане и собирали рюкзаки в новую дорогу – дорогу домой. Не зря говорят, что путь обратно всегда кажется короче. Действительно, и спуск вдоль шумящей речки Тушканчик до базы, и дорога по петляющей трассе в автобусе до Красноярска прошли быстрее, чем долгая непростая дорога, начавшаяся ещё зимой в равнинном Омске.

Поздним вечером автобус привёз нас в Красноярск, который никак не изменился за эти восемь дней: всё так же жарко, смог от пожаров пришёл из тайги и окутал город, так же много машин и людей, те же театры, магазины, скверы с лавочками. Но что-то не так. Из автобуса вышли не прежние

Юля и Женя, кто-то другой вернулся вместо нас. За это короткое восьмидневное путешествие мы стали другими.

Я, Женя и Наталья с дочкой сразу направились в круглосуточный магазин. Охранник торгового центра с недоверием глянул на нас, чудных шумных барышень, сваливших с плеч огромные рюкзаки в холле дорогого супермаркета в самом сердце Красноярска. Смотрелись мы действительно забавно: задубевшие улыбающиеся лица, одеты в штормовки, хотя в городе уж три недели стоит пекло. Наталья ещё и в вязаной тёплой шапке, которую она наотрез отказалась снимать, аргументируя тем, что не успела вчера накрутить бигуди. От нас пахнет дымом костров, саган-дайлёй, дождём и ветром Ергаков. Счастливые, мы улыбаемся: взобрались на Параболу, поднялись к облакам, хотя и не увидели очертания кота, любовались первозданной красотой мира и говорили с самим Создателем, каждый о своём, кто как умел.

Сначала позвонили в дверь к соседям – открыла пожилая женщина, из квартиры выбежала маленькая собака неизвестной породы и бросилась на руки к Наталье. Собаку Муху и кошку Лизу Наталья оставила на попечение доброй соседки. Уместившись за столом в маленькой кухоньке однокомнатной квартиры на шестом этаже, мы долго болтали по душам, и пятнадцатилетняя разница в возрасте была будто и незаметна. А когда вышли на балкон, то совсем не ощутили высоты: глаза уже привыкли к перевалам и скалам-двухтысячникам.

– Девчонки, а хотите я вам сыграю? – вдруг осенило Наталью.

– Конечно! Сыграйте, пожалуйста, Наташа! – мы с Жекой обрадовались такому предложению.

Несмотря на глубокую ночь – два часа по красноярскому времени, Наталья расчехлила футляр и взяла скрипку, такую же изящную и утончённую, как и она сама.

– Пальцы... Отвыкли, – смущённо улыбнулась Наталья, прижимая струны к грифу тонкими пальцами с почерневшими за дни похода каёмками ногтей. Полилась мелодия, маленькая комната словно наполнилась волшебством, было удивительно смотреть на Наталью, бережно держащую смычок, играющую так искренне и самозабвенно.

– Вообще-то я выступаю в концертом платье, – тихо проговорила скрипачка, убирая инструмент в футляр, и показала коллективную фотографию оркестра. Среди музыкантов красноярской филармонии сидела наша Наталья «скрипка» в чёрном длинном платье, и распущенные волнистые локоны спускались к её покатым плечам.

Спать улеглись на полу. Я заняла место между Женькой и барабанной установкой Вероники. Впервые я сплю с барабаном. Наступая нам на руки, несколько раз по нашей лежанке пробежала Муха. Она фыркала и поскуливала, всё ещё радуясь возвращению любимой хозяйки, и пока не понимала, кто эти двое, что заняли всё место в их комнате. В изголовье уместилась тёплая кошка, урча, рассказывая о чём-то сво-

ём, то и дело расчёсывая шерсть на лапах шершавым языком. Несмотря на темноту поздней ночи, давно окутавшей Красноярск, дом продолжал жить своей жизнью, но для нас, невыспавшихся, уставших в долгом пути, это уже не имело никакого значения...

Жарко, нестерпимо хочется пить, и я просыпаюсь в своей кровати, освобождаюсь от душного одеяла. В дверях спальни появляется Андерсен, едва различимый в предрассветных сумерках. Он широким движением руки, словно взмахом большого крыла, одёргивает занавеску в сторону, освобождая путь к балкону, и следом за занавеской распахивает балконную дверь.

– Радуйся новому утру! Радуйся! Радуйся каждой ночи! Выйди на балкон, подними голову вверх и радуйся каждой звезде! А если звёзд нет – просто кури или пей кофе и радуйся тишине! Посмотри вниз и представь, что летишь! У тебя есть крылья! Почувствуй! Под этой мягкой хлопковой пижамой на твоей спине спрятаны два сильных крыла! – почти шёпотом сказал Андерсен, встал позади меня, и, еле касаясь, провёл одновременно обеими руками по моим плечам к лопаткам, и я вдруг ощутила, что там, на моей спине, действительно что-то есть!

– Сейчас они спокойны, но смелее, почувствуй их, расправь их, лети! Лети мимо балконов этих многоэтажек, лети над тем разбитым асфальтом внизу, над дорожкой, по которой ты ходишь до остановки, лети над длинными светящи-

мися магистралями города, обгоняй всех ночных автогонщиков и радуйся!

Стало казаться, что всё это мне снова снится, голова приятно закружилась, будто я только что выпила чашку горячего пряного глинтвейна, и он предлагает мне какую-то другую, не известную до этого часа реальность, и я уже вроде бы не здесь, не в спальне, но где?

– Побежим быстро-быстро, а когда скажу: «Давай!», ты оттолкнёшься и прыгнешь! Прыгнешь, как на физкультуре в длину, – объяснял Андерсен, и голос его зазвучал ниже, становясь всё объёмнее.

– Куда побежим? Андерсен, по физкультуре мне ставили «четыре» из жалости, я не умею прыгать в длину! – отпираюсь я.

– Просто побежим, и всё. Ты мне веришь? А себе? Когда скажу, прыгай, будто за тобой горит мост, а я тебе помогу.

Андерсен помогает мне забраться на карниз балкона, сам встаёт рядом и берёт меня за руку. «Побежали!» – командует он. Я в смятении, во мне борются два чувства: с одной стороны – у нас пятый этаж, мы попросту разобьёмся, как пьяные дураки, а с другой – я верю Ангелу, он никогда не подводил меня. Видимо, Андерсен что-то задумал, и я подчиняюсь ему. Мы бежим. Быстрее, чем перед финишем, когда я бежала кросс, быстрее, чем я когда-либо тренировалась на набережной, быстрее, чем даже когда готовилась к походу в Ергаки. И удивительно: мне так легко, будто тело моё почти

не имеет веса, будто раньше к моим ногам были привязаны камни, а теперь я сбросила их, надев классные кроссовки. Я и не думала, что наш карниз такой длинный, как взлётная полоса.

– Давай, – кричит Андерсен. – Давай!

Ошеломлённая его криком, я подчиняюсь. И верю ему, и себе, и Ему. Андерсен держит меня за руку, и мы летим! Я чувствую лишь прохладный воздух вокруг, ветер, подгоняющий наш полёт, и горячую ладонь Андерсена. Он так крепко держит меня, словно я могу сорваться с этой высоты, выскользнув обратно в спальню. Я доверяю ему, моему Ангелу Хранителю, безусловно, без сомнений, полностью, и потому мы летим. Только держи меня и не отпускай! Я прошу, не уходи, я хочу ощущать, что ты рядом. Кто же ты на самом деле, Андерсен? Откуда ты и для чего мне дан? Мне кажется, я знала тебя ещё до того, как прийти в этот мир. А иной – существует ли? Видел ли ты Бога? Что Он думает обо мне? И вообще знает, что я есть?

Звёзды начали гаснуть одна за одной, край ночного тёмного неба становился сиреневым, потом бледно-розовым: дело шло к рассвету.

– Пора возвращаться, – Андерсен глянул на меня с прищуром, и мы снова очутились на карнизе балкона.

Глава 4. Родные места: озеро Данилово

Надо мною тишина,

Небо, полное огня.

Свет проходит сквозь меня,

И я свободен вновь.

Группа «Ария», песня «Я свободен»

Это воскресенье мы с мужем старались прожить как самый обычный выходной, лишь один из многих дней нашей жизни. Но у нас плохо получалось: мы не могли не обращать внимания на большую спортивную сумку, приготовленную в коридоре, и стопку одежды на диване, которая с нетерпением ждала, когда её уместят в эту сумку и застегнут молнию. Саша сегодня уезжает в командировку на месяц. На душе тоскливо и тревожно, но мы не выдаём своей грусти, шутим, хотя выходит это коряво. Как же я не люблю прощания! Эти длинные проводы в коридоре, длинные тягучие минуты, заполняемые бессмысленным обменом репликами, когда уже всё давно сказано, а главное, и так понятно без слов. И хочется просто сесть на пол, прислониться спиной к стене и зареветь... Я провожаю его не на войну, не в космос и даже не в армию. Но подумать только, за месяц уже опадёт цвет бе-

лоснежных яблонь, молодая зелень покроятся слоем городской пыли, пройдут пять понедельников и четыре пятницы, наступит настоящее лето, и, скорее всего, я уже стану носить босоножки...

Муж тоже не любит прощаться, и потому ушёл, не мешкая, подобно хирургу, чьи движения точные и быстрые, что сокращает пациенту боль. Щёлкнул дверной замок, я всё ещё чувствовала тепло его поцелуя. Впереди тридцать рассветов: солнечных и пасмурных... Тридцать ночей я буду ворочаться с боку на бок, перекатываясь на кровати из стороны в сторону, и засыпать лишь под утро на его подушке, которая хранит его сны. Я разложила футболку мужа на кровати, разглаживая руками. Она когда-то была чёрной, а теперь изрядно выгорела, впитала аромат румяных пончиков, что я пекла вчера, дым выкуренной пачки сигарет и древесные нотки одеколona. На груди изображён белый вертолёт с большим воздушным винтом и внизу подпись маленькими буквами: «Mr. Andersen». Никогда раньше я не замечала этой надписи, имеет ли это отношение к Андерсену, что называет себя моим Ангелом-Хранителем или просто случайное совпадение? Я растерянно ходила из одной комнаты в другую, заглядывала в кухню и ванную, подобно душе, которая едва оставила своё тело, и мечется по дому, ища пристанище, но не находит, ведь нет его теперь здесь. Было слышно, как лает соседская собака снизу, как за стенкой сверлят, как за входной дверью гудит лифт... Но в нашем доме повисла тишина,

она словно высасывала из меня силы и желание двигаться. Я облокотилась на подоконник и прижалась лбом к окну. На улице галдела детвора, радуясь приближающемуся лету и каникулам, кто-то садился в машину и уезжал, кого-то у подъезда ждало такси, кто-то спешил домой из магазина с авоськой продуктов... И только в нашем доме ничего не происходило. Лоб замёрз от оконного стекла, и я встрепенулась.

Нужно ехать! Срочно ехать! Крутить педали и ни о чём не думать! Для меня нет лучшего средства от дурных мыслей чем пробежать по парку или прокатиться на велосипеде под хорошую музыку. И потому я, наскоро перекусив, вышла с Чижиком на улицу.

И вот я еду! Быстрее! Быстрее! По гладкой дорожке, проложенной в прошлом году вдоль покосившегося деревянного забора, что ограждает производственные корпуса завода, по аллее, соединяющей наш Промышленный микрорайон с Парковым...

Куда? Нет разницы. Главное – ехать! Вперёд! Оставить все мысли, тяжёлые воспоминания и дурные сны! А на табло электронного спидометра, закреплённого на руле, высвечивается: «15», «21», потом «25», «31»... Педали становятся продолжением моих ног, ладони срастаются с грипсами руля, и кажется, что внутри рамы по невидимым венам уже течёт, волнуется, живёт моя горячая кровь. С каждым оборотом педалей во мне просыпаются черти. Сначала тихо, едва различимо ворочаются в темноте, что-то бубня себе под

нос. Потом толкают друг друга в бока, начинают бегать и кувыркаться, бить в барабаны, разжигать костры, танцевать на красных углях, размахивать огненными факелами, то и дело проявляясь в ярких всполохах пламени...

Разрывать воздух! Стирать шины о разбитый асфальт! Обгоняю автомобили, застревающие на проспекте в вязком потоке транспорта, обгоняю ветер и свой спидометр – «37»... Я больше не чувствую усталости в мышцах, напряжения в пальцах, крепко сжавших руль. Комок в горле растаял, и стало удивительно легко. Невидимые крылья встали за моей спиной и поднимают меня высоко над проспектом, к макушкам старых сосен на аллее, к крышам домов: сначала пятиэтажных, потом шестнадцатиэтажных. Впереди огромное небо с редкими клочками облаков, в которых играют солнечные лучи и парят юркие ласточки. Тревожно смотреть вниз, но всё же я решаюсь: транспорт внизу словно и вовсе не движется, замер и стоит на месте, аллея кажется совсем узкой и коротенькой. Какой-то человек держит за руль Чижики – мой велосипед и вовсе похож на игрушечную модель, реалистично выполненную умелым мастером. Человек поднимает голову к небу, и я узнаю в нём Андерсена, одной рукой он продолжает придерживать руль, другой машет мне вслед...

На столе у шефа большой перекидной календарь, на котором 2013 год, апрель, и в красной пластмассовой рамке – понедельник – день планёрки... Я не выспалась, прячу руки под столом и до боли щипаю себя, чтобы хоть как-то сохра-

нять бодрый вид. Шеф что-то рисует на белой доске синим маркером, начальник отдела сбыта показывает какие-то графики, по серьёзным озадаченным лицам коллег видно, что графики эти не обещают ничего хорошего. И вот по традиции после полуторачасового совещания директор компании обращается к сотрудникам, мол, какие у кого идеи выхода из кризисной ситуации. Каждый из присутствующих обязан поделиться своими соображениями, это что-то вроде «мозгового штурма»... И тут я понимаю, что прослушала всё, что было сказано, не вспомню даже и обрывков фраз, чтобы хоть как-то прилепить к ним и своё «новаторское предложение», в голове моей пусто, как в комнате, где собрались делать ремонт: вынесли всю мебель, закатали паласы, сняли шторы, и теперь в ней нет ничего, кроме эха...

Неумолимо приближается моя очередь, все высказываются, сосредоточенно смотрят на графики, что-то предлагают, обстоятельно аргументируя свои доводы. Я уже чувствую, как ёжится мой копчик, как мне вдруг становится нестерпимо жарко, на кожаной обложке ежедневника остаётся влажный след от моей ладони, а решения всё нет!

– Юлия, ну а Вы что скажете? – обращается ко мне директор, и все собравшиеся устремляют на меня свои острые, словно стрелы, полные ожидания взгляды. Кажется, я сейчас взорвусь или упаду под стол, нужно что-то срочно придумать, не молчать!

И я не нахожу ничего лучше, как многозначительно по-

править очки – пожалуй, впервые я благодарна своим очкам за то, что они у меня есть. Обычно я стараюсь скрывать свою близорукость, пользуясь контактными линзами, но сегодня я проспала и надеть линзы не успела, и как можно увереннее говорю:

– А что здесь скажешь? – обвожу взглядом коллег, словно упрекая за хромой график прибыли, – Работать нужно! Работать!

– Да, друзья, а ведь Юлия права! – директор смотрит на часы. – Давайте работать, и пусть каждый хорошенько задумается, что он может сделать, чтобы уже к середине мая, – шеф глянул в календарь, – ааа... там же ещё эти майские праздники, ёлки зелёные! Ну тогда к концу мая мы добились более оптимистичных показателей и вышли вот сюда!

Он ткнул маркером в точку посередине графика, захопнул свой ноутбук и попросил секретаря принести кофе. Я едва удерживаю серьёзное выражение лица, стараясь загородить им внутреннее ликование: «Уфф! Пронесло!».

Отчёты накладываются на отчёты, ещё не успев подвести итоги одних акций, наш отдел развития запускает следующие, начальство требует программу по выводу нового бренда на рынок, грозит лишить премий за неликвидную продукцию, залежавшуюся на полках складов ещё с зимы. Словом, голова моя кипит, разрываясь на части, и напрочь отказывается рождать «свежие идеи». Я стою и смотрю в окно. А за пределами офиса город буквально проваливается в грязь:

чистые тротуары попадают лишь в самом центре Омска – на площадях у здания мэрии, драматического театра и перед главным православным собором. Ещё, пожалуй, опрятно выглядит улица Ленина, – изначально ей повезло больше, чем другим, ведь эта улица лежит несколько выше основного городского рельефа, самодовольно подставляя своё выпуклое, вымощенное плиткой пузо ветру и солнцу, и грязь с неё сама сползает вниз, открывая горожанам сухой путь. Ветер взрывает мусорные баки, поднимая в воздух выкинутые кем-то пакеты, гонит старую, не убранную с осени гнилую листву, срывает объявления с фонарных столбов и афиши с заборов, раздувает чёрные лужи, морщина вода в них частой рябью.

Город задыхается, как нищий больной бродяга то ли от бронхита, то ли от туберкулёза, вызывая брезгливость и раздражение окружающих. Он уже и сам себе не рад. Но у меня нет к этому нищему милосердия, сострадания, нет и желания разбираться в причинах, по которым он опустился на самое дно. Хочется лишь перевести взгляд: на киоск с мороженым, на крышу дома, на ветки дерева, готовящегося раскрыть липкие почки, только бы не видеть этого жёлтого изболевшегося лица, обветренных чумазных рук и сгорбленной спины в засаленной рваной куртке. Такая нынче весна, хотя, впрочем, она ничем не отличается от всех предыдущих омских вёсен. И всё же частенько мне приходит в голову один и тот же вопрос: а что мы сделали для того, чтобы улицы эти стали чище, а жилось здесь радостней и лучше? Не

знаю, пожалуй, ничего. Только ругаем этот город, грозя переехать в другой: чистый, продвинутый, современный, благополучный, без заморозков и пробок... А сами и не подозреваем, что купить билет на поезд в тот самый «Другой Город» несложно, главное, что и туда мы привезём с собой свои равнодушие, лень и нежелание что-то создавать. Вот и мы с Женькой не стали участвовать в районном субботнике, идея белить бордюры тоже не пришла нам в головы, не посадили мы и цветка на клумбе в парке.

И дело не в том, что наш город так уж ужасен, а, скорее, в том, что всё, что мы видим вокруг – это на самом деле лишь отражение того, что происходит в нас самих: подобное притягивает подобное, не так ли? А на душе у меня и была та самая серость, усталость и ощущение ненужности того, что я делаю, того, чему я училась в университете и того, за что сейчас мне платят зарплату. Меня уже давно не оставляет ощущение, что я постоянно обманываю людей, рассказываю о «прогрессивных технологиях», об «эффективных решениях» и «современном эргономичном дизайне», вытягивая из клиентов деньги за дешёвый, по сути, товар, наскоро собранный на чьей-нибудь острой коленке в Шэньчжэне или Шанхае. Я всё стараюсь закинуть свои красочные буклеты и листовки, кричащие об очередной акции или новинке, через забор вокруг сознания людей – «потребителей», постоянно соревнуясь с компаниями-конкурентами. Не получится через забор – значит, в форточку, будет закрыта форточка, хо-

тя бы в щель под дверь просунуть. И всё это ради одной цели: продать.

Казалось бы, чего жаловаться, реклама кормит и будет кормить, пока существует рыночная экономика. И многие представители «честных» профессий с удовольствием поменялись бы со мной местами. Но меняться с библиотекарями или учителями, или литейщиками из горячих цехов я не спешу: мне нравится, что я могу купить любые туфли в любом магазине города, мне нравится сидеть в кафе и не волноваться, когда официант приносит счёт, мне нравится и то, что я не стою в душных очередях за бесплатным талончиком к врачу муниципальной поликлиники, от одного вида которой умирают все надежды на выздоровление, а обращаюсь в частные клиники, где пахнет хорошим кофе и встречают с улыбкой...

Раньше я не могла себе и представить таких возможностей, я вышла из университета наивным, доверчивым и слишком «молодым специалистом», прежде чем закрепить себя в этой компании, набила немало шишек в захудалых бедных конторках, научивших меня внимательно читать трудовой договор и не доверять людям. И вот теперь все мои внутренние войны за правду оканчивались полным крахом совести в дни выдачи зарплаты: я спешила домой счастливая, забегая по дороге в продуктовый супермаркет и скупая всё, что душа пожелает.

Больше всего этой весной хотелось вырваться из серой

обыденности в родное, Больше всего этой весной хотелось вырваться из серой обыденности в родное, давно полюбившееся место за двести с лишним километров на севере Омской области. Нас с Жекой тянуло туда с какой-то невероятной, непреодолимой силой то ли оттого, что там сказочный хвойный лес и уютное чистое озеро, то ли оттого, что в детстве мы каждое лето отдыхали там с родителями, и место это впечаталось в наши сердца и уже никогда их не покинет...

Сколько раз папина машина застревала в том бору после дождей! Это было целое приключение, которого мы с Жекой ждали, втайне даже надеясь застрячь! Вот двигатель рычит, колёса прокручиваются, скользя по вязкой глине, папа напряжённо поворачивает руль, стараясь вписаться между соснами, проехать по более-менее видимой колее в огромной луже, мама еле сдерживается, чтобы не охнуть в голос, ведь ветки кустов оказываются прямо в её открытом окне, а до ствола сосны остаётся каких-то пять сантиметров! Мы с Жекой сидим на заднем сиденье между тюков с вещами и брезентовой палаткой, затаив дыхание.

И вот – случилось! Папа выходит из машины – застряли! Это значит, что сейчас нам выдадут резиновые сапоги, и мы пойдём гулять по свежему хвойному лесу, проваливаясь в мягкий сырой мох, искать ягоды, дивиться большим муравейникам, соревноваться, кто больше найдёт дождевых червей, а Жека спрячется в высоком папоротнике, надеясь, что все станут искать, и будет сидеть, пока комары её совсем не

заедят. Но комары злые, и Женьке становится невыносимо ждать, когда обнаружат потерю, потому она бросает эту за-тею и начинает карабкаться по разлапистой сосне...

Тем временем родители выгружают вещи и снаряжение из багажника, а другие взрослые (ездили обычно несколькими семьями) сбегаются на помощь и дружно толкают наш «Москвич». Мотор рычит ещё сильнее, грязь летит из-под колёс, брызгая на лица и одежду толкающих, но они не отступают. Если повезёт, машина застрянет сильно, и тогда приходится подкладывать ветки под колёса, идти на разведку – искать другой путь, чтобы остальные не застряли в нашей грязи...

А потом вечером у костра все будут смеяться, вспоминая, как свернули не туда и заплутали, как толкали, как выпачкались, а кто-то и вовсе упал в ненавистную лужу. И папа возьмёт гитару как настоящий герой, ведь он один умеет играть, а мы с Жекой и остальной детворой будем сидеть на неудобном бревне или покрышке, или перевернутом ведре тихо-тихо, не подавая виду, что мы вообще здесь, чтобы взрослые не вспомнили про нас и не отправили спать. Но мамы про нас всё равно вспоминают и укладывают. Мы устраиваемся в сырой палатке, кому не повезёт, под спиной окажутся шишки или корень сосны. Мама укрывает нас с Жекой одеялами, выгоняет комаров и возвращается к костру. Мы спать не хотим, тихо перешёптываемся, а на брезентовых стенках палатки играют всполохи костра, доносятся папины гитарные переборы. Жека не выдерживает:

– Мама, Ма-ам! – шёпотом зовёт она. – Полежи с нами немножечко.

Приходит мама, ложится между нами, рассказывает историю про медведя в избушке с самоваром, про ёжика и белку, с мамой становится тепло и уютно, её кофта колется, пахнет дымом, сон подхватывает нас с Жекой и поднимает на одеялах высоко над озером, над домом мишки и беличьим дуплом к звёздному, потрясающе волшебному небу...

...Вторник и среда, подгоняемые приятным ожиданием

путешествия на Данилово озеро, пролетели для меня как никогда быстро, на четверг и пятницу я взяла административный отпуск, объединив с выходными и майскими праздниками.

– Девчонки, на все майские каникулы дожди передают и холодину, может, не поедете? – пыталась отговорить нас от поездки мама, убеждённая, что главное на отдыхе – это хорошая погода.

– Эх, мама, мама! Понимаешь, то место притягивает, заставляет возвращаться туда ещё и ещё... Оно как магнит. А действие магнита от погоды не зависит! – улыбалась Женька, пакуя в рюкзак новенькие галоши – альтернатива тяжёлым резиновым сапогам.

Мы отправились с тринадцатой платформы омского автовокзала на маленьком дряхлом автобусе «пазике», который уже давным-давно выработал все свои ресурсы и мечтал уйти на заслуженный отдых. Однако на сей счёт у руководства «Омскавтотрансфер-пассажирские перевозки» мнение было иным: старого бедолагу не только пускали на дальний маршрут по плохой дороге, а ещё и заставляли «шабашить» на юбилеях, свадьбах, похоронах...

Дорога до посёлка Муромцево считалась асфальтированной, однако она была буквально изъедена язвами выбоин и ям, с каждым годом которых становилось всё больше и больше. Водитель «пазика» объезжал эти ямы как только мог, и потому, едва стоило мне вздремнуть, голова начинала жить

своей, отдельной от меня жизнью и отчаянно билась о стекло окна, я просыпалась, потирая ушибленное место.

– Смотри, Юль, пробьёшь окно – штраф платить заставят, – хихикала Жека.

– Лучше купим этот «пазик» полностью, будем за грибами гонять, – вздыхала я.

Автобус, хоть и не спешил, но всё-таки двигался к цели. Шёл монотонный, по-осеннему заунывный дождь, мелкие капли усыпали стёкла, соединяясь в тоненькие струйки воды, а за окном оставались серые сгорбленные деревеньки с незамысловатыми названиями: Давыдовка, Демьяновка, Алексеевка. Нераспаханные поля, ещё не успевшие отойти от холодов, томились в ожидании тепла, и редкие клочки чёрно-белого безлистого берёзового леса едва могли разнообразить этот пейзаж. Я сидела, сложив ноги по-турецки, оставив промокшие кроссовки внизу под сиденьем. Дело в том, что Жека, решившая накануне похода сделать для меня доброе дело, помыла мои резиновые сапоги, нечаянно плеснув воды внутрь, а те не успели высохнуть, пришлось надеть кроссовки – сомнительное решение на случай сырой погоды. Хотелось как-то скоротать время, и мы грызли бублики. Дорога уводила всё дальше на северо-восток Омской области за Муромцево, начали попадаться редкие молодые сосенки, асфальтированная трасса сменилась просёлочной грунтовой, к самым обочинам которой стал подступать тёмный сосновый бор.

Наконец водитель заглушил мотор, автобус будто выдохнул: «Приехали!» и шумно открыл двери, освобождаясь от пассажиров. Остановка в центре деревни, здесь на небольшом пяточке расположились почта и два магазина. Местные встречают городской автобус, как жители дальних северных островов, которые приходят к морю приветствовать корабль с большой земли. Выходим довольные, выгружаем свои рюкзаки и обязательно здороваемся: в деревнях все здороваются. Некоторые из встречающих уже знают нас, ведь мы с Жемой постоянные гости Курганки. Здесь и тётя Катя – продавец, помнящая нас ещё детьми. Смотришь на неё, и сердце сжимается оттого, как равнодушно время: седая стала, сморщилась, съёжилась, только глаза по-прежнему светятся. «Девчонки! Приехали! – Всплеснула она руками. – Да холодно ж ещё!». Обычно мы приезжаем сюда летом с палаткой, разбивая лагерь на берегу озера в километре от деревни, а в этот раз явились, не дождавшись тепла, и потому решили снять жильё в деревне. Тётя Катя помогла нам: познакомила с соседкой Надеждой, которая согласилась сдать нам свободный дом.

Надежда – темноволосая женщина лет сорока с густыми сросшимися на переносице бровями и низким голосом, вид у неё пасмурный, уставший. Вот она открывает ржавый навесной замок на покосившейся двери старого бревенчатого дома. Мы заходим следом за хозяйкой. Внутри дома, кажется, ещё холоднее, чем на улице. Пахнет сыростью и старыми

вещами: на вешалке у входа висит несколько ватных телогреек. Половицы под ногами скрипят, пол застелен выцветшими домоткаными дорожками – раньше я видела такие только в фильмах. В углу над кухонным столом божница, прикрытая ветхой занавеской. На стенах развешаны чёрно-белые семейные фотографии под большим общим стеклом и отдельный портрет мальчика, сделанный, пожалуй, ещё в начале прошлого века то ли на плотном картоне, то ли на прямоугольном кусочке ДВП. Кажется, что мальчик смотрит прямо на тебя так серьёзно, решительно и словно вот-вот что-то спросит. Стало не по себе, и я невольно отвела взгляд от мальчика, осмотревшись кругом: дом состоит всего из двух

маленьких комнат, наверное, здесь жила небольшая семья. В спальне к потолку прикреплён железный крюк для детской люльки. Впервые мы увидели и русскую печку, на которую можно забраться и полежать холодным вечером.

– Эту печку, – показывает Надежда на большую печь с заслоном, разделяющую кухню и комнату, – не топите, сто лет её уже никто не чистил, да и не умеете вы, поди, такую топить-то? А согреться или сварить чего – вот буржуйка. Сам придёт, дрова принесёт вам. Тётка моя как померла, так и не живёт здесь никто уж третий год. За зиму промёрз дом, если не затопить – околеете ночью. Вот корыто, вот ведро, за водой ходить на колонку через пять домов вверх по улице. Ну, смотрите, решайте, будете жить тут или нет, – окончила «презентацию» Надежда, слова её падали, будто поленья, ко-

лотые топором: тяжёлые, твёрдые, ясные. Казалось, она совершенно не заинтересована в сделке.

Дом мрачный, как в общем и сама Надежда. Кажется, что не мы выбираем жильё, а сам дом вместе со своими жителями, глядящими с портретов, присматривается к нам: принять нас или нет... Время здесь будто внезапно остановилось, и всё замерло в один миг. Но есть в этом доме какая-то самобытность, настораживающая, даже пугающая порой, и потому притягательная таинственность. В большом зеркале трюмо я нечаянно увидела наши с Жекой растерянные озадаченные лица. Мы переглянулись: нет, этот дом только с виду так просто устроен: «вот корыто, вот – ведро», за внешней простотой явно стоит какой-то секрет, загадка, что ли. И мы остались, чтобы её разгадать.

Надежда ушла, дверь жалобно скрипнула ей вслед, и стало совсем тихо. Однако тишина этого дома оказалась обманчивой: стоило нам остановить разговор, как начинало казаться, что от портретов ползёт едва слышный шёпот... Он подступает со всех сторон, усиливаясь, превращаясь в неразборчивый гомон: люди на фотографиях что-то бубнили, переговаривались, ухмылялись над нами... Вот ещё немного, и они сойдут со снимков, рассядутся здесь, у печки, скрипя старыми разохшимися стульями...

– Жутковато здесь, – призналась я вполголоса.

Женька принялась подметать в сенях, а я прошла в спальню к шкафу. Но чей-то беглый взгляд скользнул по моей спи-

не. Я резко обернулась – сзади никого.

– Странно, почему их родственники не убрали вещи... Этих людей давно нет, а вещи сложены так, будто кто-то всё ещё их носит... Это же нехорошо, нельзя так... Как мы здесь будем ночевать?..– Женька обвела взглядом жилище.

– Видите, ничего мы тут не трогаем, кричать и буянить не будем, разрешите нам, пожалуйста, у вас немного погостить, – я начала договариваться с «хозяевами» и Жека, кивая головой, глядя умоляюще на портреты, подхватила: «Даа!».

И мы решили, что независимо от того, примут нас «хозяева» или нет, страшно нам будет ночевать здесь или весело – в любом случае, нам были нужны вода, еда и тепло. А потому Жека принялась знакомиться с буржуйкой, а я взяла ведро и отправилась на колонку за водой.

В печке потрескивали поленья, кривая металлическая труба дымохода нагревалась и издавала квакающие звуки. Тепло из кухни медленно поплыло в комнаты, угрюмый брошенный дом стал понемногу согреваться и будто выдохнул, обмяк, отпустив свои тревоги. Из щелей пола побежали пауки, под наличниками на окнах проснулись серые бабочки и полетели к теплу, наверное, решив, что холода окончательно ушли. На буржуйке в маленькой кастрюле кипели гречка и сосиски, рядом в ковше грелась вода на чай.

– Поеди-и-им! – с наслаждением протянула Жека, потирая ладони.

После обеда мы надели непромокаемые штормовки на случай дождя и отправились к озеру. Мы никогда не видели наше озеро в мае. Интересно, какое оно теперь. Дорога к озеру начиналась на краю деревни после деревянного моста. Быстрая шумная речка Тунгуска, вода в которой была холодной даже летом, отделяла Курганку от леса. Едва мы подошли к реке, как увидели, что мост, по которому летом проезжали машины и шагали туристы в деревенский магазин, затоплен. Вода поднялась так сильно, что не оставила и намёка на то, что когда-то здесь вообще был мост. Речка узкая, казалось бы, проложи пару скамеек и перейдёшь. Но не тут-то было. Я нашла палку в кустах на обочине и попробовала измерить глубину речки над затопленным мостом: палка ушла под воду примерно на полметра. Значит, перейти эту речку в брод не получится: вода холодная, течение сильное, того и гляди, стащит с моста, и искупаешься в ледяной Тунгуске. Мы огляделись в растерянности. По левую руку от затопленного моста над Тунгуской повисло нечто чёрное деревянное: то был старый разрушенный мост. Построили его давным-давно натруженными руками колхозников с пламенными сердцами, наверное, ещё во времена славы кукурузы – «царицы полей»... По тому мосту когда-то проезжал транспорт, срубленный из огромных брёвен, мост поднимался высоко над Тунгуской, и весеннее половодье ему было нипочём. Теперь же деревянные опоры прогнили, брёвна рухнули вниз и торчали из реки, как огромные корявые пальцы неве-

домого чудища...

– Ты же не собираешься идти по разваленному мосту? – я растерянно посмотрела на Жеку, отлично понимая, что она намерена делать.

– Можешь переплыть речку в Надеждином корыте, – улыбнулась Жека и направилась к развалинам.

– Я боюсь там идти, я упаду! – паниковала я.

– Падать нельзя. Там видишь вон какие из воды торчат? – Жека показала на деревянные «пальцы», и я представила, как лечу вниз прямо в руки этого чудовища.

– Женя, я знаю, что надо сделать! – вдруг осенило меня. – Надо привязаться верёвками. Ну, как альпинисты, понимаешь?

– А верёвку-то альпинистскую где возьмём? – Жека с недоверием глянула на меня.

– Так в магазине же! Не обязательно альпинистскую, обычную можно. Пойдём у тёти Кати спросим! – мне думалось, что верёвка и впрямь способна защитить нас от падения.

Мы явились в магазин. Как и положено сельскому магазину, здесь было всё: и печенье, и молоко, и гвозди, и тазы с кастрюлями. Три мотка хозяйственной верёвки для нас тоже нашлось.

– Никак стираться собрались, девчонки? – тётя Катя с любопытством посмотрела на нашу покупку.

– Ну, – кивнула я.

– Каждая по тридцать метров будет. Однако много белья-то у вас!

– Ага, – я опять кивнула, мы поспешили выйти из магазина, и скоро оказались у старого моста, который из последних сил, скрипя и охая, всё ещё старался соединить два берега Тунгуски, не сдаваясь упрямому времени.

– Так. Закрепимся вот здесь, – я деловито показала на ствол ивы, растущей на берегу, войдя в роль бывалого альпиниста...

Я помнила пару видов узлов, вязать которые меня однажды учил папа в походе. Руки словно сами повторили одну из комбинаций, и вот один край верёвки привязан к дереву, другой – ко мне.

– Фантастически ты, Юлька, смотришься в обвязке из бельевой верёвки! Тебе бы ещё бусы из прищепок на шею! Городские сумасшедшие выходят на свободу! Аха-ха! – расхохоталась Женька. – Только бы не встретить тут никого, нас, правда, за идиоток примут!

– Ну чего ты смеёшься!

– Интересно, верёвка-то выдержит? – Жека рванула верёвку что было сил.

– Должна, – я всё равно была довольна своей идеей, а ещё тем, что пришла эта прогрессивная мысль именно в мою светлую голову.

Я было собралась идти, как за моей спиной со стороны деревни послышался мужской голос:

– Девчонки-и-и! – к мосту приближался Захарыч, одна рука у него была занята тряпичной авоськой, свободной он махал нам.

Николай Степанович Захаров жил на берегу озера уже лет пять, а может, и больше. И деревенские жители, и обитатели берега Данилова звали его Захарычем, вероятно думая, что это его отчество. Мы встречали его каждое лето, стали здороваться, как со всеми местными, а в прошлом году разговорились и узнали, как его звать на самом деле. Был он истопником бань на берегу, чистил лес от сухостоя, работал на строительстве деревянных домиков – небольшой базы отдыха для путешественников вроде нас.

– Здравствуйте, – ответили мы с Жекой в один голос.

– Когда приехали? Надолго к нам?

– Да сегодня только. Дня на четыре, – улыбалась Жека, поглядывая то на меня в «обвязке», то на Николая Степановича.

– А вы чего тут делать собрались? – наш собеседник тоже обратил внимание на мою оранжевую бельевую верёвку. – Верёвок навязали каких-то...

– Да мы это... – я засмушалась, моя блестящая идея вдруг начала меркнуть, как обгоревший бенгальский огонь. – А вы как на озеро добираетесь?

– В смысле? Трамваев тут ещё не пустили. Но к лету председатель обещал! Зуб давал – прямо до пляжа! – рассмеялся Николай Степанович.

– Через речку как переправляетесь? Мост ведь затоплен, – уточнила Жека.

– А этот вам чем не мост? – мужчина показал на деревянные развалины.

– Да боязно по нему. Вот и решили привязаться, – я теребила свою верёвку, в несколько раз намотанную на поясе и, наверное, покраснела от смущения.

– А! Вот оно что! Ну вы туристки тоже мне! – рассмеялся Николай Степанович. – Главное переходить по одному, не смотреть вниз и думать о хорошем. А верёвку сними лучше, запутаешься в ней или зацепится она за что-нибудь, мост-то вон какой, в гвоздях весь да в сучьях! – Николай Степанович покашлял и достал из кармана куртки пачку сигарет, с удовольствием затянулся и пошёл по мосту, точнее, по брёвнам, которые от него остались. Брёвна предательски качались, но Николай Степанович прошёл ловко и уверенно, и сумка с продуктами ему была не помехой. Казалось, он всю жизнь работал в цирке канатоходцем.

– Ну, вот и всё! – он вынул изо рта сигарету и остался наблюдать за нашим «смертельным номером» с противоположного берега.

Я послушала совета старшего, смотрела верёвку и убрала в рюкзак.

– Вниз на воду не смотри, чтобы голова не закружилась, – Женя глянула на меня из-под пёстрой банданы и затянула покрепче лямки рюкзака. – Мы ехали увидеть озеро, значит,

пойдём.

Жека осторожно шагнула на рыхлое чёрное бревно, поросшее мхом, с торчащими ржавыми гвоздями. Соседние брёвна уже давно обрушились вниз, и этому осталось тут лежать, вернее сказать, висеть, недолго. Жека сделала ещё шаг, и бревно качнулось. Волнение за Жеку охватило меня, я молча смотрела, как она плавно передвигается по бревну. Рюкзак на спине, хоть и небольшой, но явно мешал ей. Женя перешагивает на другое бревно, когда-то залатанное корявым горбылём, оно выглядит надёжнее первого, но доверять ему тоже не стоит... Вот она уже шагает по поперечным доскам старого моста, некоторые из них были оторваны нарочно и использованы, видимо, в качестве дров, некоторые сгнили и рухнули вниз без посторонней помощи.

И вот Жека на земле! Она стоит на противоположном берегу Тунгуски, на опушке соснового леса, довольная тем, что у неё получилось пройти по разрушенному мосту, и путь к нашему озеру теперь открыт.

– Одна есть! – Захарыч закуривает новую сигарету.

Женя машет мне рукой:

– Теперь ты давай!

И я встаю на бревно, чувствую, как оно начинает прогибаться подо мной, напоминая вибрирующую струну. Нет, на прямых ногах, как прошли Захарыч и Жека, мне не пройти. И я сажусь на корточки, хватаюсь за бревно обеими руками, гнилая кора расслаивается и отрывается от него, слетая

вниз. А там, внизу, шумит речка, закручивая воду тёмными воронками. Издалека этот мост не выглядел таким уж высоким, а сейчас кажется, что внизу целая пропасть. Моё тело будто вообще мне не принадлежит, меня словно заклинило в этой нелепой позе посередине трухлявого бревна, которое не сегодня-завтра рухнет.

– Ползи по нему! Не останавливайся! Рассядёшься – быстрее упадёшь! Не смотри вниз, ползи! – кричала мне Жека.

«Как хорошо, что я работаю не в цирке, а в офисе», – пронеслось у меня в голове, хотя я никогда не стремилась ни на арену, ни уж тем более под купол. Я выдохнула и поползла на четвереньках дальше. Так или иначе, преодолеть этот путь у меня получилось. Старый мост остался позади.

Захарыч двинулся к базе, а мы с Жекой пошли бродить по лесу. Лес молчал. Его всё ещё не отпускала зимняя дрема. Земля, усыпанная прошлогодней рыжей хвоей и отсыревшими шишками, уже почти освободилась от снега, и всё же была холодной, неготовой принять первые тоненькие ростки молодой травы. На дороге в бору, да-да, именно на той дороге-колее, где так часто застревала папина машина, стояли огромные лужи с удивительно чистой водой, скопившейся после таяния снега. Сосны гляделись в эти лужи, расправляя мохнатые ветви, иногда небрежно стряхивая шишки и капли утреннего дождя. Лишь изредка где-то далеко было слышно кукушку и басовитое ворчание выпи. Мы шли по тропинке, изрезанной корявыми корнями величавых сосен и с насла-

ждением вдыхали густой смолистый аромат бора. Говорить не хотелось, чтобы не нарушать этой тишины. Наоборот, мы старались пройти как можно тише и незаметнее, чтобы лес даже и не узнал о нашем приезде. И лишь иногда вырывался мой шёпот: «Как же красиво!», «Как всё-таки здорово, что мы приехали сюда!». Вдали лес стал реже и светлее – дорога привела нас к озеру.

– Ну, здравствуй, Данилово! А это мы! – Женька подняла обе руки вверх, словно приготовилась обнять кого-то очень большого.

Край озера ещё скован льдом, похожим на битый хрусталь. Весенний лёд был будто бы кем-то недавно взорван. Чистые, прозрачные ледяные осколки причудливых форм лежали на поверхности. Мы забрались на небольшой понтонный мостик, врезающийся в этот лёд. На мостике лежала длинная жердь, оставленная здесь специально или забытая кем-то. Жека подняла жердь и стала исследовать битый лёд, он хрустел под её концом так, словно это и вправду была куча разбитых фужеров. И этот хруст был единственным вторжением в тишину. Я отломил кусочек льдинки у берега и попробовала на язык. Твёрдое холодное стёклышко таяло у меня во рту, рождая такой знакомый вкус Даниловской воды. Я не спутаю эту воду ни с какой другой: водопроводной, речной, бутилированной из магазина. Эта вода особенная: свежая, мягкая, обволакивающая, пахнущая грозой... Озеро никуда не спешило, ничего не ждало, и не обращало на нас

никакого внимания. Ему было всё равно, что весна сейчас или ещё зима, и что там передают в новостях. Оно дремало, сладко позёвывая в объятиях тайги и продолжало смотреть свои волшебные сны...

Мне не верилось, что всё это происходит с нами. Мы никогда не видели это озеро таким. Летом весь берег пестрит палатками, из каждого лагеря несётся музыка, или гудение бензопилы, или детский гвалт, или лай собаки, а с волейбольной площадки на пляже слышны свист, крики и удары по мячу. Теперь все эти люди вместе со своими палаточными городами, автомобилями, мангалами и кострами словно растаяли, как снег в лесу, и просочились под землю, уступив место тишине, освободив пространство для Настоящего.

– Как хорошо здесь без людей! – огляделась Жека. – Знаешь, если только бы мне хватило денег, я бы выкупила весь этот берег и бор вокруг озера, построила бы высокий забор и никого сюда не пускала! Я так хочу уберечь эти места...

– Жек, без людей конечно хорошо, только вот я подумала, – я немного замялась. – А если сюда медведь придёт? Если он сейчас поблизости пасётся, а тут мы?!

– Медведи не пасутся. Они разбегаются и сразу едят! – закричала Женька и растопыренными пальцами ткнула меня в бока, отчего мне стало щекотно. – Раньше думать надо было. Не дрейфь!

Я внимательно обвела взглядом местность вокруг. За пригорком, где летом стоят палатки, есть овраг. С пригорка этот

овраг выглядит сказочно красивым: в июле там цветёт Иванчай, вспыхивая ярко-розовыми кистями, растут тысячелистник и пахнущий мёдом лабазник. А заросли каких-то неизвестных кустарников такие густые, что сливаются в сплошное полотно, будто вязаный зелёный свитер. Говорят, за оврагом лежит старица реки Тары, потому место это топкое и там водятся змеи. Проверять эти факты нам не хотелось, в этот таинственный овраг мы никогда не спускались. И тут моё боковое зрение запнулось о нечто шевелящееся. Это не куст. Нет, мне не показалось. Это – живое. Я резко повернула голову: у края пригорка сидел большой упитанный заяц!

– Смотри! – я опешила и дёрнула Жеку за рукав. – Это же заяц!

– О! Ничего себе! Точно! – воскликнула Женька. – Он из оврага пришёл, наверное!

Заяц ничуть не испугался нашего появления, даже, наоборот, сделал несколько прыжков в нашу сторону, продолжая словно что-то искать в кустах, подёргивать ушами и забавно шевелить носом.

– Ой какой хорошенький! – заверещала я. – Да какой большой! Жек, ну если здесь есть зайцы, значит, есть и волки, и медведи.

– Ну, конечно есть! Пойдём вокруг озера погуляем лучше, – Жека улыбнулась и обняла меня.

Я коснулась щекой о грубую ткань Женькиной штормовки, увидела близко-близко несколько серёжек в её ухе и даже

зачем-то сосчитала, – их было пять. Я знаю, что за каждым проколом уха у Женьки кроется особый смысл, в каждой серёжке зашифровано важное событие. А какие именно события в Женькином ухе – я не знала, да и не любопытничала никогда. Наверное, среди них есть какое-нибудь открытие, или расставание, а может, и любовь...

Я иногда думаю, что же всё-таки больше: любовь или дружба? Возможна ли дружба без любви? Пожалуй, нет. Как иначе дружить? А любовь без дружбы бывает? Вряд ли. То получается слепая страсть, сгорающая как спичка, быстро и бестолково. Так легко любить хороших, послушных, ничего не просящих, смелых, здоровых, разговорчивых – если скучно и одновременно молчаливых, когда не до тебя... Но любовь ли это? Настоящая любовь – всеобъемлющая, всепрощающая, всепринимаящая... Когда меня обнимает Жека, эти объятия принимают меня без условий и оговорок, такую, какая я есть. И даже если я сейчас признаюсь, что укра-ла, или убила, или обманула – она не опустит своих рук. В этом её любовь ко мне. И потому я могу рассказать ей правду, которая порой отзывается во мне ржавым гвоздём, царапающим по стеклу. Жека открывает для меня свой космос, и из этого космоса кажется, что все тревоги и сомнения, оставшиеся за прочным кругом её рук, ничтожно малы.

Скоро послышался лай: серьёзный, грудной, принадлежавший, казалось, крупной охранной собаке. Мы шли, лай становился всё громче и отчётливее. Метров через сто по-

казалось несколько небольших, недавно срубленных домиков, деревянная беседка в форме шатра и костровище, выложенное кирпичом. На огне стоял закопчённый чугунный котелок, у котелка хлопотала женщина в камуфлированной куртке. Мы увидели и обладателя этого лая – то была чёрная собака, довольно большая, породы не разобрать, да и неважно это было, ведь бежала она прямо на нас. Тут донёсся и строгий мужской голос: «Фу, Герда! Быстро ко мне! Ко мне, я кому говорю!», – нам навстречу вышел мужчина в наглухо застёгнутом зелёном камуфлированном костюме, вязанной шапке, наехавшей на брови, и с густой рыжей бородой. Собака вернулась к хозяину и дружелюбно завиляла хвостом.

– Извините её, мы гостей не ждали, – мужчина добродушно улыбнулся. – Щенок она ещё, – хозяин почесал собаку за бархатным ухом, и та начала прыгать, радостно отфыркиваясь. – Туристы? Откуда?

– Туристы. Из Омска, – Жека улыбнулась собаке, и Герда подбежала к ней, подставляя голову под Жекину ладонь. – Ну, привет, Герда, – Женя принялась наглаживать лоснящую шерсть, – так значит, ты ещё маленькая? А когда вырастешь будешь ростом со слона? – Герда улеглась на землю, подняла лапы вверх и каталась от удовольствия по сырой земле. – Что за порода?

– Азиатская овчарка. Охранница наша. А ест уже, правда, как слонёнок. Ну, добро пожаловать к нам на базу, туристы! Хорошо у нас. А вы уже устроились или вам домик нужен?

– Мы в деревне дом сняли. А сюда погулять пришли, мы, можно сказать, выросли в этих краях, – пояснила я.

– А вон оно что. Ну, гуляйте на здоровье. Вот только клещей в лесу нынче много, вы осторожней. А ещё у нас кедровая баня добрая и веники хорошие. Пока не сезон, отдыхающих нет – по прошлогодним расценкам можем организовать. Меня Алексеем звать, если нужно что будет – обращайтесь. А мы с Гердой пока пойдём, проверим бидончики наши – сок берёзовый пойти уж должен. – Алексей жестом поманил Герду и они скрылись за поворотом.

Мы прошли на территорию базы, ограждённую шлагбаумом, сложенным из осинового жерди. На сосне у шлагбаума небольшая, написанная от руки зелёной краской вывеска: «Таёжная сказка». Это был берег, противоположный пляжу и оврагу, где мы побывали час назад. Здесь просторно, деревьев меньше, чем на той стороне, и, кажется, теплее. Женщина у костра продолжала заниматься обедом, то помешивая что-то в котле, то поправляя кочергой поленья дров. Двое мужчин в таких же камуфлированных костюмах как у Алексея крыли крышу одного из домиков широкими сосновыми досками, пахло смолой и деревом, видимо, совсем скоро эти домики начнут принимать гостей. Мы поздоровались с обитателями «Таёжной сказки», женщина оглянулась и кивнула нам. Мужчины на крыше, увлечённые работой, не заметили нашего вторжения. Каково было наше удивление, когда у крыльца строящегося рубленого домика, на свежем клоч-

ке едва проклюнувшейся сочной травы, мы встретили целое ушастое семейство то ли зайцев, то ли кроликов, похожих на пушистые кочечки, то и дело подёргивающих носами!

– О! И тут зайцы! – воскликнула Жека.

– Рады они свежей травке-то, – улыбнулась женщина. – Только вот ещё одна крольчиха удрала куда-то, второй день уж как нет её.

– Это кролики? Выходит, тот дикий заяц из оврага и есть заблудившаяся крольчиха! – я развела руками: тайна зайца из лесной чащи раскрыта!

– Ага. Алексей в этом году клетки построил, кроликов завёл. А им, ушастым, гулять охота, вот и выпускает он их травы пощипать да побегать, – женщина сняла с огня бурлящий котелок и принялась отрезать крупные ломти от буханки чёрного хлеба охотничьим ножом с берестяной рукоятью.

– Видели мы вашу блудню на том берегу! – Жека показала на противоположный берег озера. – Мы-то решили, что это заяц из оврага пришёл!

Женя присела на корточки, протянув руку к кролику, но тот шустро прыгнул в сторону и снова устроился, как большая кочка.

– Ишь, как далеко ушла! К самому оврагу! Вот Алексей обрадуется, а то он уж думать стал, что в лапы зверю какому эта крольчиха попала или наша Герда задрала её. Вернётся, значит, плутовка.

К озеру вела дорожка, аккуратно выложенная свежими

спилами сосны. Берег порос камышом, над гладью воды расположились мостки с лестницами, уходящими под воду. С этого берега озеро уже освободилось ото льда, и было видно, как далеко спускаются перекладины и стойки лестницы, врежаясь в самое дно. Летом на дне озера видно шевелящиеся водоросли, настоящее подводное царство. Нет-нет и полоснёт по ноге или животу острый край неведомого растения.

– Хочешь нырнуть? – я лукаво глянула на Жеку, она села на колени, дотянувшись до воды, опустила кисть руки в озеро. Не прошло и трёх секунд, как Женька выдернула руку.

– Холодная... Не знаю. Может, и залезу. Зря ехали, что ль?

– Давай договоримся с Захарычем, пусть баню затопит. После бани так здорово окунуться, – предложила я.

Захарыч, заскучавший за зиму без людей на пустынном берегу озера, был рад затопить нам баню, проворно носил он ледяную воду из озера и подкидывал в печь дрова.

Баня, срубленная из кедра, душисто пахнувшая запаренными вениками, просторная, с широкими полками, стояла на самом берегу. Здесь было так уютно, так хорошо. В большом предбаннике расположился длинный деревянный стол с лавками, стены украшали резные деревянные панно, выструганные гостеприимными хозяевами, на окне висели льняные занавески с вышивкой. В углу устроилась полка с книгами – Пушкин, Бунин, Куприн и Толстой, среди которых затесался старенький потёртый английский словарь, пара бульварных

романов с интригующими названиями и детектив в мягкой обложке неизвестного мне автора. Что ж, неплохая библиотека для бани в тайге.

Раскрасневшаяся Жека щедро охаживала меня веником, потом укладывалась на полок повыше, и тогда брала веник я. Распаренные, довольные, мы бежали по мосткам и с криками спускались по лестнице в воду. Ледящим холодом охватывало тело, а внутри всё равно было горячо. От воды пахло грозой – вот оно, Данилово, наше, родное...

– Девчонки! – к мосткам подошла женщина, что хлопотала у костра. – Накупаетесь – приходите обедать.

– Спасибо, да не голодные мы, неудобно... – смутилась Жека.

– Давайте, давайте. Тем более с дороги только. Когда ещё супа из чугунка попробуете, – женщина добродушно улыбнулась и зачерпнула ведром воду. – Сейчас нашего Иван-чая со смородиной заварю. Меня Александрой звать.

– Вот от горячего чая точно не откажемся, спасибо Вам! – я вышла из ледяной воды, вся покрытая мурашками, и поспешила закутаться в большое махровое полотенце. – Я Юля.

– А я Женя, – сестра всунула мокрые ноги в резиновые шлёпанцы, те недовольно скрипнули, и мы побежали в баню греться, – сейчас придём!

В большой деревянной беседке за длинным столом собрались на обед Алексей, Захарыч и двое строителей, те, что

крыли крышу домика. Захарыч с Алексеем о чём-то оживлённо беседовали, строители были слишком голодны, чтобы отвлекаться на болтовню. Они лишь позвякивали ложками, и с хрустом откусывали сочные белые луковицы. Александра щедро налила нам с Жекой горячего супа.

– Ну, приятного всем аппетита, – улыбнулась хозяйка, пододвинув тарелку с чёрным хлебом и банку сметаны поближе к нам.

Мы с Жекой уплетали ароматный суп со щавелем и укропом, тяжёлая, густая деревенская сметана так отличалась от привычной нам из магазина, и никак не хотела таять в супе, оставаясь плавать белым пятнышком.

– Не купишь такой сметаны в супермаркетах ваших, – глянул в мою тарелку Алексей.

– Ох, и знатный супец сварила, Шуренька! – причмокнул Захарыч, вымакивая тарелку хлебным мякишем. – Что бы мы без тебя делали!

– Да ладно тебе, Захарыч, – отмахнулась Александра, – если добавки налить, так давай налью. Не жалко.

– Сиди уж, хозяйка. Сам налью, – Захарыч потянулся к чугунку и зачерпнул полный половник супа.

– Да, очень вкусно! – согласилась я с Захарычем. – Спасибо, Александра!

На самом деле я благодарила хозяйку не только за сытный обед и радушие, но и за те воспоминания, что проснулись в моём сердце, наполняя согревающим светом. Щаве-

левый суп в тесной кухоньке с задёрнутыми от жары ситцевыми занавесками на окнах, часто варила наша бабушка. То был необыкновенный вкус лета, детства, которое, как мне тогда казалось, никогда не закончится... И сегодня этот суп из чугунка был очень похож на бабушкин. Здесь, в лесу, у костра, он казался каким-то особенным, даже волшебным... Мы забрели в чей-то мирок, в чью-то тихую гавань, и эти незнакомые люди встретили нас так душевно, будто давно ждали нашего приезда, они прибились к берегу озера, как опавшие листья на воде, принесённые из сибирского леса холодным сентябрьским ветром. И у каждого своя судьба, своя причина, почему он здесь. Мне было любопытно узнать, что привело их сюда.

– Вы и зимой здесь живёте? – я не удержалась и всё же спросила.

– Зимуем потихоньку, – вздохнула Александра. – Я одну зиму, а Захарыч – уж все пять, наверное. А, Захарыч?

– Да уж седьмая будет, я тут старожил, можно сказать, – Захарыч чиркнул спичку, которая в его огромных руках казалась и вовсе ничтожно маленькой, – и затянулся. – Тихо здесь зимой, красота... Вот только темно вечерами, скучно... Морозы трещат. Но мы привыкли.

Казалось, здесь не действуют принятые законы времени, по всем этим людям было не понять, сколько им лет. У мужчин прибавляли возраст отпущенные бороды, по натруженным загоревшим рукам в шрамах и царапинах было видно,

что жили они уже долгую и непростую жизнь. Александра, несмотря на свою полноту, двигалась легко и плавно, словно юркая белка. В её тёмные длинные волосы закралась седина, но глаза лучились тёплым светом, как у девчонки, только вот если приглядеться – паутинка морщин уже легла на её румяное лицо и уже не собиралась его покидать...

Возвращаться по мосту было уже не так волнительно, как в первый раз. После нескольких часов прогулки в бору, ледяной озёрной воды и доброй горячей бани, в теле чувствовалась приятная усталость, клонило в сон. Мы, обмякшие, разморённые, шли нога за ногу по улочкам деревни к своему дому. Нам предстояла первая ночь на новом таинственном месте. Когда окна дома налились густой темнотой, мы задёрнули занавески и включили свет. Тишина. Слышно лишь, как счётчик отмеряет электричество. Поднимается ветер – ветви рябины стучат в окно. Сразу уснуть мы не могли, ворочались в спальных мешках с боку на бок, скрипя пружинами старых диванов. К ночи ветер стал ещё сильнее, разъярённо трепал он деревья, хлопал калиткой, колотил худым металлическим листом на кровле дома. Усталость всё-таки взяла своё, и сон накрыл меня тяжёлой пеленой.

И вот я оказываюсь среди незнакомых мне людей. Они обступают меня со всех сторон, я оборачиваюсь – их круг плотно смыкается, и я оказываюсь внутри хора, подобно новогодней ёлке. Кто они? Они все смотрят на меня, тянут ко мне руки, что-то просят, чего-то от меня ждут. Что

им нужно? Я растерянно кручу головой влево-вправо, вверх-вниз. И внизу наконец обнаруживаю какие-то свёртки. Видимо, люди хотят, чтобы я отдала им эти свёртки. Я не знаю, что там внутри, но раз хотят, пожалуйста, возьмите, не жалко. А хоровод всё кружит, жаждущие лица мелькают, и просят, и требуют отдать... Поднимаю с пола свёртки, отдаю в руки одному, другому, третьему. Пока беру новый свёрток, хоровод всё кружится, и тот, кому не успеваю отдать – выбывает из круга. Так хоровод теряет звенья и становится всё плотнее, всё ближе люди подступают ко мне, движение ждущих ускоряется, я всё реже и реже успеваю отдавать свёртки. И вот круг становится совсем тесным и душным, мне уже трудно дышать, а люди всё ближе, их руки, торчащие из-под рукавов, жёлтые кисти рук, корявые пальцы... Не могу больше! Я кричу и словно взлетаю, взрываю вверх и просыпаюсь.

Ураган стих. За занавесками утро. Жека спит рядом, отвернувшись к побеленной стене, почти с головой спрятавшись в спальник. Значит ли что-то этот кошмар? Есть ли в нём смысл или это проделки «хозяев» дома? И всё-таки круг разорван! Хоровод ждущих – начальников и коллег с планёрок, клиентов и поставщиков в телефонных трубках – остановлен! Я вырвалась и улетела от них всех сюда, где всё пространство и сама душа расчищаются ураганом, смывая лишнее озёрной ледяной водой... Сквозь задёрнутые лёгкие занавески прорывался свет, отчего ночные тревоги будто рассеивались, казалось, что жизнь снова потекла по привычно-

му руслу тихо и легко. Жека завозилась и открыла глаза.

– Привет! – она расстегнула молнию спальника, вытянула обе руки вверх и сладко потянулась. – Ну и ночь!

– Да уж... – меня всё ещё не отпускало воспоминание о ночном кошмаре, я пребывала где-то на границе между сном и реальностью.

Меж тем Жека уже раздвигала занавески в комнате, и окна загорелись ослепительно ярким холодным светом, что не могло не удивлять, ведь ещё вчера днём ничего подобного не было.

– Смотри! – прильнула Жека к окну. – Ого!

Я поспешила слезть со скрипучего дивана и встала рядом с Жекой. Весь двор устилал безукоризненно белый снег.

– Снег выпал! Вот это да! Вот это девятое мая! – Я действительно впервые видела снег на День Победы.

Снег укрыл сырую чёрную землю, деревянную лавочку, завалинку дома. «Надо сфотографировать пока не растаял!» – вспыхнуло у меня в голове, и я отыскала в рюкзаке фотоаппарат. Одевшись потеплее, я зашла в кухню за ведром, что стояло под окошком, чтобы по пути принести в дом воды. Едва протянув руку к ведру, я остолбенела: из нашего кухонного окна, выходящего на внутренний двор дома, я увидела, как зашевелилась часть почвы и обозначилась крышка люка, о существовании которого ещё вчера мы и ведать не ведали, его словно соорудили сегодняшней дурной ночью. Земля, запорошенная снегом, на моих глазах вдруг разверз-

лась, выдав тайную дверь в какой-то иной, невидимый до сих пор магический мир. И оттуда, из-под земли, появилась дряхлая скрюченная старуха в чёрном платке и телогрейке.

У меня пересохло в горле, я не могла и двинуться с места. А старуха закрыла крышку люка, и, несмотря на то что тело её было сковано болезнью и старостью, проворно двинулась к нашему окну. Да, я была замечена! Она шла ко мне! Нас разделяла лишь пара тонких стёкол в трухлявой оконной раме. Что, ну что ей нужно от меня? Может, она ведьма, упыриха из подземелья?.. Она вплотную приблизилась к окну, и мне удалось разглядеть её жёлтое перекошенное лицо, выражение которого мне было не уловить, и старуха стала стучать костяшками пальцев в окошко. Стекло взволнованно задрезжало, я с ужасом и полным непониманием происходящего глядела на незваную гостью.

– Чернички не хотите? – даже через закупоренное окно её слова были вполне различимы и суть их ясна.

– Чего? – еле выдавила я, уставившись на старуху. А та пошарила за пазухой и достала из-под огромной телогрейки маленькую стеклянную баночку с тёмным содержимым.

– Варенье, говорю, черничное будете? – пояснила та.

– Не-еет! Не хотим! – я часто замотала головой, до меня стал доходить смысл её слов. Деревенская бабушка прознала про двух городских туристов и предприимчиво решила сбыть им варенье из местных ягод, спустившись за банкой в погреб. Черника действительно росла в бору недалеко от

деревни. Но как эта бабка оказалась у нас во дворе и почему мы не увидели крышки лаза раньше?

Я вышла с ведром на крыльцо, старуха всё ещё возилась с крышкой.

– Простите, а как вы здесь оказались? – решила я спросить.

– Я-то? – удивилась она. – Живу тут уж полвека как. Вон мой дом, – она кивнула головой в сторону соседской избышки.

– Соседи мы, значит, очень приятно. А как же Вы в этот погреб попали? – не отставала я.

– У нас с Ринванной, покойницей, погреб на двоих. Мужики наши рыли-то, ащё молодые были, крепкие. Ох, и упились они тогда, как черти, ей-богу, прям там, в погребе, и уснули! Проснулись, значит, они среди ночи, не видать ничего, земля сырая кругом. Решили мужики, что мы злыдни эдакие похоронить их удумали, за пьянку ихнюю значить наказать!

Соседка улыбнулась беззубым ртом, и в её глазах загорелись тёплые лучики.

– Теперь уж и нет их никого, одна я осталась вот, – вздохнула она и стала говорить медленнее и тише. – Бабзина я, вам ежели чё надо будет: телевизор посмотреть или варенья захотите, айда ко мне, не стесняйтесь, чаю выпьем иль ашо чаво.

– Спасибо Вам, – я в растерянности стояла посреди за-

снеженного двора, сжимая в одной ладони тонкую холодную ручку пустого металлического ведра, в другой шнурок от фотоаппарата.

А баба Зина шумно захлопнула лаз тяжёлой крышкой и поковыляла к калитке в заборе, разделяющем два соседствующих участка: её и покойной Ирины Ивановны. Вот, оказывается, как звали хозяйку дома, в котором мы сейчас обитаем. Кто ж знал, что в заборе есть эта хитрая калитка! Не заметить её никак, ведь сделана она из таких же неотёсанных досок, что и сам забор, сливается с ним воедино, вот и разберись попробуй. Глухой покосившийся забор будто проглотил тёмную фигуру бабы Зины, калитка закрылась, сделавшись его частью. Всё стало как прежде, и лишь большие бесформенные следы от калош на снегу выдавали визит непрошеной гостьи.

Я открыла засов на воротах, тот гулко стукнул, створы скрипнули, и я направилась вверх по улице к колонке. Ветхие крыши стареньких рубленых домов подпирали серое тяжёлое небо, ставни все, как на подбор, выкрашены голубым, на окнах белые занавески, на подоконниках – герань. В такие пасмурные дни эта деревенька казалась особенно печальной, вздыхала, о чём-то переговариваясь с угрюмыми соснами, с тоской глядела она на пустые улицы глазами-окнами осиротевших домов, и старилась, старилась вместе со своими немногочисленными жителями. Я остановилась и сфотографировала улицу, с лёгким налётом майского снега, тянущую-

юся вдоль речки, уводящую к самому бору. Потом набрала воды, шумным потоком ударившей о дно моего ведра, и увидела силуэт приближающейся женщины с коромыслом, по обе стороны которого висели вёдра. Она тоже шла за водой. Из-под её платка выбилась прядь поседевших волос, под расстёгнутой телогрейкой вытянутый серый свитер, кажется, связанный на спицах вручную, цветастая юбка, разношенные галоши... Я, конечно, знала, что здесь, в этой глубинке, все ходят за водой на колонку, отапливаются дровами и углём, редко на каких домах виднеется тарелка – спутниковая антенна, но встретить женщину с коромыслом мне казалось чем-то диковинным. Может, время здесь повернулось вспять, то ли и вовсе оно здесь замерло и никуда не двигается с места уж последние лет сто?..

– Здравствуйте, – решила я обратиться к женщине, ведь не могла упустить столь колоритную героиню русской деревни. Она равнодушно кивнула.

– Простите, можно мне Вас сфотографировать?

– Меня? – недоумённо глянула на меня героиня, будто я предложила ей прокатиться на слоне.

– Ну да. Вы такая яркая! И с коромыслом! В городе таких не встретишь, – постаралась я объяснить.

– А что мне надо делать? – растерялась женщина.

Наверное, я тоже бы растерялась, если бы ко мне подошли и попросили разрешения сфотографировать, как я еду в трамвае на работу или вызываю лифт, или выбираю про-

грамму на стиральной машинке...

– Ничего не надо. Просто наберите воды и идите, а я Вас сфотографирую и всё.

– Ну ладно, – пожала она плечами.

Так у меня появился отличный снимок: женщина в шерстяном платке и галошах несёт воду на коромысле, ступая по узенькой деревенской улочке, запорошенной неожиданным снегом. Сырой ветер топорщит подол её длинной юбки, треплет волосы под платком, а ей словно бы всё равно на непогоду, она смотрит отсутствующим взглядом сквозь эту улицу, куда-то далеко-далеко за хмурое небо, она привыкла к суровым ветрам, к тяжёлой работе, к своему селу. Для неё носить воду с колонки – обыденность, для меня же эта женщина олицетворила собой русскую деревню и жизнь нашего народа.

Вернувшись с ведром воды и с красивым кадром в фотоаппарате, я рассказала о своей удаче Жеке, похваставшись снимком. Поделилась и историей забавного знакомства с Бабой Зиной, пусть Жека знает о существовании таинственной соседки, способной появляться из-под земли и исчезать в заборе.

Соседский серый кот с широкой мордой и мощными лапами притаился в высохшей прошлогодней полыни, выжидая подходящего момента для нападения: он охотился на маленького желторотого воробья, снующего рядом. Мы тоже решили «поохотиться» за колбасой и отправились в сторону

магазина. От здания сельсовета доносились песни военных лет: «Катюша», «Тёмная ночь», «На Безыменной высоте», «Эх, дороги». Сегодня День Великой Победы, впервые мы с Жекой в этот праздник не на параде и вообще не в городе.

Бывает, мы отдаём старый хлеб голубям, а может, даже выбрасываем, порой у нас залёживается в холодильниках колбаса, а жарим курицу не потому что праздник, а потому что это быстро. Мы радуемся, когда дети делают первые шаги, фотографируем их на качелях, с мороженым, с кошкой, фотографируем себя у водопада, у новой машины, с детьми, с собакой... Мы делимся рецептами, диетами, упражнениями, лайфхаками и забавными видео. Сердимся на пробки и на очередь в больнице, нас огорчает, когда тормозит интернет, когда нам приносят кофе недостаточно горячим, а акция на любимую тушь быстро закончилась. Мы выбираем кеды, мультиварку, детский сад, фитнес-клуб, танцевальную школу, ВУЗ. И планируем сегодняшний вечер, что будем делать на выходных, куда поедем, а может, и полетим, на майские.... Мы помним, что была война, голод, блокадный Ленинград, и знаем, что хлеб выбрасывать нельзя. Но это как будто бы где-то там, далеко, за горами Кавказа и Крыма, за дымом Ржева и Сталинграда, за десятилетиями, за поколениями. Но так ли много прошло времени после войны? Думаю, нет, совсем немного. И, пожалуй, нет той семьи, в окна которой не заглянула бы война. В нашей семье воевали...

Никонов Борис Александрович вернулся с фронта конту-

женным, с тяжёлым воспалением лёгких. Бабушка помнит себя босоногой девочкой, которая боялась сурового мужчину, что был простужен и сильно кашлял. Когда он появился в доме, маленькая Галя спряталась под кровать, она не знала, что этот человек в длинной шинели – её отец.

Младший брат нашей прабабушки – Сафронов Михаил Константинович, погиб в боях под Сталинградом совсем молодым парнишкой. Он не вернулся. Прабабушка очень любила маленького Мишу. Будучи детьми репрессированных крестьян, названных «кулаками», они были угнаны на лесоповал, и вместе бежали из лагеря. Им удалось. Прабабушке Сафроновой Лидии Константиновне было шестнадцать, с маленьким Мишенькой на руках, она скрывалась у тёток, которые неохотно делили с ней кров. Мало кто хотел рисковать, укрывая беглых заключённых. Прабабушка Лида спасла брата от советской власти, а уберечь его от фашистской пули было не в её силах...

Абрамчиков Марк Григорьевич – отец нашей бабушки Анны, лишился руки, но вернулся с войны. Буквально за два года до войны семья бабушки Ани переехала из Белорусской деревни Красницы в Сибирь. Бабушке был год, когда она стала сибирячкой. Уезжали от белорусского голода. Почему в Сибирь? Потому что здесь всегда росли хлеб и картошка, было много земли. В Краснице у бабушкиной семьи был добротный тёплый дом. Решиться оставить его и всё изменить было непросто. Тем более что на новом месте домишка был

худой, с дерновой крышей. Но этот переезд спас жизнь всей семье. В Краснице остались родственники, которые побоялись ехать в суровую Сибирь. И когда в деревню пришли фашисты и подожгли её, оставшиеся тётка с дочкой спрятались в кукурузном поле и видели, что их дом, их Красница сгорели дотла...

Старший брат бабушки Ани – Фёдор Маркович, девятнадцатилетним парнишкой погиб в мае 1942 года. Среднему брату – Ивану Марковичу, было семнадцать, когда его вызвали в военкомат и «предложили» пойти на фронт добровольцем. Ему пришлось оставить дома мать и двух младших сестёр. Дядю Ваню я хорошо помню. Ему посчастливилось вернуться с войны и прожить долгую жизнь. Я помню его пиджак, который он надевал по праздникам, орденов и медалей на нём было не счесть. Но когда родные начинали его расспрашивать о войне – дядя Ваня отшучивался, рассказывая весёлые истории о себе и фронтовых товарищах...

Палецкий Александр Васильевич – отец моего деда Аркадия, тоже ушёл на войну, когда сынишка был ещё совсем маленьким, да и звали его иначе. В 1938 году в семье Палецких родился сын, и назвали его Адольфом. Но когда фашистская Германия, возглавляемая Адольфом Гитлером, вторглась в пределы нашей страны, родители изменили его имя на созвучное – Аркадий. Мама Адика – Палецкая Лидия Сергеевна, во время войны работала в омском военном госпитале санитаркой. Дед Аркадий вспоминал, что был очень болез-

ненным и слабым ребёнком, его мучали фурункулы. Голод, отсутствие элементарных витаминов и лекарств... Мать не знала, как поставить его на ноги, и, когда соседи резали корову, она собирала кровь и заставляла сына пить... Дед Аркадий выжил, стал отличным инженером, женился на красавице Галине, и у них родилась дочка Леночка – наша мама.

А многие не вернулись, так и не увидев своих детей, не узнали они даже, что Победа НАША, что воевали не зря. Но я очень, очень верю, что все невернувшиеся всё же смотрят на нас с небес и радуются тому, что мы встречаем утро и пьём кофе, обнимаем детей, фотографируемся с собакой и с машиной, куда-то едем, а может быть, даже летим на майские по мирному небу...

Сегодня над нами небо всё хмурилось, обещая пролиться дождём или выдать новую порцию снега. В магазин тётки Кати подвезли свежей «Краковской», и мы взяли один ароматный рогалик, десяток деревенских яиц и свежий нарезной батон. Жека едва успела уложить продукты в рюкзак, как у входа возник широкоплечий молодой человек высокого роста, которому пришлось немного пригнуть голову, чтобы не удариться о дверной проём. На вид лет двадцать от силы, коротко стриженный, с его появлением по магазину поползло амбре крепкого дешёвого табака и жареных семечек. Раньше мы его здесь не встречали. Я глянула ещё раз: действительно, не встречали. Меня насторожили его глаза: смотрел он зло, хищно, будто готовился напасть.

– Телефон есть где зарядить? – обратился он к тётё Кате, не здороваясь.

– Ну, давай, заряджу, – тётя Катя добродушно взяла у парня телефон и понесла к розетке.

Казалось, продавец была с ним знакома. И неудивительно, ведь в этой небольшой глухой деревеньке всего три магазина, и каждый местный житель обязательно зайдёт в них: если не за покупками, так хоть просто пообщаться да узнать последние новости.

– О, девчонки! А вы где живёте? – он не отрывал глаз от Жеки. – Мы на берегу сегодня баню топим, приходите.

Было, было в его взгляде что-то звериное, что невозможно скрыть, острое, угрожающее.

– Благодарим, – твёрдо отрезала Жека, сверкнув на него молниями своих огромных глаз, что было красноречивее любого «Нет», и мы поспешили к выходу.

– Ну так как, придёте? Где живёте спрашиваю? – громче и настойчивее продолжал парень.

Мы не обернулись. За спиной послышалось невнятное щебетание тёти Кати, шарканье шлёпанцев, скрип закрывающейся двери. Нет, идти в дом сейчас нельзя, вдруг ещё этот тип увяжется за нами и выследит, где мы живём. Только бы тётя Катя не разболтала адрес... Снег в лесу будто и не собирался таять. Полуденное солнце заслонили плотные густые тучи, света в бору стало так мало, казалось, что уже поздний осенний вечер. От земли тянуло сыростью, холод пробирал-

ся к ногам и спине. И всё же спина съёживалась не только от промозглой погоды: у меня снова возникло ощущение, что на меня смотрят. Определённо я чувствую чей-то цепкий взгляд! Но чей он, кому принадлежат его копыта? Я обернулась. Никого. Осмотрелась по сторонам: кажется, вот за тем стволом сосны кто-то прячется! Но нет, это просто склонилась старая осина.

– Ты чего? – заметила моё волнение Жека.

– Не знаю, Жек, это бред, наверное, но у меня такое ощущение, что на нас смотрят, – вполголоса ответила я. – Не пойму откуда.

– У меня тоже есть такое ощущение. А ещё я знаю, что это не человек.

– Думаешь, медведь? – округлила глаза я.

– Медведь тут ни при чём. В такую непогоду тому миру, – Жека подняла голову к небу, – тоже беспокойно. Души мечутся. А на природе это ощущается острее, чем бы ты сейчас дома у телевизора сидела.

– Пойдём в дом печку затопим, – мне вдруг так захотелось оказаться у себя дома, на своём уютном диване, у телевизора. Я бы даже согласилась сейчас смотреть хоккей...

– И колбасу с яйцами пожарим, – улыбнулась Женька.

Да, дом, пусть и мрачный, пусть и не наш, но всё же даёт ощущение защиты. Мы опустили слабенький крючок на двери, и стало спокойнее. А когда затрещали дрова в печке, мы согрелись, и даже захотелось снять душный свитер,

все тревоги улетали в трубу нашей буржуйки и развеивались вместе с дымом по низкому сырому небу. Жека налила к ужину по чарке красного вина, что мы привезли из города, будто предчувствуя такой промозглый денёк, когда хочется лишь сидеть у огня в огромном одеяле и не показывать носа на улицу. Как тепло и даже уютно стало в этой неказистой кухоньке со скрипучими стульями, у потемневшего от времени и влаги старого деревянного стола! Какой удивительно вкусной казалась эта незатейливая еда, приготовленная одним махом!

– Блюдо удалось! – я первая сметелила яичницу с колбасой, собирая хлебным мякишем остатки жира по тарелке.

– Добавки? – подмигнула Жека.

– О нее, – едва я помотала головой, как вдруг наш диалог прервал резкий звук: что-то упало в комнате. Сквозняка нет, все окна и двери закрыты. Но удар ведь определённо был. Неужели показалось?

– Что-то свалилось, – подтвердила мои сомнения Жека и двинулась в комнату. Я следом.

– Мальчик! – низким сдавленным голосом произнесла Женя.

На полу на домотканной дорожке лежал кусочек ДВП, – портрет мальчика, который всё «хотел» что-то спросить. Жека подняла его и осмотрела – ветхая верёвочка, приклеенная к обороту портрета, перетёрлась посередине от долгого висения на гвозде и порвалась. Казалось бы, всё просто, всё укла-

дывается в рамки законов физики: под воздействием силы трения и силы тяжести тело стремится вниз, куда ж ему ещё стремиться? Рано или поздно все верёвочки истреплются и портреты упадут на пол. Но, к сожалению, одних законов физики тут было явно недостаточно, этот дом и пространство, сопряжённое с ним, существовали по каким-то иным, неведомым холодному разуму законам. Страх подкрался откуда-то со спины, пробежал по ней мурашками, отозвался в ушах сильными толчками и застрял в сухом горле.

– Спасибо, что хоть не среди ночи упал, вот бы мы обалдели! – заметила Женя.

Сестра сделала тугой узелок на серой истрёпанной верёвочке и снова повесила портрет на стену. Я задёрнула пыльные занавески в комнате.

– Давай на всякий случай топор в дом занесём, – предложила Женька.

– Дааа... – озадаченно протянула я. – Тут не топор, тут бы кол осиновый, – смотрела я на мальчика. – Но и топор, знаешь, не помешает.

Вместе с Жекой мы вышли на крыльцо, освещая фонариком путь к дровянику. Дров здесь явно прибавилось, видимо муж Надежды – «сам», приходил, пока мы бродили по лесу и привёз для нас новых дров. Колун лежал на земле рядом с дровами, – Жека его подняла, казалось, с топором ночевать безопаснее. Во мне снова стало нарастать чувство ползучего взгляда по спине, так смотрит любопытный чужой, он ме-

ня видит, изучает, рассматривает, а я его – нет! Я посветила фонарём вокруг себя и остановилась на заборе у дровяника: старые доски, державшиеся на ржавых гвоздях, были раздвинуты. Вспомнить бы ещё, каким был забор днём. А если днём этот забор был целым, то кто сделал эту брешь? Дыра получилась довольно большая, человек смог бы спокойно проникнуть в неё. За этим забором простиралось поле, скорее всего, хозяева раньше садили там картошку, а дальше – река Тунгуска и бор, стена из огромных сосен. Кому понадобилось раздвинуть доски? Бабе Зине? Надеждиному «саму»? Вряд ли. Здесь был кто-то другой.

Топор и фонарики лежат на полу у дивана, что ещё придумать? Нечего думать, давно пора спать.

...Я иду по тропинке, густо заросшей с обеих сторон высокой полынью, крапивой и чертополохом, который так и норовит залепить в меня колючкой. Тропинка пролегает по самому краю деревни вдоль старой полуразрушенной околицы. Ночь медленно опускает свой занавес, наполняя деревню прохладой и темнотой. Надвигается гроза, волоча тяжёлые чёрные тучи. Луна едва поглядывает на меня самым своим краешком, затаившись в глубоком кармане неба, будто ожидая чего-то. Лес подступает к деревне совсем близко, забывая о своих границах, любопытно заглядывая в жёлтые окна ветхих покосившихся домишек, что устроились здесь рядом с выездом из села. Ветер шумит в макушках сосен, уносятся все звуки, и я даже несколько раз оглядываюсь: не идёт

ли кто следом? Нет, лишь трепещут листочки крапивы, наверху поскрипывает старая сосна. Высокая трава смыкается за мной, и я ощущаю босыми ногами её сырой вздох. Я подхожу к разрушенной церкви, путь к которой давно забыт сельчанами, её видно издалека, ведь она стоит на пустыре, и только один сухой ковыль на этом пустыре знает, как одиноко и тоскливо ей без настоятеля и молитвы прихожан. Я поднимаюсь по каменным ступеням, с усилием дёргаю за холодное металлическое кольцо, и тяжёлая деревянная дверь открывается с жалобным тоненьким скрипом. В церкви темно и холодно, липкая паутина окутала фрески на стенах, печальные лики смотрят на меня с икон. И мне хочется прижать руки к груди, заплакать. Но нет, не только мне есть дело до старой церкви: двое ребят с растрёпанными волосами в льняных выпачканных то ли сажех, то ли углем рубахах стоят у самого распятия, и будто бы ждут меня. Одному на вид лет семнадцать, другому – около тринадцати, и оба так похожи, братья, наверное.

– Прочитай нам отходную, – тихо, почти шёпотом просит меня старший.

Я стою в замешательстве, вот-вот земля уйдёт из-под ног. Разве можно читать отходную по живым? Да и не знаю я такой молитвы, и потому беру с резной деревянной скамьи или кем-то забытый, или специально здесь приготовленный большой молитвослов, перелистываю, стараясь найти нужное. Пока ищу, спину мою обдаёт холодом, откуда-то изнут-

ри меня вырастает страх, я определённо чувствую чей-то взгляд на себе. Но кто хозяин этого холодного острого взгляда?...

Я перестаю листать, оглядываюсь по сторонам, и начинаю было читать «Отче наш» по памяти, но язык не слушается меня, и тут из темноты у входа появляется коренастый карлик, в длинном плаще и капюшоне, лица его не разобрать, он размахивает огромными руками и бежит прямо на меня! Что же мне делать?! Куда бежать? Я запускаю тяжёлым молитвословом прямо в карлика и зову на помощь, но в горле словно леденец застрял, хочу закричать что есть мочи, чтобы порвать эту ночь, эту темноту, пересилить шум ветра, а дыхания не хватает, и из моей груди вырывается лишь слабый стон. Сзади до моего плеча еле дотрагивается чья-то горячая рука. Я боюсь обернуться, рука дотрагивается ещё раз и ещё, уже настойчивее, я всё-таки оборачиваюсь. Андерсен! Это же Андерсен! «Вставай!» – говорит он и теребит меня по плечу.

– Вставай! – вторит ему родной голос Женьки, – Юлечка, проснись, – шепчет Женя и держит меня за плечо.

Уффф! Я выдохнула. Сорочка прилипла к телу, спальник придавил меня так, что казалось, я скоро погружусь в толщу матраца, словно в мягкий песок и сравниюсь с поверхностью. Это обыкновенный кошмар, просто в доме очень душно, видать, вчера мы перестарались с растопкой печи. Срочно открыть молнию спальника, попить, умыться, подышать,

успокоиться, а не то...

– Проснись скорее, – встревоженно повторяет Жека. – К нам кто-то лезет в дом.

От Женькиных слов с меня весь сон вмиг слетел. Мы вскочили с кровати, прислушались. С улицы доносились возня и невнятный шёпот. Действительно, кто-то пытается открыть засов калитки. Новая волна ужаса накрыла меня, но ни голова, ни руки на этот раз мне не изменяли: мы включили свет в кухне, давая понять неприятелям, что им не удастся застать нас врасплох. Страх переполнял округлившиеся глаза Женьки.

– Надо звонить Надежде, – твёрдо проговорила она.

Я схватила телефон, время на экране «3:05» и упрямо горит надпись: «Поиск сети». В этих местах перебои с сотовой связью не редкость, особенно в непогоду, удивительно, что сотовая связь здесь вообще появилась. Всё ясно, значит, рассчитывать нам не на кого. Кричать тоже бесполезно: слева по соседству живёт дряхлая баба Зина, справа – заброшенный дом, в нём последние года три точно никого нет, а через улицу – да кому нужно бежать среди ночи спасать приехавших неизвестно зачем в эту глушь двух городских сумасшедших?

Тем временем возня стала доноситься отчётливее, и уже можно было различить металлическое бряканье и два мужских голоса. Один из них принадлежал парню с хищными глазами, тому, с кем мы встретились в магазине. Поскольку входная дверь закрывалась на крючок из проволоки,

разогнуть который не составило бы труда даже ослабевшему больному, не то что здоровому человеку, мы не стали даже приближаться к выходу, и встали в кухне у двери, ведущей в сени. Женька держала дверную ручку, на её руках от напряжения выступили сухожилия, вырисовывался рельеф мышц. В любой момент злодеи могут проникнуть в сени и дёрнуть дверь с обратной стороны. Я ещё раз взяла телефон: неуверенно обозначилась сеть. Пошли гудки.

– Надежда, миленькая, к нам лезут двое, помогите, если можете, – внезапным ночным звонком я, конечно, разбудила хозяйку.

– Сейчас придём, – удивительно ровным и спокойным показался мне голос Надежды.

– Жек, они придут! Надежда живёт через две улицы, пока оденутся...

И я подняла топор.

При нас из ценного фотоаппарат, два плеера и небольшая сумма денег на билеты домой да карманные расходы. Отдать им это? Не думаю, что так мы сможем отделаться... Со мной такое впервые: виски пульсируют, коленки ходят ходуном, а я не могу приказать им успокоиться, хорошо, хоть руки не трясутся. Мой невысокий рост сейчас мне не на пользу, и потому я держу топор, подняв руки над головой.

А может, это чья-то глупая шутка? Но чтобы вот так пугать среди ночи, нет, это не шутка, тем более, что они уже знают, что замечены, и никому не смешно. Над всей этой

чехардой мыслей властвует лишь одна главная: «Только бы успеть ударить первой. Не смей растеряться!». И я уже будто наяву вижу обезумевшие глаза неприятеля, его огромную голову, по которой мне следует ударить. Вижу и кровь из разрубленной раны.

Обычно мне становилось нехорошо в процедурном кабинете уже от одного только вида крови, и медсёстры посмеивались надо мной. Но куда подевалась моя впечатлительность? Сейчас я не боюсь убить человека. Ни о каких моральных категориях, терзаниях совести и речи нет, нет и тени сомнения, что действую правильно. Главное, что заботит меня сейчас – успеть, не промахнуться, попасть наверняка. А что делать со вторым?.. Ну где же Надежда?!

В сенях что-то упало, звякнуло о корыто, нервная брань низким хриплым голосом, удаляющиеся глухие шаги. Жекины руки всё ещё не выпускают дверной ручки, я продолжаю сжимать гладкую рукоять топора. Мы не смеем двинуться с места. Сердце пульсирует в самых ушах, и в ритм его ударов врывается стук металлической задвижки на воротах.

– Юля, мы здесь! – голос Надежды с улицы.

Тело моё вдруг обмякло, опало, кулаки сделались ватными, а топор невероятно тяжёлым. Мы вышли в сени, на полу лежало перевёрнутое корыто, видимо, о его бок и запнулись те двое, покидая дом. Я подняла тонкий крючок, скрученный из металлической проволоки, толкнула входную дверь, и мы вышли на улицу. Снег растаял, в предрассветных су-

мерках уже отчётливо прорисовывались и сарай, и покосившаяся баня, и забор дровяника с зияющей дырой.

– Что тут у вас случилось? – спросила хозяйка.

Муж Надежды держал охотничью двустволку, внимательно осмотрел дом и показал на окно в сенях: в пустом деревянном прямоугольнике надувались занавески, а потемневшая от старости рыхлая оконная рама стояла на земле, прислонённая к завалинке дома. Рядом притулились лом и лопата. Судя по всему, с помощью ломика злоумышленники вытащили оконную раму. Душа моя сжалась при той мысли, что мы с Жекой могли крепко спать и не слышать, как те лезут к нам в дом. Этой тяжёлой ржавой лопатой они могли огреть нас, и что бы было тогда... Вообще я поняла, что в своих рассуждениях лучше избегать частицы «бы», она лишь напускает туман и отвлекает от главного. А главное сейчас то, что всё хорошо окончилось.

– Ну и дела, – голос Надежды был по-прежнему ровным, лицо, обрамлённое синим платком, тоже не выражало беспокойства.

– Спасибо, что пришли к нам среди ночи, – Жека перевела взгляд с лопаты на дыру в заборе, и стало понятно, кто и зачем её сделал.

– Забор надо бы Вань, подлатать, – обратилась Надежда к мужу.

– Починим, чего уж там. Они больше не придут, – успокоил нас хозяин, закуривая.

– Почему? Ведь у них не получилось задуманное, – возразила я.

– Шакалы потому что трусливые. Не придут, – уверил нас Иван.

И действительно, наступивший день был самым обыкновенным. Прогулялись до озера по сырым лесным тропинкам. Радужная Александра напоила нас свежим чаем с мятой и чабрецом и словно невзначай рассказала, мол, не зря об этих местах слагают легенды, и что здесь, на берегу этого особенного озера, хорошо получается медитировать. Мы удивлённо глянули на неё.

– Не знаете, что это такое? Хотите, я проведу для вас медитацию?

– Спасибо, конечно, но вдруг голову снесёт, и что потом делать?.. – отказалась я, потому что не имела практики медитаций, вообще слабо представляла, в чём её суть, для меня понятие «медитация» располагалось где-то между сеансом гипноза и консультацией экстрасенса. Словом, я не доверяла ни Александре, ни её «медитациям».

– А в городе голову не сносит от работы? – ухмыльнулась Александра.

– Бывает, бывает, – вздохнула я и перевела разговор на другую тему.

Захарыч пошёл с нами в деревню за хлебом и рассказал, как Александра появилась здесь, на берегу Данилова. Оказывается, эта женщина – мать троих взрослых детей. Ко-

гда-то давно она, оставшись без мужа, поехала на заработки в Москву, а мегаполис затянул, проглотил её своей голодной пастью, вырваться из которой удалось лишь спустя девять трудных лет. Уставшая, опустошённая, разочарованная иллюзорностью успеха, которым часто ошибочно наделяют жителей столицы, Александра в отчаянии подалась в какую-то секту, отписав квартиру сомнительной религиозной организации, стала странствовать по миру, лишившись средств к существованию и потеряв связь с детьми...

Эта ночь прошла без приключений, мы хоть и старались не смыкать глаз, но сон взял своё, русло нашего разговора постепенно стало петлять из стороны в сторону, путаться и спотыкаться, а потом и вовсе потеряло чёткие очертания и провалилось в бездну усталости и темноты.

Рано утром мы уже стояли с рюкзаками под козырьком автобусной остановки, дожидаясь рейсовый «пазик» до города, и слышали, как люди встревоженно обсуждали каких-то беглых заключённых, которые скрывались от правосудия в местных лесах, устроившись на базу Данилова озера разнорабочими, где не требовались ни паспорт, ни характеристики с предыдущих мест работы. Ещё говорили, что эти двое ограбили несколько деревенских домов, где жили старики, и даже угнали чей-то мотоцикл, но милиция из райцентра их всё-таки задержала. Так вот, значит, кем были наши непрощенные гости... Невидимый таинственный узел был развязан. Мы наконец сели в автобус. Я, почувствовав себя в безопас-

ности, крепко уснула, и мне не мешали ни кочки, ни выбоины разбитой сельской дороги.

...Я встала с кровати, накинув поверх пижамы мягкий махровый халат, и не умываясь, прошла в кухню, откуда доносился аромат кофе. У плиты стоял Андерсен, снимая турку с огня.

– Доброе утро, – улыбнулся он.

– Доброе, – казалось, я всё ещё не могла до конца вернуться в свою реальную сегодняшнюю жизнь.

– Сложное путешествие было, знаю. Отдыхай, – сказал Андерсен, поставил чашку горячего кофе передо мной на стол, зашнуровал ботинки и ушёл в этот раз через входную дверь, как нормальный человек.

В голове трещало, звенело, гудело, будто я только что получила в затылок колотушкой. Останавливать Андерсена я не стала: сил на разговоры всё равно не было, да и смысла в том никакого. Я села за стол, закутавшись в длинные полы халата, проникшись глубокой благодарностью к нему за отличный кофе, и принялась делать маленькие глотки волшебного напитка, постепенно возвращающего меня в настоящее. А в настоящем наступил октябрь. Летит мокрый снег с дождём, стуча в мои окна. Пора убирать велосипед с балкона в тёплую кладовку. Чижик, Чижик, я буду по тебе скучать. Детская площадка во дворе уже устлана ковром опавших, потемневших от сырости листьев. Как быстро прошло

лето... Да и не только лето, вообще, с каждым годом жизнь всё сильнее и сильнее раскручивает своё колесо, словно бежит под горку. Мне тридцать, столько было всего за это время. И всё же странно, почему в этих путешествиях к прошлому меня ни разу не забрасывало во дворы к ребятам из моего детства, в школу на выпускной например, или в отпуск с мужем к морскому побережью? К тому же есть так много событий, которые мне хотелось бы повторить. Возьмём даже день нашей свадьбы. Он прошёл так волнительно для меня, в какой-то суматохе, спешке, и был словно разменян на сотни организационных мелочей, так, что я не успела прочувствовать торжественность, трогательность и сказочность момента, который так красиво показывают в кино. Почему именно с Жекой в походы?

Наверное, жизнь подводит черту под моей бесшабашной юностью: тонкую, едва заметную пунктирную линию, как бы намекая: «Видишь, это время прошло. Что дальше?», и открывает другую, ранее незаметную мне дверь, и пока неизвестно, куда она ведёт.

Мои мысли прервал звонок в домофон. «Это я, открывай!» – слышу родной голос в трубке. На пороге появилась румяная Женя, пахнувшая морозом и свежестью. В её пышных волосах с золотистым отливом, на вязаной шапке цвета корицы и тёмно-зелёной куртке, так гармонично рифмующейся с глубокой зеленью глаз, таяли снежинки, к ботинку прилепился бордовый листик: будто сама осень вошла в мой

дом.

– Спишь ещё, что ли? – удивилась Женя.

– Практически нет. Кофе будешь?

– А то! Я вон что принесла! – Женя достала из рюкзака ещё горячие слойки.

Утро! Какое чудесное утро, когда вдруг открывается дверь и на пороге появляется родная Женька, да ещё и с ароматными плюшками. Мы говорили о приближающемся дне рождения Жени, и решили вместе пойти на концерт. Я обещала испечь мою любимую пиццу с грибами и ветчиной, а вот именинный торт, на котором мы зажжём нарядные свечи, Женя купит в кондитерской недалеко от дома.

– А мы, наверное, станем родителями, – спокойно произнесла Женя, даже как-то обыденно, словно невзначай, и мне показалось, что я либо не расслышала, либо не поняла сути сказанного.

– В каком смысле? – растерялась я.

Что это значит? Теоретически с большой долей вероятности все люди на Земле однажды могут стать родителями. Но какое это отношение имеет к Женьке? Это начало отвлечённого разговора о детях или новость?

– Если всё будет хорошо, у нас с мужем скоро появится ребёнок, – улыбнулась Женя.

Значит, это всё-таки новость. Я обняла сестру, всё ещё не веря услышанному.

– Поздравляю, – ничего иного не пришло в мою голову,

по крайней мере в фильмах и книгах на подобные заявления герои реагировали так.

Женька станет мамой? Она же сама ещё такая молоденькая, и совсем не похожа на «мать». Ведь при этом слове в моём сознании возникает образ полной женщины в длинном сарафане, с косой и пышной грудью, в руках у неё поднос с румяными пирогами; шумной гурьбой дети: мальчишки и девочки, малыши и те, что повзрослее, – бегут к подносу и расхватывают на лету пирожки, и где-то рядом во всей этой картине под названием «Материнство» должен быть кот... Нет, это не про Женю. Но она сама только что сказала. Моя Женька? Теперь не моя. А разве кто-то или что-то в этом мире может принадлежать человеку?

Нет, мне здесь ничего не принадлежало и не принадлежит, ведь все мы здесь гости, путешественники. Мы больше не сможем ходить в походы. Ни в горы, ни на сплавы. Ведь Жене нужно будет качать малыша и петь колыбельные, варить кашу, гладить стопки стиранных распашонок и ползунков. Потом водить в детский сад, в разные секции и студии, мазать зелёнкой разбитые коленки и лечить кашель. А потом учить с ребёнком уроки и ходить на родительские собрания. А что буду делать я? Меня вдруг накрыло сиротливое чувство одиночества, ведь мой настоящий друг, которого я так люблю, уезжает в неизвестную мне страну навсегда. И говорит об этом так просто, так легко, словно это ничего не значит.

Это особый маршрут, полный своих испытаний и радостей, и с него уже не свернуть. Это путь Женьки без меня, Путь Матери. Ей ещё только предстоит стать женщиной – той, какая была задумана когда-то Создателем: женщина рождающая, дающая жизнь, женщина-мать. Ещё немного – и Женькину душу до самых краёв наполнит новая любовь. Любовь к своему чаду – чувство, которое было для неё незнакомо раньше. Женя возьмёт на руки нового маленького человечка, каким сама когда-то пришла в этот мир. Так будь счастлива, Женька!

К тебе спустилась душа, ещё не знающая греха и искушений. Ребёнок... Он появится словно из далёкого детства, ещё такой чистый, излучающий тёплый свет. Он неземной, у него ещё нет той твёрдой оболочки, какая есть у тебя, нет у него и масок, которые свойственно надевать людям, и мы их даже не замечаем, настолько привыкли к ним... Ты отдашь всё, лишь бы он не знал горя и потерь, чтобы сохранить это хрупкое, беззащитное.

И вот ты держишь его на руках, храня его сны. Ты осторожно целуешь его открытую ладонку, такую маленькую, мягкую, пахнущую сладким молоком, и вдруг тебе становится всё равно, что происходит сейчас в мире, в городе, на улице за окном, не волнует даже то, если кто-то внезапно позвонит в дверь твоего дома. Потому что здесь, рядом с этой ладонкой, открывается новая планета, неизвестная раньше. И сейчас эта планета качается в своём просторном синем кос-

мосе, еле слышно дышит и спит так безмятежно, доверяя всему, что происходит, не заботясь о том, что её ждёт. В ней нет границ и страха, она плавно движется по проложенному для неё пути и будто бы даже принимает форму пространства, становясь его продолжением. Хочется встать на цыпочки, чтобы хоть немного быть выше, приподнять звёздную занавеску и заглянуть за край этой планеты, но никак не разобрать, где кончается её земля и начинается сам космос. Может и мне приготовлен похожий путь?

Сквозняком захлопнуло приоткрытое окно в комнате, по полу потянуло холодом. Я направилась в спальню закрыть окна и обнаружила Андерсена в кресле. Наверное, он уже в курсе Женькиной новости.

– Достань свои детские фотографии, пожалуйста, – вдруг просит Андерсен, и я вынимаю с верхней полки шкафа небольшой альбом.

Он с родительской заботой смотрит то на меня, то на снимки, то снова на меня, будто знает какую-то тайну, что-то, что пока мне недоступно.

– Знаешь, Андерсен, однажды мне довелось от кого-то услышать, что дети сами выбирают себе родителей ещё задолго до своего физического рождения. Так, может быть, и меня кто-нибудь выберет? – испытующе я гляжу на Андерсена, но с ответом он не спешит.

Смогу ли я оправдать хрупкие прозрачные надежды той души, которая поверит мне?.. Андерсен молчит, а на его

лице появляется мягкая, едва уловимая улыбка, и в молчании его угадывается что-то вроде «Поживём-увидим. Неисповедимы пути Господни». Я поднимаю глаза к кусочку неба, ограниченного квадратной рамкой окна спальни: может, сейчас там, далеко на Небесах, какая-нибудь душа готовится прийти на Землю?.. И что-то огромное, сильное, из самой глубины моей души рвётся наружу: «Поверь, пожалуйста! Я постараюсь быть тебе хорошей... Я буду тебя очень ждать!»

Я вышла на улицу только к вечеру, глубоко вдохнув влажный холодный октябрьский воздух. Снег припорошил уставшую землю, укрыл израненный трещинами асфальт у нашего дома. Мне вдруг показалось, как где-то в груди с трепетом бьётся маленькая птичка: так в детстве мы ждём приближающийся праздник. Я улыбаюсь в предвкушении новой зимы и шагаю, шагаю, шагаю, печатая чёрные следы на чистом снегу.